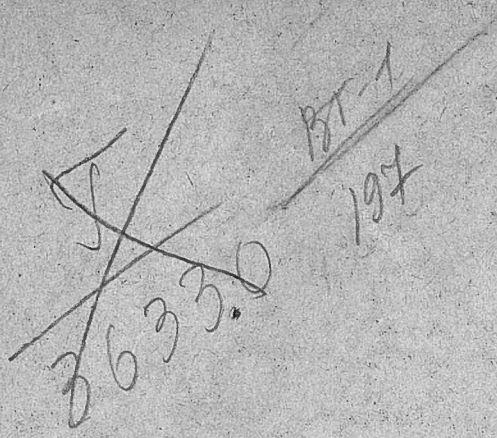
C1152724

8(Е)
Ш-334



03 440

83.3(2Рос2Рус)5
Щ33

Иванъ Щегловъ.

Подвижникъ слова.

Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ.

ОБИДА НЕПОНИМАНІЯ. — СВОЕОБРАЗНОСТЬ ГОГОЛЕВСКАГО ДАРА.—МЕТОДЪ РАБОТЫ ГОГОЛЯ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ СЛОВУ.—СЛѢДЫ ПРЕБЫВАНІЯ ГОГОЛЯ ВЪ Гор. КАЛУГѢ. — ГОГОЛЬ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. — ЮМОРЪ И ХРИСТІАНСТВО.—ОТЕЦЪ МАТВѢЙ КОНСТАНТИНОВСКІЙ И ЕГО РОКОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ СУДЬБѢ ГОГОЛЯ.—ПОЛНОЧНЫЙ РЕВИЗОРЪ.—ДЕНЬ 21 ФЕВРАЛЯ 1902 Г. ВЪ МОСКВѢ.—НА ГОГОЛЕВСКОЙ ВЫСТАВКѢ.—ИТОГИ ГОГОЛЕВСКАГО ЮБИЛЕЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

01152724

Книгоиздательство „МІРЪ“ Спб., Лиговская, 47.
1909.

ОТДѢЛЪ
Публичныхъ Богословск.
ЧТЕНІЙ.

Кя
8 8(с)1:92
ПОГАШЕНО
1931
1950 г.
Аф 16755-43
Инв Аб 18417 1947
1944
1970 г.
1956
БЕЛГОРОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр., д. № 61.

ФК
1909

Отъ автора.

Радуюсь Милосердію Божіему, не только подкрѣпившему меня вынести невыносимыя невзгоды послѣднихъ лѣтъ и дожить до столѣтней годовщины дня рожденія Гоголя—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выпустить къ этому самому знаменательному дню замѣтки и изысканія мои скапливавшіяся въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. (И, однако-же, здѣсь далеко не все, что я имѣю еще сказать о Гоголѣ!..)

Безконечно тронутъ сердечной отзывчивостью дорогого Ильи Ефимовича Рѣпина, одухотворившаго скромный трудъ мой двумя геніальными набросками, отмѣчающими какъ разъ два наиболѣе трагическіе момента изъ жизни автора „Мертвыхъ душъ“: обличеніе Гоголя „Отцомъ Матвѣемъ“ и, какъ прямой его результатъ, сожженіе второй части этихъ самыхъ „Мертвыхъ душъ“...

Мнѣ думается, что настоящая маленькая книга, не взирая на излишнія, быть можетъ, сжатость и беллетристичность изложенія—намѣренно скрадывающія сложность подготовительной работы—все же достаточно „научно“ освѣщаетъ коренныя причины „великой трагедіи великаго страдальца земли русской“*).

Иванъ Щегловъ.

С.-Петербургъ.
19 марта 1909.

*) Выраженіе Рѣпина изъ его письма ко мнѣ о Гоголѣ.

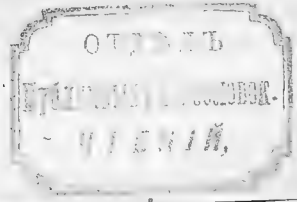
I.

Обида непониманія.

Недавно я попалъ въ Александринскій театръ на „четырехсотое“ представленіе „Ревизора“ Гоголя... Событіе это случайно совпало съ другимъ театральнымъ событіемъ — пятидесятилѣтіемъ сценической дѣятельности заслуженной артистки театра Е. Н. Жулевой, игравшей жену городничаго. Благодаря этому обстоятельству, въ пьесѣ участвовали лучшія силы труппы съ М. Г. Савиной во главѣ (какъ извѣстно, создающей изъ маленькой роли Маріи Антоновны нѣчто поразительное по жизненности и оригинальности), и спектакль получилъ особенный блескъ. Настроеніе публики, переполнившей на этотъ разъ театръ сверху до низу, было самое приподнятое, смѣхъ почти не умолкалъ ни на минуту, въ антрактахъ гремѣли оглушительные аплодисменты по адресу исполнителей, а по окончаніи комедіи залу охватилъ настоящій ураганъ восторга: крикамъ и вызовамъ не было конца; кучка молодежи, сплотившаяся у оркестра, ожесточенно требовала „Савину“, „Жулеву!“, изъ ложъ махали платками, а когда потушили газъ кто-то изъ райка басомъ возопилъ: „Автора!!“

Бѣдный, многострадальный авторъ „Ревизора“!

Сидя въ креслахъ, рядомъ съ одной моей знакомой генеральшей, женщиной вполнѣ почтенной, хотя и видѣвшей въ



первый разъ въ своей жизни на сценѣ „Ревизора“ — я невольно перенесся скорбною мыслью за 65 лѣтъ, къ первому представленію гоголевской комедіи на этихъ же самыхъ петербургскихъ подмосткахъ... О, Боже, какой это былъ жестокоскорбительный, невыносимо мучительный вечеръ для несчастнаго автора!!.. По словамъ П. В. Анненкова, „уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только-что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостью. Однако-же, въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что два раза, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось у большинства зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какой-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; аплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина, показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта, прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе за то, что видѣнъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась; но общій голосъ, слышавшійся

по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: „это—невозможность, клевета и фарсъ“... По окончаніи спектакля, Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу въ раздраженномъ состояніи духа. Хозяинъ вздумалъ поднести ему экземпляръ „Ревизора“, только-что вышедшій изъ печати, со словами: „Полюбуйтесь на сынку?“. Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ глухо: „Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними—а то всѣ, всѣ!!“

Не лучшая судьба, какъ извѣстно, выпала и на долю „Женитьбы“ Гоголя, ошиканной при первомъ представленіи на сценѣ того же театра... Тогдашняя публика, воспитанная на мелодрамахъ Кукольника, Ободовскаго и Коцебу, была прямо шокирована реализмомъ діалога, многіе при нѣкоторыхъ особенно реальныхъ словечкахъ пьесы энергически плевали; пьесу не спасла даже геніальная игра Мартынова въ роли Подколесина.

Но вотъ, не прошло и четверти вѣка со дня смерти Гоголя—и онъ занесенъ единодушно въ списокъ геніевъ человѣчества, а его „Ревизоръ“ и „Женитьба“—въ разрядъ классическихъ комедій. Здѣсь, какъ нельзя болѣе, примѣнимо изрѣченіе Эдмонда Гонкура о великихъ произведеніяхъ: „всякое истинно замѣчательное произведеніе превращается въ шедевръ лишь послѣ смерти его автора“... Для Россіи, по крайней мѣрѣ, это изрѣченіе почти равняется аксіомѣ, и добрая половина исторіи родной литературы представляетъ сплошь довольно тягостное зрѣлище – отрицанія и поруганія оригинальнаго автора при его жизни и восхваленія и умиленія послѣ его смерти... Н. Н. Страховъ, въ своихъ критическихъ очеркахъ, не разъ упоминаетъ объ „обидѣ непониманія“ по отношенію къ Пушкину; но еще съ бо́льшимъ

правомъ слѣдовало бы отнести это мѣткое слово по адресу Гоголя, на котораго это мучительнѣйшее писательское иго легло съ особенной тяжестью... Хорошо теперь гг. педагогамъ повторять съ аппетитомъ въ классной аудиторіи заученныя фразы, въ родѣ: „нашъ великій комикъ“, „безсмертная, неувядаемая комедія“, „геніальный авторъ Мертвыхъ Душъ“, „классическая гоголевская фраза“ и т. п., — а каково было жить, мыслить и писать этому геніальному автору пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ—это даже трудно себѣ живо представить... для этого придется совершенно отрѣшиться отъ ходячихъ понятій современности и вдумчиво перелистать мемуары и письма немногихъ истинныхъ друзей и поклонниковъ Гоголя!..

Перелистываешь... и положительно не вѣрится, что это такъ?.. Въ лучшемъ случаѣ, на Гоголя смотрѣли какъ на даровитаго водевилиста средней руки, ставя его значительно ниже такого зауряднаго поставщика водевилей, каковымъ былъ тогдашній актеръ Александринской сцены Григорьевъ. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, среди своихъ товарищей, друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ, Аксаковъ, не встрѣчалъ ни одного человѣка—кому бы нравился Гоголь и кто бы цѣнилъ его вполнѣ. Характерный тому образчикъ представляетъ, между прочимъ, В. И. Панаевъ, литераторъ и членъ Россійской академіи, который въ одномъ большомъ обществѣ обратился къ С. Т. съ такимъ вопросомъ: „А что подѣлываетъ Гоголь? Опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?!“

Чтобы не далеко ходить за примѣрами стоитъ хотя бы припомнить нелѣпо суровые критическіе отзывы, обрушившіеся на Гоголя послѣ перваго представленія „Ревизора“... Сенковскій въ „Библіотекѣ для чтенія“, „отъ души совѣты-

валъ автору не писать больше комедій въ родѣ „Ревизора“, состряпаннаго изъ анекдотовъ и административныхъ грѣховъ“. Булгаринъ, въ „Сѣверной Пчелѣ“, находилъ все, происходящее въ „Ревизорѣ“, до того неправдоподобнымъ, „будто дѣйствіе происходитъ на Сандвичевыхъ островахъ, во времена капитана Кука“... Даже Н. И. Гречъ, не отрицая въ комедіи ума и веселости, въ общемъ признаетъ ее „каррикатурой въ разговорахъ“ и тоже находитъ сюжетъ ея совершенно невѣроятнымъ. Кукольникъ, тотъ самый, нынѣ забытый, трескучій Кукольникъ, котораго Сенковскій, въ пику Гоголю, печатно сравнивалъ съ Гете, отзывался публично о „Ревизорѣ“ какъ „о фарсѣ, недостойномъ искусства“; а литературный врагъ Кукольника, баронъ Розенъ, громко гордился тѣмъ, что, прослушавъ разъ десять „Ревизора“ въ мастерскомъ чтеніи самого Гоголя, онъ ни разу не улыбнулся, и глубоко скорбѣлъ о Пушкинѣ, который на первомъ чтеніи комедій, у поэта Жуковскаго, все время „катался со смѣха“... Тотъ же баронъ еще болѣе скорбѣлъ и удивлялся какъ такая „отвратительная безсмыслица“, какъ гоголевская повѣсть „Носъ“, могла искренно смѣшить Пушкина, помѣстившаго ее въ своемъ журналѣ. (Кстати сказать, до помѣщенія въ Пушкинскомъ „Современникѣ“ повѣсть эта съ годъ провалялась въ редакціи „Московскаго Наблюдателя“ презрительно отвергнувшей рукопись „Носа“ за ея „пошлость и тривіальность“).

Когда вышла въ свѣтъ поэма Гоголя „Мертвыя Души“, другой баронъ, уже вполнѣ русскій, извѣстный баронъ Брамбеусъ (Сенковскій) далъ еще большій просторъ своему издѣвательству, въ насмѣшку называя вездѣ автора поэмы, вмѣсто Гоголя, „Гомеромъ“—въ унисонъ съ Булгаринымъ, глумившимся въ „Сѣверной Пчелѣ“ надъ тѣмъ, „что по-

чтеннаго господина Гоголя, который никогда не возвышался надъ Поль де-Кокомъ, готовы провозгласить чуть не Гомеромъ"... А гоголевская „Переписка съ друзьями"—эта, по мѣткому выраженію Льва Толстого, „великая оклеветанная книга" (книга, изъ которой, кстати сказать, выросла наиболѣе положительными своими сторонами философія самого Л. Толстого)—она ли не собрала надъ головой ея бѣднаго автора грозовую тучу самыхъ жестокихъ обвиненій, окончательно переполнившихъ чашу его житейскихъ и писательскихъ невзгодъ?.. Надо положительно удивляться, какъ до сихъ поръ, особенно въ виду приближающагося гоголевскаго юбилея, никому не пришло въ голову добросовѣстно собрать во-едино всѣ статьи, письма и выборки изъ мемуаровъ, направленныя противъ Гоголя—вышла бы, навѣрное, увѣсистая книга... знаменательный историческій памятникъ человѣческой злобы, глупости и неблагодарности!..

Между прочимъ, изъ московскихъ откликовъ, вызванныхъ „Перепиской", очень характерно посланіе къ Александрѣ Осиповнѣ Ишимовой, нѣкой вліятельной московской барыни изъ-подъ Донского монастыря М. Извединовой, характерно какъ стиль и отраженіе мнѣній тогдашнихъ „цѣнителей и судей" Гоголя. Вотъ, между прочимъ, что она пишетъ о Гоголѣ: „Я читала его послѣднее маранье; всѣ его прежнія сочиненія грязны, сальны и наполнены ругательствами (также и Булгарина), они годны для лакейской, да и того не позволятъ въ благочестивомъ домѣ, а послѣднее его маранье—такая путаница, что я бросила его какъ негодное ни къ чему... Скажите, что за радость раскрывать свѣту, то есть людямъ, коварство, обманъ, развратъ и т. п.... Это, вѣдь, такъ обыкновенно: всякъ человѣкъ ложь; развѣ можно научить кого черезъ насмѣшки? сатиры? Никогда. Облагородьте ваше перо, пи-

шите примѣры добродѣтели, и порочныя устыдятся и станутъ стараться жить добродѣтельно. Если Гоголь помѣщенъ въ число литераторовъ, то я бы стыдилась быть литераторомъ— вотъ мое мнѣніе... Если скажете: „Да Гоголь всѣхъ смѣшилъ?“ Жалко. Употребить всю жизнь, и какую краткую, на то, чтобы служить обезьяною публикѣ!..“.

И такъ думала не одна Извединова... Преподаватель русской словесности при инженерномъ училищѣ, профессоръ Плаксинъ, выставлялъ своимъ ученикамъ Гоголя, какъ полнѣйшую бездарность, а его произведенія называлъ „безсмысленно грубыми и грязными“ (воспоминанія художника Трутовскаго о Ѳ. М. Достоевскомъ). Былъ даже такой случай... Вскорѣ по выходѣ „Переписки съ друзьями“, Гоголь заѣхалъ въ Петербургѣ, по старой памяти, къ одному своему школьному товарищу, профессору петербургскаго университета... и тотъ *его не принялъ*! Говорятъ, Гоголь, пораженный такой безцеремонностью, разрыдался тутъ же, у дверей квартиры... В. И. Шенрокъ, изъ капитальнаго труда котораго о Гоголѣ мы почерпнули этотъ прискорбный фактъ (въ числѣ многихъ другихъ), почему-то скрываетъ имя этого школьнаго товарища, хотя и поддерживаетъ слухъ, будто этотъ самый школьный товарищъ имѣлъ даже наглость хвастаться съ университетской каѳедры передъ студентами своимъ поступкомъ.

Какъ ни странно, но въ близкомъ сосѣдствѣ съ замоскворѣцкой барыней изъ-подъ Донского монастыря и помянутымъ петербургскимъ профессоромъ приходится поставить имя... знаменитаго критика Бѣлинскаго, который въ послѣднемъ случаѣ („Переписка съ друзьями“) тоже „не понялъ“ Гоголя; и мало того, что не понялъ, но даже не постыдился включить въ свое гнѣвное посланіе къ больному и нищенствующему писателю язвительный намекъ „будто онъ

пользуется своимъ болѣзненнымъ положеніемъ, чтобъ устроить себѣ черезъ, земныхъ боговъ сладкое существованіе“... Не менѣе странно (замѣтимъ мимоходомъ) и то обстоятельство, что сочувственный отголосокъ этихъ самыхъ „извединовскихъ мыслей“ о Гоголѣ встрѣчается и въ наши дни и—гдѣ же, спрашивается? — Въ статьяхъ публициста Меньшикова въ книжкахъ „Недѣли“, въ учебникѣ „русской“ исторіи профессора А. Трачевскаго и въ „популярной“ біографіи Гоголя, выпущенной фирмой Ф. Павленкова.., Но, однако, довольно!.. Изъ этихъ немногихъ, случайныхъ примѣровъ, я думаю, станетъ достаточно яснымъ, что это было за сладкое существованіе и смыслъ слова „обида непоминанія“, я полагаю не потребуетъ дальнѣйшихъ комментарій.

Исторія этого роковаго слова, впрочемъ, довольно старая и продолжается до нашихъ дней. Евангельское реченіе о верблюдѣ, которому довольно затруднительно пролѣзть въ игольное ушко—является подходящимъ символомъ обиднаго затрудненія, которое встрѣчаетъ въ обществѣ каждая истинно оригинальная личность, всякая смѣлая мысль, всякое новое слово... Удивляться ли послѣ этого, что судьба Гоголя своеобразный геній котораго принесъ въ міръ искусства и людскую среду цѣлое откровеніе, немногихъ отличается отъ мученической участи знаменитыхъ изобрѣтателей и великихъ подвижниковъ!..

Въ сущности, кто изъ современниковъ горячо и истинно почтилъ Гоголя при жизни? Въ Петербургѣ—никому невѣдомый грекъ Дмитрій Бенардаки, а въ Москвѣ... кучка студенческой молодежи!..

Очевидно, надо было *умереть* что-бы быть признаннымъ по достоинству всѣмъ русскимъ обществамъ!..

1901 г.

II.

Своеобразность Гоголевскаго дара.

Загляните въ любую популярную біографію Гоголя, справьтесь о Гоголѣ наудачу въ какомъ нибудь энциклопедическомъ словарѣ, перекиньтесь случайнымъ словомъ о немъ съ кѣмъ-либо изъ вашихъ добрыхъ знакомыхъ,—въ общемъ вы вынесете одну и ту же избитую фразу: „отличная черта гоголевскихъ произведеній—необыкновенно яркій юморъ".

Все это такъ, но... но вѣдь Диккенсъ тоже юмористъ; и Альфонсъ Додэ юмористъ; никто, надо полагать, также не станетъ отрицать мягкаго юмора, освѣщающаго многія страницы тургеневскихъ произведеній и неистощимый запасъ этого счастливаго дара у геніальнаго Герцена... Въ чемъ же тутъ дѣло? Въ чемъ же секретъ того исключительнаго положенія и вліянія Гоголя, передъ которымъ преклоняются нынѣ съ удивленіемъ даже такіе европейскіе критическіе авторитеты, какъ Евгеній Цабель?

Мнѣ кажется, все дѣло въ томъ, что, носясь полвѣка, какъ съ писанной торбой, съ заѣзженной фразой о „необыкновенномъ юморѣ" Гоголя, мы въ сущности ни мало не вникли въ ея настоящее значеніе, придавая главный вѣсъ существительному, т. е. юмору (смѣшиваемому большинствомъ съ каррикатурой) и пропуская мимо или относясь совер-

шенно поверхностно къ прилагательному, т. е. „къ необыкновенности“ этого самаго юмора. А эта-то именно необыкновенность, граничащая съ откровеніемъ свыше и дѣлаетъ Гоголя глубоко своеобразной фигурой — и тотъ же Цабель тысячу разъ правъ, удѣляя ей особое, почетно-уединенное мѣсто въ портретной галлереѣ европейскихъ литературныхъ знаменитостей...

Помню, лѣтъ пять тому назадъ, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, навѣстилъ я въ Даниловомъ монастырѣ могилу Гоголя. Это было осенью, въ октябрѣ, какъ разъ около того числа, когда въ провинціи и по бѣднымъ городскимъ окраинамъ рубятъ и заготовляютъ въ семьяхъ на зиму капусту, обращая эту хозяйственность въ своего рода народный праздникъ. Звонкіе ребяческіе голоса, неожиданно нарушившіе безмятежную тишину монастырскаго кладбища, невольно вывели меня изъ скорбнаго раздумья, въ которое я былъ погруженъ и въ которое каждый разъ меня повергаетъ эта великая укоризненная могила...

Поднявъ голову, я увидѣлъ выбѣжавшихъ изъ сосѣднихъ воротъ, за которыми находилась слободка, двухъ оборванныхъ мальчугановъ, которые затѣяли затѣмъ, около самаго гоголевскаго памятника, отчаянную борьбу. Оказалось, что старшій мальчуганъ хотѣлъ во что бы то ни стало отнять у младшаго — черноглазаго карапуза, похожаго на арапченка — огромный кочанъ капусты, который тотъ усиленно пряталъ подъ полой своего дранаго пальтишки.—„Ну, куда, тебѣ столько... ну, куда??“ — шепелявилъ первый мальчонокъ атакуя второго съ ничтожной кочерыжкой въ рукахъ. Но тотъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, но упорно не сдавался. Тогда старшій съ досадой плюнулъ и презрительно пустилъ по адресу младшаго:

— Экій *Плюшкинъ*... въ самомъ дѣлѣ!!

Я немедленно принялъ самый невинный видъ и поспѣшилъ освѣдомиться у мальчугана относительно гоголевской могилы.

— А ты, милый... не знаешь, кто здѣсь похороненъ?

Мальчикъ вскинулъ на меня дѣтски удивленные глаза и, недовольный, что прервали его капустную атаку, нехотя отвѣчалъ:

— А почемъ намъ знать! Мало ли тутъ всякихъ знатныхъ господъ хоронится!!.

На повѣрку, оба ребятенка оказались... безграмотными!..

А то вотъ другой, характерный примѣръ... Лѣтъ десять тому назадъ, лѣтомъ, застрявъ проѣздомъ на сутки въ уѣздномъ заброшенномъ городишкѣ, я отправился вечеромъ въ городской садъ. У павильона гдѣ помѣщался буфетъ, засѣдала за столомъ компанія какихъ-то темныхъ личностей въ суровыхъ спинжакахъ, ночныхъ сорочкахъ и смазныхъ сапогахъ — компанія, изрядно выпившая и о чемъ-то задорно споривша я... Наконецъ, самый грузный и зычный изъ нихъ, стукнулъ по столу кулакомъ и проревѣлъ какъ медвѣдь:

— Меньше цѣлковаго съ рыла, ни въ какомъ случаѣ... хоть вы меня живого въ яму закопайте! Вотъ еще какіе *Чичиковы* вмѣстѣ вдругъ собрамшись!!.

Подойдя къ буфету, я, между прочимъ, справился у буфетчика, что за компанія, такъ шумно пирующая въ будній день. Буфетчикъ иронически усмѣхнулся:

— Такъ, въ родѣ какъ самые нижніе классы... Машинисты со станціи подписку на хоругву рѣшаютъ!..

Я нарочно привелъ эти, случайные набѣжавшіе въ память впечатлѣнія разныхъ лѣтъ, и теперь невольно ожившіе во мнѣ, когда я коснулся перомъ магическаго имени Гоголя,..

Я бы могъ привести еще и еще примѣры, но, полагаю, и этихъ двухъ, вырванныхъ прямо изъ бѣдной темной жизни, совершенно достаточно, чтобы подчеркнуть эту исключительную своеобразность гоголевскихъ созданій не только врѣзываться въ памяти людей грамотнымъ и просвѣщенныхъ, но прямо такъ сказать „всасываться“ въ самый обиходъ русской жизни и гулять ходячей монетой по рукамъ людей разныхъ возрастовъ, званій и положеній.

А. Басаргинъ въ своемъ любопытномъ обозрѣніи монографіи Евгенія Цабеля („Нѣмецкій критикъ о русскихъ поэтахъ“) приводитъ слѣдующія характерныя строки нѣмецкаго критика о Гоголѣ:

„Все то, что современная реалистическая и натуралистическая школа во Франціи и Германіи, въ теченіе вотъ уже многихъ лѣтъ, возвѣщаетъ какъ свое неприкосновенное евангеліе, причемъ нѣтъ недостатка въ грубѣйшихъ преувеличеніяхъ и тенденціозности, — все это, уже полстолѣтія тому назадъ, русскимъ новеллистомъ выполнено, и притомъ, безо всякихъ односторонностей. Его фигуры такъ безусловно рельефны и такъ пластичны, что фантазія, разъ ими затронутая, уже никогда не можетъ отъ нихъ освободиться“...

Намѣренно отмѣчаю здѣсь именно эти строки, чтобы сосредоточить особенное вниманіе читателя на словахъ Цабеля о классической рельефности фигуръ Гоголя — „фантазія, разъ ими затронутая, уже никогда не можетъ отъ нихъ освободиться“, повторимъ мы вмѣстѣ съ Цабелемъ.

При всемъ моемъ величайшемъ благоговѣніи къ памяти Достоевскаго и почтительнѣйшемъ изумленіи передъ колоссальной дѣятельностью Льва Толстого, я бы, однако, не рѣшился примѣнить безусловно означенныя слова Цабеля по отношенію къ этимъ послѣднимъ. Пускай, на первый взглядъ, ги-

гантскій ростъ великихъ романистовъ какъ бы заслоняетъ собой мученическій обликъ безвременно угасшаго „русскаго новеллиста“—но это только на первый взглядъ... Вглядитесь въ него пристальнѣе, вчитайтесь въ его произведенія вдумчивѣе, до послѣднихъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ второй части „Мертвыхъ душъ“ и клочковъ „Записной книжки“ включительно, и вы увидите, какой проникновенный, многообъемлющій художникъ-мыслитель, погибъ въ лицѣ Гоголя,—художникъ-мыслитель, пророчески предчувствовавшій всѣ грядущія коренныя теченія русской жизни и предупредительно поставившій, тамъ и сямъ, символическія піонерныя вѣхи, по которымъ уже безбоязненно проторили дорогу болѣе счастливые преемники!..

Но это такъ, пока мимоходомъ... Я настаиваю, главнымъ образомъ, на томъ, что своеобразность чудеснаго дара Гоголя заключалась именно въ этой, чутко подчеркнутой нѣмецкимъ критикомъ, „пластичности и рельефности“, въ этой, такъ сказать, словесной скульптурности, которая въ соединеніи съ гоголевскимъ юморомъ, сразу освѣщающимъ извѣстное лицо со всѣхъ сторонъ, дѣлаетъ его фигуры какъ бы отлитыми изъ бронзы, классически долговѣчными и ярко сверкающими въ одно и то же время... Произведенія Гоголя по отношенію, напримѣръ, къ произведеніямъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго, почти то же, что скульптура по отношенію къ живописи, слитные портреты Гальтона по отношенію къ снимкамъ кинематографа, или, наконецъ алгебра по отношенію къ ариѳметикѣ. .

Послѣднее сравненіе, пожалуй, будетъ наиболѣе подходящее, такъ какъ никто не уходилъ такъ далеко какъ Гоголь въ „психологическое обобщеніе“, углубляясь, по самому существу своего творчества, въ самыя низменныя основы

человѣческаго естества. Съ этой точки зрѣнія, главныя фигуры Гоголя можно разсматривать какъ своего рода алгебраическіе знаки основныхъ человѣческихъ свойствъ, геніальные знаки, подъ которые очень легко подвести многихъ героевъ того или другого романиста въ качествѣ, такъ сказать, временныхъ ариѳматическихъ чиселъ... Если хотите, въ области литературы Гоголь занимаетъ совершенно то же мѣсто, которое занимаетъ Карлъ Линней въ области ботаники — и проживи Гоголь лишній десятокъ лѣтъ, доведи до конца грандіозное зданіе „Мертвыхъ душъ“ — кто знаетъ, мы имѣли бы, быть можетъ, подъ рукой, своего рода художественную картограмму типическихъ разновидностей русскаго человѣка, полную классификацію по родамъ и видамъ коренныхъ исторически сложившихся національныхъ свойствъ нашихъ?! Сердце обливается кровью, когда только подумаешь какого величайшаго провидца мы не сумѣли сберечь, какую золотую, навѣчно-справочную книгу мы легкомысленно утратили!!.

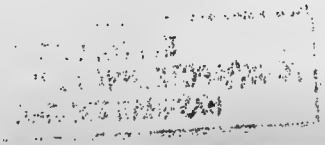
Въ этомъ, т. е. алгебраическомъ смыслѣ даже такіе капитальныя произведенія русской словесности, какъ „Братья Карамазовы“ и „Анна Каренина“, рѣшительно теряютъ въ сосѣдствѣ съ портретной галлереей „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“... Какъ не увлекательны главы „Анны Карениной“, какъ ни хватаютъ за душу страстныя страницы „Братьевъ Карамазовыхъ“, но... будемъ смѣлы и откровенны сознаться, что, на пространствѣ извѣстнаго времени, впечатлѣніе какъ то расплывается — запечатлѣваются извѣстныя сцены, два-три блестящія описанія, впитываются мимоходомъ случайныя мысли, но общая физіономія досадно ускользаетъ... Хотя, напримѣръ, въ публику и пущено критикой послѣднихъ лѣтъ слово „карамазовщина“, но едва ли, повторяя его, эта самая публика отдастъ себѣ въ немъ ясный отчетъ...

Еще менѣе, въ этомъ смыслѣ, можно сказать относительно „Анны Карениной“ и весьма естественно, что слово „каренинщина“ отнюдь не вошла въ оборотъ ни у критики, ни у публики... Между тѣмъ, никто, надо думать, не станетъ спорить, что слова „чичиковщина“, „маниловщина“, „хлестаковщина“ и проч. неизгладимо отпечатлѣлись на спинѣ русскаго человѣка, какъ выжженное тавро... Говорится это, разумѣется, не въ умаленіе нашихъ великихъ писателей, а единственно съ цѣлью оттѣнить выпуклѣе своеобразность и исключительность гоголевскаго письма. Валерьянъ Майковъ—этотъ замѣчательный, безвременно погибшій критикъ,—въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ о Гоголѣ, справедливо сравниваетъ типы „Мертвыхъ Душъ“ съ идеальными портретами фламандской школы, созданными геніемъ Рембрандта и Ванъ-Дейка.—Подобно имъ—говоритъ онъ,—каждое лицо, „Мертвыхъ Душъ“, при всей его „страшной жизненности“ есть въ то же время „выводъ изъ цѣлой категоріи людей“... и такимъ образомъ „Мертвыя Души“ являются своего рода таинственнымъ ключемъ къ уразумѣнію современной русской жизни.

Выше я упомянулъ о портретахъ Гальтона, т. е. объ американскомъ способѣ полученія „портрета-типа“, послѣ снятія доброй полдюжины однородныхъ характеровъ... Такіе именно „слитные портреты“, добытые долгимъ вдумчивымъ наблюденіемъ чертъ человѣческой души какъ со стороны, такъ равно и внутри самого себя, представляютъ наиболѣе популярные типы Гоголя, возведенные по его собственному слову „въ перлъ созданія“ („ибо... много надо глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни и вознести ее въ перлъ созданія“).

Но подобная своеобразность и исключительность гоголевскаго письма неизбѣжно требовала отъ автора и своеобразнаго метода работы, и совершенно исключительнаго отношенія къ искусству. Такъ именно и было у Гоголя, и эта завѣтная, мало изслѣдованная сторона, вскрывающая тайну гоголевскаго творчества, заслуживаетъ особеннаго вниманія...

1901 г.



III.

Перлъ созданія.

„Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою), достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего не достаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ—и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста—взять отдѣльный клочекъ и приклеить съ боку... Когда все будетъ, такимъ образомъ, исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. Между прежнихъ вскочатъ слова, которыя необходимо тамъ должны быть, но которыя почему то никакъ не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть пишите другое. Придетъ часъ—вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ и, когда снова она будетъ измарана, перепишите ее собственноручно. Вы замѣтите при этомъ, что вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой, очисткой фразъ—какъ бы крѣпчаетъ и ваша рука; буквы ставятся тверже и

01152724
БЕЛГОРОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

рѣшительнѣе. Такъ надо дѣлать по моему *восемь разъ*. Для иного, можетъ быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я дѣлаю восемь разъ. Только послѣ восьмой переписки, непремѣнно собственною рукою, трудъ является вполнѣ художнически законченнымъ, достигаетъ перла созданія"!

Вотъ методъ писанія Гоголя, [по собственному признанію Гоголя одному изъ московскихъ друзей, — методъ, котораго онъ стоически держался всю свою бѣдную жизнь и который считалъ наилучшимъ (воспом. о Гоголѣ Н. В. Берга).

Пускай добрая половина современныхъ беллетристовъ (т. е. та самая половина, что такъ ревниво сеперничаетъ въ шумѣ и стремительности своихъ литературныхъ набѣговъ съ бензиновыми автомобилями) отнесется къ этому художническому методу съ полупрезрительной усмѣшкой, какъ къ старосвѣтской отжившей затѣѣ—остаюсь все же при несокрушимомъ убѣжденіи, что сей строгій „гоголевскій методъ"... единственный методъ въ своемъ родѣ, путемъ коего въ литературномъ произведеніи достигается необходимая художественная сгущенность въ цѣломъ, должная крѣпость и прочность въ слогѣ и тонкую рельефность въ очертаніи типовъ. Методъ этотъ, разумѣется, далеко не всякому по плечу и граничитъ почти съ подвижничествомъ, но—что дѣлать—безъ этого „словеснаго подвижничества" нѣтъ, не было и не можетъ быть истинно художественнаго созданія!!.

„Слова поэта—суть уже его дѣла!", сказалъ Пушкинъ—и этимъ однимъ краткимъ изреченіемъ геніально опредѣлилъ и подчеркнулъ всю огромную важность отношенія писателя къ слову... „Обращаться со словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку!" повторяетъ за Пушкинымъ Гоголь... Увы, о томъ же вслѣдъ за Пушкинымъ и Гого-

лемъ напоминаетъ русскимъ литераторамъ, почти на смертномъ одрѣ, образцовый нашъ стилистъ—И. С. Тургеневъ. Говорю „увы“, потому что въ наше время оба вѣщіе напутствія сданы давно пренебрежительно въ архивъ, какъ полуотжившія избитыя фразы, годныя развѣ для школьныхъ прописей. А между тѣмъ, въ этихъ двухъ мимоходныхъ фразахъ заключено по существу почти столько же, сколько въ цѣломъ научномъ сочиненіи знаменитаго филолога Макса Миллера... Въ самомъ дѣлѣ, прочтите вдумчивѣе краткую замѣтку Гоголя о томъ, „Что такое слово“.. и перелистайте вслѣдъ затѣмъ обширное изслѣдованіе профессора Миллера „Наука о языкѣ“—и вы увидите, что блестящаго лектора оксфордскаго университета въ семидесятыхъ годахъ одушевляли почти тѣ же мысли, какія волновали бѣднаго русскаго писателя сороковыхъ годовъ. Возьмите хотя бы начальныя строки книги: „Языкъ тоже имѣетъ свои чудеса, которыя открываются пытливому глазу терпѣливаго изслѣдователя. Подъ внѣшней одеждой языка находятся цѣлыя хроники, во всякомъ словѣ содержатся поученія... Языкъ называли священною почвою, потому что онъ есть складъ мыслей. Мы еще не можемъ сказать, что такое языкъ. Пусть будетъ онъ произведеніемъ природы, твореніемъ человѣческаго искусства, или Божіимъ даромъ; но чѣмъ бы онъ ни былъ, онъ, кажется, не имѣетъ ничего выше себя и не можетъ быть сравниваемъ ни съ чѣмъ инымъ. Если языкъ—произведеніе, природы, то онъ послѣднее и вѣнчальное ея произведеніе сбереженное ею только для человѣка; если онъ твореніе человѣческаго искусства, онъ какъ бы поднимаетъ человѣческаго художника почти на уровень божественнаго творца; если онъ даръ Бога, то онъ Его самый великій даръ, ибо посредствомъ его Богъ глаголетъ человѣку, а че-

ловѣкъ обращается къ Богу въ поклоненіи, въ молитвѣ и размышленіи“...

Развѣ, спрашивается, это не живой отзвукъ основной идеи автора статьи „Что такое слово?“ Еще болѣе характерное совпаденіе, въ этомъ смыслѣ, можно найти въ отдѣльныхъ „общихъ“ замѣчаніяхъ знаменитаго лингвиста: „Мысль и языкъ—не раздѣльны“, „Слово есть воплощенная мысль“, „Существуетъ законъ общій почти для всей природы, по которому все существующее имѣетъ свой звукъ (Звуковой типъ). Мы можемъ же судить о болѣе или менѣе совершенномъ строеніи металловъ по ихъ звучнымъ сотрясеніямъ“... и т. д.

О да, языкъ имѣетъ свои несомнѣнныя чудеса!..

Читатель „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“ восхищается и умиляется: „Ахъ, Чичиковъ! Ахъ, Хлестаковъ! Ахъ, какъ удивительно... какъ необыкновенно типично!!“ Ну, а представьте себѣ, что первая часть „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизоръ“ были бы выпущены въ неотдѣланномъ видѣ и Чичиковъ назывался бы, положимъ, — „Никифоровымъ“, а Хлестаковъ носилъ бы фамилію „Панкратьева“... были ли бы они такъ ярко типичны, каковы они теперь, бросались ли бы, такъ сказать, въ носъ своей неизгладимой жизненностью? Едва ли—т. е., при всей типичности, все-таки чего-то не хватало бы, не доставало бы нѣкотораго таинственнаго штриха, благодаря которому фигура бы окончательно закруглилась и встрепенулась, получила неуловимую печать „перла созданія“. Такимъ образомъ, „Никифоровъ“ и „Панкратьевъ“—чистая случайность, неопредѣленность, а Чичиковъ и Хлестаковъ это уже звуковой типъ, „сотрясеніе металла“ въ своемъ родѣ... Въ истинно-художественномъ созданіи фамилія лица имѣетъ огромное значеніе, почти можно

сказать мистическое значеніе—это все равно, что этикетъ на сосудѣ съ дорогимъ тонкимъ виномъ: вина вы еще не пробовали, но характерный ярлыкъ заставляетъ васъ заранѣе предвкушать запахъ и вкусъ содержимаго. На первый взглядъ, въ особенности на взглядъ нынѣшняго беллетриста, награждающаго своихъ героевъ совершенно случайными и безцвѣтными фамиліями—это мало стоющій вниманія пустякъ. А вотъ, подите же, въ истинно-художественномъ созданіи такой, повидимому, пустяшный штрихъ можетъ разомъ поправить все дѣло. Левъ Толстой въ своемъ геніальномъ парадоксѣ объ искусствѣ какъ нельзя болѣе умѣстно повторяетъ извѣстный анекдотъ о Карлѣ Брюловѣ... Поправляя этюдъ ученика, Брюловъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ чуть тронулъ его, и плохой, совершенно мертвый этюдъ вдругъ ожилъ. „Вотъ чуть-чуть тронули, и все измѣнилось“, —сказалъ одинъ изъ учениковъ. — „Искусство начинается тамъ, гдѣ начинается *чуть-чуть*“!—сказалъ Брюловъ, выразивъ этими словами самую характерную черту искусства.

Это удивительное замѣчаніе, столь же удивительное какъ по отношенію къ живописи такъ и къ произведенію слова.. Но стоитъ ли добавлять, что это спасительное „чуть-чуть“ дается далеко не сразу и требуетъ, подчасъ отъ художника мучительныхъ усилій и пытливыхъ исканій. Зато, если оно найдено,—творческую радость автора можно развѣ сравнить съ находкой драгоцѣннаго клада. Въ этомъ отношеніи писатель-художникъ напоминаетъ до нѣкоторой степени „Кречинскаго“ въ томъ обратномъ, символическомъ смыслѣ, что Кречинскій радостно восклицаетъ „эврика!“, напавъ на идею подмѣнить настоящій брилліантъ фальшивымъ, а писатель-художникъ въ глубинѣ души своей переживаетъ еще болѣе радостную „творческую эврику“, найдя способъ замѣ-

нить фальшивый брилліантъ настоящимъ — иными словами... незадавшуюся нехарактерную фразу обновить ярко-типичнымъ, смѣлымъ словомъ, сразу освѣщающимъ психологію даннаго лица или отношенія. Слава Богу, въ русской словесности за образцами такихъ художественныхъ перловъ недалеко ходить!.. Для иллюстраціи вотъ одинъ изъ нихъ, невольно мнѣ сейчасъ вспомнившійся... Въ чудесномъ недописанномъ романѣ Толстого „Декабристы“ есть, между прочимъ, такая сцена. Декабристъ Петръ Ивановичъ Лабазовъ, послѣ долголѣтней ссылки въ Сибири, возвращается въ Москву и, первымъ дѣломъ, ѣдетъ къ своей сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ. Сцена перваго свиданія съ роднымъ человѣкомъ послѣ суровой ссылки—чего, кажется, сюжета драматичнѣе? Воображаю, сколько бы громкихъ словъ наговорилъ, на мѣстѣ Толстого, любой тенденціозный романистъ и какого бы пафоса напустилъ здѣсь французскій писатель!.. А, смотрите, что у Толстого:

„...Разговоръ замолкъ. Марья Ивановна молча сурово смотрѣла на брата.

— Какъ вы?—сказалъ Петръ Ивановичъ, взявъ ее за руку и улыбаясь.—Петръ Ивановичъ говорилъ „вы“, а она говорила ему „ты“. Марья Ивановна еще разъ взглянула на сѣдую бороду, на плѣшивую голову, на зубы, на морщины, на глаза, на загорѣлое лицо—и все это узнала...

— Какой ты дур...—голосъ ея оборвался, она схватила своими бѣлыми, большими руками его плѣшивую голову. Какой ты „дуракъ“, она хотѣла сказать, „что не приготовилъ меня...“—но плечи и грудь задрожали, старческое лицо покривилось и она зарыдала, все прижимая къ груди плѣшивую голову и повторяя: „Какой ты ду..ракъ, что меня не приготовилъ!.. Какой ты дуракъ, Петруша, дуракъ какой, что меня не приготовилъ!!.“

Это: „какой ты, дуракъ, Петруша!“ — ошеломляюще геніально, это сама натура и захватываетъ врасплохъ, какъ всякая счастливая неожиданность, и заставляетъ читателя прослезиться вмѣстѣ съ добрѣйшей Марьей Ивановной.

Приводить здѣсь примѣры на этотъ счетъ изъ Гоголя даже какъ-то странно — его художественный словарь чуть ли не сплошь пестрить такими алмазами чистѣйшей воды, блескъ которыхъ сразу освѣщаетъ сущность предмета — алмазами, если хотите, даже слегка полуистертыми отъ частаго обращенія въ рукахъ толпы. Но едва ли эта самая толпа, любующаяся этими художественными перлами, имѣетъ хотя приблизительное понятіе о той обширной сложной лабораторіи, въ которой они изготовлялись, и какихъ непосильныхъ жертвъ требовало содержаніе этой лабораторіи въ должномъ порядкѣ и чистотѣ.

„Онъ былъ себѣ судья неумолимо строгій,
Онъ въ мукахъ каждый штрихъ рождалъ!“

характерно опредѣлилъ творчество Гоголя одинъ мало извѣстный поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ къ юбилею „Ревизора“:

„За каждый перлъ вѣнца платя своею кровью,
Всю душу въ творчество онъ набожно вложилъ;
Онъ весь горѣлъ одной великою любовью,
Одною жаждой правды жилъ!!“ *).

Пересмотрите „Записную книжку“ Гоголя, первоначальный текстъ, „Ревизора“, „Мертвыхъ Душъ“ и нѣкоторыхъ повѣстей, перечтите, наконецъ, его письма къ друзьямъ, сплошь заполненныя художническими заботами и тревогами —и вы поймете, какой великій подвигъ жизнь такого истин-

*) Нынѣ извѣстный общественный дѣятель и издатель популярныхъ книжекъ И. И. Горбуновъ-Посадовъ.

наго художника, каковымъ былъ Гоголь!. „Вѣрь (пишетъ Гоголь Шевыреву), что я употребляю всѣ силы производить успѣшно свою работу, что внѣ ея я не живу, и что давно умеръ для другихъ наслажденій. Но, вслѣдствіе устройства головы моей, я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать, вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдамъ безразсуднаго, необдуманнаго творенія. Не осуждай меня! Есть вещи, которыя нельзя изъяснить; есть голосъ, повелѣвающій намъ, предъ которымъ ничтоженъ нашъ жалкій разсудокъ; есть много того, что можетъ только почувствоваться глубиною души, въ минуты слезъ и молитвъ, а не въ минуты житейскихъ разсчетовъ...“

Эти строки обращены одинаково къ С. Т. Аксакову и, въ особенности, къ Погодину, который явно не понималъ „эти вещи“, довольно прозрачно попрекалъ Гоголя въ неблагодарности и старался втянуть его въ журналистику.

Та же нота звучитъ и въ другомъ письмѣ Гоголя къ Плетневу: „Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отчего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая обо мнѣ, говоритъ: „Ну, что бы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, если бы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ „Мертвая душа“, онъ

бы могъ доставить себѣ двадцать тысячъ годового дохода". А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, стоитъ почти пятилѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и потомъ... Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе, душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій".

Поучительнымъ памятникомъ этой художнически-духовной выработки, происходившей въ Гоголѣ, является его „Переписка съ друзьями"—эта, по мѣткому выраженію Кулиша, „распахнутая внезапно дверь во внутреннюю мастерскую Гоголя въ тотъ самый моментъ, когда въ ней кипѣла самая жаркая работа"... Другой вопросъ, разумѣется, —слѣдовало ли распахивать эту дверь для толпы. Это также относится къ Гоголю, какъ и къ Толстому... Склоненъ присоединиться мнѣнію одного русскаго критика, что если бы Левъ Толстой далъ достаточно „отстояться" и перебродить своимъ философскимъ тревогамъ, мы бы имѣли, можетъ быть, лишній томъ Анны Карениной, равный по значенію второй части Гетевскаго „Фауста".

Излишнее здѣсь повторять, какую бурю негодованія и клеветы возбудила тогда эта удивительная „Переписка" въ публикѣ и критикѣ. Если вспомнить, что, въ наше время, „философская черезполосица" Льва Толстого (вышедшая, наиболѣе положительными своими сторонами, изъ переписки Гоголя) не только не возбудила неудовольствія, но доставила новые, громкіе лавры Л. Н.—станетъ почти непонятнымъ роковое недоразумѣніе между Гоголемъ и читателемъ, происшедшее въ сороковыхъ годахъ и окончательно сломившее бѣднаго

немощнаго писателя... Впрочемъ, сущность этого недоразумѣнія лучше всего разъяснилъ самъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ къ С. Т. Аксакову, съ тѣмъ добродушнымъ юморомъ, который не покидалъ его даже въ самыя тяжкія минуты жизни.

„Ну, что, если я вамъ разскажу слѣдующую повѣсть? Поваръ вызвался угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался, ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: „Подавай обѣдъ“! — Поваръ говоритъ: это физически невозможно, потому что обѣдъ мой совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды; для этого нужно поднимать такую возню на кухнѣ, о какой вы и подумать не можете! Ему въ отвѣтъ: „Врешь, братъ!“ Поваръ видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился, наконецъ, привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить кострюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобы изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кострюль и, наконецъ, такихъ орудій, о которыхъ и думать бы нельзя было, чтобы они требовились для приготовленія обѣда, что у нихъ закружилась голова... Ну, что, если въ этой повѣсти есть маленькая частица правды?!“

Приближается полстолѣтіе со дня кончины Гоголя, а мы все еще, съ обидно легкой руки Бѣлинскаго, не освободились отъ давнихъ предразсудковъ и не уяснили себѣ толкомъ

этой простой гоголевской правды. Въ другомъ письмѣ, къ А. П. Плетневу, Гоголь какъ бы подкрѣпляетъ еще разъ свою неотвязную строгую мысль: „Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе? Это можетъ только одинъ Богъ, у Котораго все подъ рукой: и разумъ и слово съ Нимъ. А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разуму доискиваться!“

Увы, теперь, когда благодаря развитію газетнаго дѣла, границы журналистики и беллетристики безтолково смѣшались, самый вопросъ о художничествѣ, т. е. въ сущности о „честности пера“ какъ бы отодвинутъ на второй планъ. Выраженіе „честное перо“ подмѣнили теперь въ художественной литературѣ другимъ, болѣе растяжимымъ словомъ „честное направленіе“, совершенно упустивъ изъ вида, что каждое грамотное перо можетъ свободно разгуливать по всякимъ направленіямъ, а писательская честность въ тѣсномъ смыслѣ, есть нѣчто неразрывное со словомъ, какъ слѣпокъ съ души. Не оттого ли, спрашивается въ наше время, такъ много хорошихъ литературныхъ направленій и такъ мало хорошихъ литераторовъ.

Левъ Толстой, въ одной изъ бесѣдъ своихъ съ И. Е. Рѣпинымъ объ искусствѣ, какъ то замѣтилъ ему мимоходомъ: „Если вы хотите знать настоящую правду о какомъ-нибудь предметѣ—взвѣсьте его, лучше всего, на вѣсахъ искусства, т. е. другими словами—если вы хотите видѣть, оцѣнить предметъ со всѣхъ сторонъ, только живой художественный образъ можетъ освѣтить вамъ его многосторонне и безпристрастно!“. Это, случайно оброненное, мимоходное замѣчаніе Льва Толстого, какъ почти всѣ его мимоходныя, непредвзятыя замѣчанія—величайшее откровеніе...

И не потому ли,—думается мнѣ,—мы блуждаемъ тоскливо во мракѣ, постоянно сбиваясь съ дороги, что предпочли горькой правдѣ художественнаго созданія... сладкій обманъ скороспѣлой журнальной выдумки, и вѣру въ живой обличительный образъ возмѣстили безоглядной погоней за мимолетными пестрыми призраками?!

1901 г.

IV.

Три дня въ городѣ Калугѣ.

(Изъ записной книжки).

По пріѣздѣ въ Калугу, мнѣ пришлось первымъ дѣломъ запастись открытыми письмами и, при этомъ случаѣ, я пріобрѣлъ себѣ на памяти таковыя съ видами Калуги. И, представьте, какая странность: среди цѣлой дюжины разныхъ видовъ не оказалось самаго любопытнаго и живописнаго!.. Тутъ были совсѣмъ не интересные виды желѣзнодорожнаго вокзала и епархіальнаго училища, мужской гимназіи и женской, присутственныхъ мѣстъ, собора, гостиннаго двора, даже убогаго фонтана, укрошающаго площадку городского сада... А между тѣмъ стоитъ лишь миновать всѣ эти не примѣчательныя достопримѣчательности и, перейдя каменный мостъ, направиться по прямой линіи Загородной улицы въ конецъ города къ такъ-называемой губернаторской дачѣ—и передъ вами съ крутого обрыва откроется нежданно-негаданно видъ въ полномъ смыслѣ очаровательный... на далекій, угрюмо-темнѣющій сосновый боръ и раскинувшуюся вокругъ мягкимъ изумруднымъ ковромъ долину рѣки Яченки. По обѣ стороны маленькой извилистой рѣчки, сверкающей на солнцѣ точно развившееся серебряное покрывало, пестрѣютъ живописно стада, представляющіяся сверху, среди нѣжной муравы, фан-

тастическимъ скопищемъ божьихъ коровокъ. Глянешь направо—холмы, пашни, луга, а на горизонтѣ—новая зеленая роща, изъ-за вершинъ которой задумчиво высматриваютъ святыя главы Лаврентьева монастыря. Глянешь налѣво—въ дымкѣ тумана синѣетъ великолѣпный берегъ Оки, плѣняя глазъ своей неясной и широкой далью. Словомъ, красота и восторгъ—да и только!

Да это еще все ли... Обернитесь теперь назадъ и вглядитесь хорошенько въ стоящій на кручѣ одноэтажный сѣрый домъ съ мезониномъ и узенькимъ открытымъ балкономъ, выходящимъ въ садъ... Знаете ли вы, господа, какое замѣчательное событіе произошло въ этомъ самомъ домѣ, на этомъ самомъ балконѣ въ іюнѣ 1849 года, т.-е. ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Ни болѣе ни менѣе, какъ первое публичное чтеніе *второй части* „Мертвыхъ Душъ“ самимъ авторомъ—то самое знаменательное чтеніе, откликъ котораго столь живо запечатлѣнъ въ запискахъ Льва Арнольди, единственномъ документѣ, сохранившемъ потомству драгоцѣнные намеки о геніальныхъ страницахъ, преданныхъ впослѣдствіи сожженію... „Мы собрались для этого,—какъ повѣствуетъ Арнольди,—въ одиннадцать часовъ утра, на балконѣ, установленномъ цвѣтами. Сестра (А. О. Смирнова) сѣла за пяльцы, я спокойно помѣстился въ креслѣ противъ Гоголя, и онъ началъ читать“... Въ этихъ немногихъ строкахъ оживляется воображенію цѣлая картина, трогательный моментъ, который положительно напрашивается подъ кисть художника!.. (Мѣстомъ чтенія, огласившаго впервые въ Россіи второй томъ „Мертвыхъ душъ“, отнюдь не могъ быть другой балконъ, выходящій въ загородный садъ и прилегавшій тогда къ губернаторской пріемной, тѣмъ болѣе, что онъ виденъ со стороны городской дороги, по которой подъѣзжали и приходили

всякія служебныя лица, имѣвшія отношенія къ Н. М. Смирнову).

А рядомъ, въ двухъ шагахъ отъ знаменитаго балкончика, другой историческій памятникъ: невзрачный деревянный флигель съ низенькимъ стариннымъ крылечкомъ, тотъ самый, въ которомъ Гоголь прожилъ лѣто 1849 г., отдѣлывая и дописывая означенную вторую часть „Мертвыхъ душъ“. В. И. Шенрокъ въ четвертомъ томѣ своего труда о Гоголѣ приводитъ слѣдующія свѣдѣнія по этоту поводу: „Флигель не отличался своей красотою, но Гоголю нравился, потому что онъ былъ тамъ совершенно одинъ и видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Его особенно восхищали зеленый сосновый боръ и рѣка Яченка, на крутомъ берегу которой стоялъ загородный губернаторскій домъ. Вправо отъ бора ему видны были главы Лаврентьева монастыря. Гоголь самъ пожелалъ, чтобы ему служилъ человѣкъ Христофоръ, который нравился ему тѣмъ, что у него „настоящая губернская физіономія“. Онъ утверждалъ, что именно такіе слуги должны быть въ губернскомъ городѣ у губернатора. Флигель этотъ, такъ-сказать, вдвойнѣ литературный, такъ какъ ранѣе того, въ бытность въ Калугѣ губернаторомъ князя А. П. Оболенскаго, въ немъ жилъ извѣстный поэтъ-сенаторъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій (дочь котораго была замужемъ за княземъ).

Какимъ-то чудомъ домикъ Гоголя сохранился во всей своей ветхозавѣтной неприкосновенности и лишь недавно подверглась поправкѣ его крыша, и то по совершенно частному почину губернскаго инженера С., занимавшаго лѣтомъ съ семьей губернаторскую дачу и помѣстившаго въ означенномъ флигелѣ кухню и прислугу... Губернскій инженеръ С.— очень любезный молодой человѣкъ, давшій мнѣ крайне цѣн-

ныя указанія для знакомства съ Калугой — отлично зналъ, что помѣщается въ томъ самомъ домѣ, гдѣ нѣкогда жилъ губернаторъ Н. М. Смирновъ, но о Гоголевскомъ домикѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; ничего не слыхалъ о немъ, какъ оказывается, и мой случайный знакомый молодой калужскій парень, поклонникъ Гоголя, указавшій мнѣ губернаторскую дачу, и многіе другіе интеллигентные калужане, съ которымъ мнѣ пришлось потомъ столкнуться, до мѣстнаго археолога И. Д. Четыркина включительно. Это тѣмъ страннѣе, что всего годъ назадъ Калуга шумно праздновала Пушкинскій юбилей и въ память событія Загородный садъ, прилегающій къ домику Гоголя, переименовала въ „Пушкинскій“. Даже несмотря на то, что въ этомъ самомъ саду устроено было литературно-школьное шествіе со знаменами и хорами,—никто ни полсловомъ не обмолвился о Гоголѣ, точно онъ никогда не жилъ въ Калугѣ, нисколько не любилъ Калугу и не былъ самымъ задушевнымъ другомъ такой замѣчательной русской женщины, каковой была калужская губернаторша А. О. Смирнова,—словомъ, чествуя Гете, забыли о Шиллерѣ.

О, невѣжество педагогическое! О, неблагодарность человѣческая!!

Впрочемъ, какъ извѣстно, губернаторская дача принадлежитъ городу и слѣдовательно поправить дѣло достойнымъ образомъ не представляетъ особыхъ затрудненій.

Кстати, небольшое отступленіе по поводу Пушкина... Въ вышеупомянутомъ героически кропотливомъ трудѣ Шенрока, въ той главѣ четвертаго тома, гдѣ говорится о пребываніи Гоголя въ Калугѣ у Смирновыхъ, вкралась одна весьма досадная для господъ калужанъ опечатка. А именно упомянуто о нѣкоемъ калужскомъ книгопродавцѣ «Олимпіевѣ», ве-

ликомъ почитателѣ литераторовъ и личномъ знакомомъ Пушкина, Гоголя и Жуковскаго. Оказывается, что никакого книгопродавца „Олимпіева“ въ Калугѣ не существовало, а былъ книгопродавецъ „Антипинъ“. дѣдъ нынѣшняго благополучно здравствующаго калужскаго книгопродавца Антипина. Справки, наведенныя мною по этому поводу, не лишены интереса. Дѣдъ нынѣшняго М. А. Антипина, имѣющаго на Никитской улицѣ книготорговлю и библіотеку, Иванъ Ѳомичъ Антипинъ или, какъ его попросту звали въ Калугѣ, „Ѳомичъ“, несмотря на свое простонародное происхожденіе былъ замѣчательный для своего времени человѣкъ. Торговыя дѣла не помѣшали ему собрать для себя хорошую библіотеку, живо интересоваться литературой и политикой и даже помѣщать отъ времени до времени въ петербургскихъ журналахъ собственные стихи. Сохранилось впрочемъ всего одно изъ этихъ стихотвореній—„Молитва русскихъ людей“, напечатанное въ 1845 г. въ „Калужскихъ Вѣдомостяхъ“ и фигурирующее въ настоящее время подъ стекломъ въ магазинѣ его внука. У послѣдняго также хранится и портретъ Ѳомича—карандашный набросокъ княжны Трубецкой, большой почитательницы этого умнаго и оригинальнаго мужика: изъ мохнатаго воротника шубы на васъ глядитъ красивое безусое и моложавое лицо, напоминающее чертами поэта Языкова, а мечтательнымъ взглядомъ отчасти Жуковскаго. Въ 1830 году, когда Пушкинъ гостилъ на Полотняномъ Заводѣ, въ имѣніи Гончаровыхъ, „Ѳомичъ“ восторженный поклонникъ Пушкина, подбилъ своего земляка Абакумова совершить паломничество къ Пушкину въ день рожденія послѣдняго 26-го мая. Разумѣется, богатому купцу ничего не стоило взять подводу, чѣмъ пѣшествовать слишкомъ двадцать верстъ; но Ѳомичъ рѣшилъ, что такъ поступить по от-

ношенію къ великому поэту было бы негоже, и отправился пѣшкомъ, какъ заправской паломникъ. Пушкинъ его обласкалъ, угостилъ обѣдомъ, оставилъ переночевать и на прощанье подарилъ свой автографъ. Въ результатѣ собесѣдованіе съ Пушкинымъ не обошлось безъ благодѣтельнаго толчка. Спустя нѣсколько лѣтъ частная библіотека Ивана Ѳомича Антипина превратилась, съ разрѣшенія губернатора М. Н. Смирнова, въ „общественную“, а затѣмъ послужила основаніемъ книжной фирмы Антипиныхъ, существующей и понынѣ. Одно, впрочемъ, обстоятельство, полукомическаго, полутрагическаго характера, чуть было не разстроило въ самомъ началѣ благодѣтельнаго плана Ѳомича. А именно однажды, теплымъ осеннимъ днемъ, когда Ѳомичъ сидѣлъ въ своей новой библіотекѣ и читалъ газету, въ отворенную дверь опрометью вбѣжалъ совсѣмъ непрошенный гость — сѣрый волкъ, очевидно затравленный близкой погоней. Къ счастью, доѣзжачіе поспѣли во время и Ѳомичъ былъ спасенъ, отдѣлавшись лишь разстройствомъ желудка, а съ нимъ вмѣстѣ спасена была и книжная фирма. Къ прискорбію родной сынъ Ѳомича оказался хуже сѣраго волка и благословеніе Пушкина Антипинской книготорговлѣ — драгоцѣнный автографъ — продалъ во время Пушкинскихъ празднествъ 1880 года какому-то петербургскому любителю за десять рублей, не разсчитавъ въ своемъ калужскомъ невѣжествѣ, что таковой автографъ Пушкина, висящій подъ стекломъ въ магазинѣ, послужилъ бы для достоинства фирмы лучше всякой золотой медали. На обязанности внука осталась такимъ образомъ неблагодарная задача — разыскать и перекупить дорогія строки, принесшія несомнѣнное счастье и почетъ его дѣлу!

Разъ зашла рѣчь о Пушкинѣ, далеко не лишнее зайти,

по горячимъ слѣдамъ, на Проломную улицу, въ Калужскій музей или, какъ онъ называется официально, „Музей Калужской Архивной Комисіи“. Здѣсь имѣются нѣсколько автографовъ Пушкина (три письма къ дѣду Гончарову, Афанасію Николаевичу, и одно французское—къ тещѣ) и,—что рѣшительная рѣдкость,—два автографа жены Пушкина Наталіи Николаевны Гончаровой... Одинъ, вдобавокъ, стихотворный!.. Жена Пушкина, какъ извѣстно, кропала подчасъ стишки и, судя по одному письму къ ней Пушкина, довольно-таки плачевные. („Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ, и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ—о своемъ здоровьи“). Въ витринѣ Калужскаго музея хранится семейный альбомъ Гончаровыхъ, раскрытый на первой страницѣ, какъ разъ начинающейся помянутымъ автографомъ:

17 сентября.

Безъ денегъ, безъ чиновъ, Надежду кто имѣетъ,
Богаче Креза тотъ, онъ свѣтомъ всѣмъ владѣетъ.

N. Гончарова.

Сличеніе почерка съ сосѣднимъ прозаическимъ автографомъ Гончаровой и ея излюбленнымъ въ подписи французскимъ „N“ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности поэтической попытки. А внизу—четверостишіе самого Пушкина, который галантно, какъ заправскій женихъ, какъ бы вторитъ въ тонъ ея дилетанской поэзіи:

Пишите напередъ—Пегасъ у васъ въ рукахъ,
А я за вами вслѣдъ, сидя на полозахъ
Скажу, что я равно Надежду почитаю
И день сей праздновать стократно ей желаю.

Подписано „А. П.“—какъ бы тонкій намекъ, что подобная жениховская „поддѣлка“ не заслуживаетъ полной Пушкинской подписи.

Прозаическія строки Наталіи Николаевны, написанныя мел-

кимъ бисернымъ почеркомъ и обращенныя къ Афанасію Николаевичу Гончарову, содержатъ родственное извѣстіе объ ея бракѣ съ поэтомъ. Приводимъ ихъ съ соблюденіемъ орѣографіи того времени:

„Любезный Дѣдушка.

Имѣю щастіе извѣстить Васъ, наконецъ о свадьбѣ моей и препоручить мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданной любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь, что вы попрежнему останетесь моимъ первѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыть на всегда покорная внучка.

Наталія Гончарова“.

Что еще интересно въ музеѣ, въ той же витринѣ, гдѣ хранится Гончаровскій альбомъ, это списокъ книгъ которымъ Пушкинъ пользовался во время пребыванія своего на Полотняномъ Заводѣ. И, какъ вы думаете, что стоитъ на первомъ мѣстѣ? Книги о Китаѣ!..

„Описаніе Китайской имперіи, Часть I.

Описаніе Китайской имперіи, Часть II.“

И далѣе еще третья книга: „О градахъ Китайскихъ“.

Положительно знаменательная черта—очевидно, Пушкинъ, семьдесятъ лѣтъ назадъ, проникновенно интересовался и волновался тѣми самыми вопросами, которыми интересуемся и волнуемся мы, грѣшные, только теперь. Какъ извѣстно, почти одновременно съ мечтой о женитьбѣ Пушкинъ лелѣялъ мечту о путешествіи въ Китай. И событія, увы, показали что осуществленіе второго мечтанія на счетъ перваго послужило бы къ вящшей пользѣ нашего любезнаго отечества... Впрочемъ, Грибоѣдовъ не даромъ сказалъ:

«Ахъ, если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко!»

И, вмѣсто вѣщей книги о Китаѣ, которая, — почемъ знать— —измѣнила бы ходъ современныхъ событій, мы имѣемъ геніальныя сцены „Каменный гость“ напророчившія смерть ихъ автору.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не отнестись съ благодарностью къ молодому потомку Гончаровыхъ, Д. Д. Гончарову, за столь интересный даръ Калужскому музею!

Но зато, къ стыду Калуги и калужанъ, въ стѣнахъ музея нѣтъ и признака почтенія къ памяти Гоголя, столь близко соприкосновеннаго городу и по своей симпатіи къ нему, и по прозрачному отклику въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ. Даже нѣтъ снимковъ ни съ губернаторской дачи съ „литературнымъ балкончикомъ“, ни съ Гоголевскаго флигеля. Небольшая фотографія, изображающая губернатора Смирнова, окруженнаго своими чиновниками (снимокъ съ акварели художника Алексѣва, хранящійся, какъ говорятъ, у одного калужскаго сторожила)—вотъ пока и все. Съ правой стороны обращаетъ на себя вниманіе оригинальная фигура В. Я. Быковскаго, инспектора врачебной управы, того самого Быковскаго, съ которымъ Гоголь особенно сблизился въ бытность свою въ г. Калугѣ. И какъ, оказывается, сблизился недаромъ, потому что, по словамъ старожиловъ, это былъ искуснѣйшій врачъ и рѣдкой доброты человѣкъ, лечившій бѣдныхъ безплатно и всячески помогавшій. Калужане хранятъ о немъ благодарную память, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ лавкахъ вы найдете на стѣнѣ, въ рамкѣ, его литографированный портретъ. Почему пожертвованъ въ музей фотографическій снимокъ съ группы, а не самый оригиналъ, признаться, несовсѣмъ непонятно!..

Ревнитель музея,—мѣстный археологъ и педагогъ И. Д. Четыркинъ,—объясняя мнѣ разныя музейныя рѣдкости, съ особенной гордостью показывалъ мнѣ въ подвальномъ помѣщеніи колекцію зубовъ мамонта, найденныхъ въ Калужской губерніи. Но я отнесся къ этому восторгу довольно холодно и, признаться, пожертвовалъ бы цѣлой мамонтовой челюстью, чтобы видѣть—взамѣнъ—автографъ Гоголя, его конторку, за которой онъ работалъ въ калужскомъ флигелѣ или хотя бы бѣлую гоголевскую шляпу, нѣкогда хранившуюся въ семьѣ того же пресловутаго Ѳомича. Впрочемъ, музей существуетъ только третій годъ и, какъ всякое дѣло въ началѣ, не лишенъ весьма существенныхъ пробѣловъ...

Общее впечатлѣніе поэтому весьма смѣшанное. Есть старинныя иконы и собраніе старинныхъ монетъ, экземпляры древней утвари и оружія, есть витрина съ колекціей педагогическихъ адресовъ поднесенныхъ графу Делянову, и собственноручная росписка Шамиля въ полученіи жалованья изъ калужскаго казначейства, имѣется также стремя Шамиля, клыкъ калужскаго мамонта и затѣйливая архіерейская карета временъ императора Павла; нѣтъ недостатка и въ любопытныхъ картинахъ—напримѣръ, рѣдкій портретъ масляными красками Петра Великаго верхомъ «подъ Полтавой» (даръ княгини Вяземской), акварель неизвѣстнаго художника, изображающая поэта Мицкевича въ Крымскихъ горахъ; есть еще картины: „Императоръ Юстиніанъ, оплакивающій смерть Велизарія“, „Выходъ Ноя изъ ковчега“ и проч., всего не упомнишь. Въ отдѣлѣ утвари, между прочимъ, возбуждаетъ недоумѣніе наиобыкновеннѣйшій и наисовременнѣйшій стаканъ для питья, какой сплошь встрѣается въ посудныхъ лавкахъ, вдобавокъ съ отбитымъ краемъ, пожертвованный какою то калужскою патріоткой. Въ виду от-

сутствія въ музеѣ каталога, я такъ и остался въ невѣдѣніи относительно исторіи загадочнаго стакана!

Помѣщеніе для музея выбрано необыкновенно удачно— старинныя каменныя палаты дома Коробовыхъ — уже самъ по себѣ интересный памятникъ стариннаго русскаго зодчества, и калужское дворянство, пожертвовавшее домъ для музея, поступило наиблагороднѣйшимъ образомъ (и какъ же иначе и могло поступить дворянство, долженствующее блюсти святую старину!). По народному преданію, въ этомъ домѣ въ 1610 году жила Марина Мнишекъ, и въ народѣ онъ извѣстенъ исключительно подъ названіемъ „дома Маріи Мнишекъ“, не взирая на настойчивое опроверженіе завѣдывающаго музеемъ И. Д. Четыркина, старающагося переубѣдить калужанъ цѣлымъ рядомъ рефератовъ, что Марина Мнишекъ жила отнюдь не въ домѣ Коробовыхъ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Бѣдные калужане! Жили они и вѣрили, что въ ихъ родномъ городѣ находится домъ Марины Мнишекъ, и, за отсутствіемъ другихъ почтенныхъ древностей, гордились этой единственной диковиной. Но вотъ пришелъ злодѣй-археологъ, порылся въ лѣтописи Мартина Бера и объявилъ калужанамъ, что преданіе о домѣ Марины Мнишекъ «плодъ неумѣренной народной фантазіи, препятствующей провѣркѣ научныхъ данныхъ“ („Извѣстія кал. уч. арх. ком.“ 1899 г. Вып. III). Бѣдная народная фантазія!..

Пока что, калужскіе извозчики и слышать не хотятъ ни о какихъ научныхъ данныхъ. Если скажешь извозчику: «Въ Калужскій музей!» — лицо его потемнѣетъ и выразитъ недоумѣніе. А скажешь наоборотъ: «Въ домъ Марины Мнишекъ!» — лицо просвѣтлѣетъ, и его сивая лошадка побѣжитъ охотнѣе и быстрѣе.

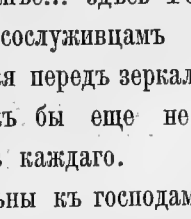
Большое утѣшеніе доставило мнѣ знакомство съ другимъ калужскимъ обывателемъ, не археологомъ и не педагогомъ, а простымъ смертнымъ, экзекуторомъ губернскаго правленія, нѣкіимъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мартыновичемъ-Лашевскимъ. Это удивительнѣйшій человѣкъ, этотъ старикъ экзекуторъ и, послѣ гоголевскаго уголка и палатъ Коробова, смѣло можетъ считаться третьей достопримѣчательностью Калуги. Совершенно еще бодрый, обладающій прекрасной памятью и любезной сообщительностью, онъ является живой любопытный лѣтописью Калужской до-реформенной эпохи и, такъ-сказать, дополняетъ своей особой пробѣлы научныхъ данныхъ гг. Четыркиныхъ и К°. Когда мнѣ приходилось наводить у мѣстныхъ обывателей тѣ или другія справки, меня, обыкновенно, посылали къ „Алексѣй Ивановичу“: „Если ужъ Алексѣй Ивановичъ не знаетъ, то никто объ этомъ въ Калугѣ ничего не знаетъ!“ И дѣйствительно, всегда такъ и оказывалось—никто въ Калугѣ толкомъ ничего не зналъ, кромѣ „Алексѣя Ивановича“.

Самое интересное, конечно, для меня было—добыть какія-либо свѣдѣнія о Гоголѣ, гостившемъ въ 1849 году въ домѣ Смирновыхъ, т. е. какъ разъ въ то самое время, когда отецъ А. И. Лашевскаго, Иванъ Тимофеевичъ, состоялъ при Н. Н. Смирновѣ правителемъ канцеляріи (самъ А. И. тогда былъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Гоголя не видѣлъ и только помнитъ А. О. Смирнову, которая однажды взяла его къ себѣ въ дорожную карету и произвела на него впечатлѣніе очень смуглой и очень пріятной дамы). Но пунктъ о Гоголѣ оказался самымъ слабымъ пунктомъ въ чреватыхъ воспоминаніями разсказахъ А. И.—Отецъ его относился къ Гоголю, повидимому, совершенно такъ, какъ и остальные калужскіе чиновники, по свидѣтельству

Арнольди, т. е. заинтересованы были имъ не болѣе какъ диковиннымъ звѣремъ. Дома, въ интимномъ разговорѣ, онъ даже намекалъ о какой-то тайной болѣзни писателя, высказывая мнѣніе, одинаковое съ мнѣніемъ своихъ сослуживцевъ: „что Гоголь вообще слегка тронутый человѣкъ и до полнаго помѣшателлства ждать придется не особенно долго“. Впрочемъ, автору „Ревизора“ едва ли можно было ожидать къ себѣ особенно лестнаго отношенія, тѣмъ болѣе все то, что мнѣ разсказывалъ А. И. о чиновныхъ нравахъ того времени, до мелочей иногда подтверждало сцены геніальной комедіи и слѣдовательно краски преподнесенной обличительной картины не успѣли еще, такъ сказать, обсохнуть... Эта скрытая враждебность къ писательской профессіи проскальзываетъ и въ другомъ случайномъ разсказѣ, слышанномъ А. И. отъ отца. Однажды, когда въ губернаторской пріемной собралось особенно много чиновниковъ, одинъ изъ нихъ, по привычному канцелярскому любопытству, заглянулъ тихонько въ сосѣдній залъ и замѣтилъ сидящаго тамъ Гоголя. „Господа, будьте осторожнѣе... здѣсь Гоголь! — сообщилъ онъ предупредительно сослуживцамъ и всѣ стали суетливо оправляться и чиститься передъ зеркаломъ.—„Надо подтянуться... того гляди, какъ бы еще не описалъ?“— тревожно промелькнуло въ умѣ каждаго.

Будемъ однако снисходительны къ господамъ калужскимъ чиновникамъ, ибо приходится признать, что взглядъ на комическаго писателя, и въ наше время не отличается особенной приподнятостью!..

Вообще, по части розыска „гоголевскихъ“ слѣдовъ мнѣ, несовсѣмъ не повезло. Не обошлось даже безъ комическихъ недоразумѣній. Такъ напримѣръ, мнѣ указали одну даму, отецъ который, докторъ, хорошо зналъ Гоголя. Дама



оказалась весьма обходительной, но о Гоголѣ не помнила ни полслова. Также одинъ обыватель растревожилъ меня сообщеніемъ, что у одного его знакомаго, калужскаго ремесленника, есть какая-то рукопись Гоголя, а на повѣрку вышло, что у того имѣется томъ сочиненія Гоголя съ фототипическимъ снимкомъ гоголевскаго почерка. Зато, когда дѣло коснулось губернатора Смирнова и всякихъ чиновныхъ исторій, милѣйшій Алексѣй Ивановичъ почувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ и сыпалъ анекдотами полной пригоршней.

Взяточничество и всякія злоупотребленія, съ которыми Н. М. Смирнову приходилось бороться, приводили его порой въ совершенное отчаяніе и Гоголю, какъ извѣстно, приходилось не разъ утѣшать и ободрять его. Отецъ А. И. въ настоящемъ случаѣ оказался „однимъ изъ немногихъ“ и даже мѣсто свое правителя канцеляріи получилъ какъ своего рода отличіе за свою рѣдкую безсеребренность. Эта неудобная черта характера и приближеніе его къ губернатору натворило ему впослѣдствіи не мало враговъ и, при преемникѣ Смирнова, вынудило бросить службу и выйти въ отставку. По словамъ А. И., Смирновъ былъ добрѣйшей души человѣкъ и честности безупречнѣйшей, но вспыльчивый до умопомраченія. Однажды чиновникъ, котораго онъ особенно горячо распекалъ, прямо пустился отъ него въ бѣгство — тотъ за нимъ, черезъ балконъ, въ садъ.. и оба бѣгали по дорожкамъ сада, пока оба не уморились. Другой разъ, подвергся распеканціи полиціймейстеръ; но тотъ самъ былъ порядочный порохъ и, защищаясь, обнажилъ сгоряча саблю — и такимъ образомъ пришлось въ свою очередь обратиться въ бѣгство самому губернатору. Еще характерный случай. Такъ какъ губернаторская дача находится въ концѣ города, отецъ А. И.,

отправляясь съ докладомъ къ Смирнову, бралъ каждый разъ извозчика. Этого извозчика какъ-то запримѣтилъ Смирновъ и, дабы не вводить своего подчиненнаго въ дальнѣйшіе расходы, сейчасъ же отдалъ приказъ своему мажордому, нѣкоему Жулеву, присылать за нимъ лошадь и также отвозить обратно. Но приказъ Смирнова исполнялся мажордомомъ настолько небрежительно, что отецъ А. И. вынужденъ былъ попрежнему завести извозчика. На бѣду, извозчикъ снова попался на глаза Смирнову и правитель канцеляріи на этотъ разъ откровенно разсказалъ въ чемъ дѣло. Смирновъ немедленно позвалъ виновника и совершенно вышелъ изъ себя: сталъ кричать, топать ногами и въ концѣ-концовъ дошелъ до такого остервѣненія, что повалилъ своего мажордома на полъ и сталъ грызть, такъ что, по словамъ очевидцевъ, его еле оттащили...

Та же горячность проявлялась у Смирнова на каждомъ шагу и шла рядомъ съ самой сердечной добротою. Бывало, когда въ пріемной наберется много бѣдныхъ просителей Н. М. помогавшій щедро изъ своего собственнаго кармана, раздастъ все до послѣдней копѣйки, а затѣмъ начнетъ по обыкновенію кричать и топать ногами.. „Убирайтесь... чего стоите! Больше ни гроша нѣтъ! Убирайтесь, говорятъ вамъ!!“.

Не удивительно, что въ пылу раздраженія онъ отдавалъ иногда совершенно невозможныя приказанія. „Тогда мой батюшка, іоясняетъ А. И., осторожно заходилъ съ другого крыльца, т.-е. обращался къ посредничеству Александры Осиповны и дѣло мирно улаживалось“. Кромѣ того Н. М. питалъ несчастную слабость къ циркулярамъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: циркуляры и циркуляры... „Цѣлая буря циркуляровъ изъ Калуги!“ — какъ выразился однажды императоръ Николай по поводу Смирновскихъ донесеній.

Порой, подъ сердитую руку, составлялись, въ самомъ дѣлѣ, довольно невѣроятные циркуляры. Напримѣръ, какъ-то мимо губернаторской дачи промчались съ гикомъ и крикомъ пьяные ямщики. Н. М. вскипѣлъ и немедленно сочинилъ такую приблизительно резолюцію: „До моего свѣдѣнія дошло, что ямщики, проѣзжая по городу, поютъ отчаяннымъ образомъ и по-разбойничьи присвистываютъ, пугая тѣмъ мирныхъ семейныхъ обывателей. Дабы впредь ничего подобнаго не случалось, предписываю и проч.“.

Если попадались своеобразные циркуляры, то толкованіе ихъ подчасъ было еще своеобразнѣе. Такъ, въ виду черезчуръ безцеремоннаго хозяйничанья гг. исправниковъ на постоялыхъ дворахъ, выпущенъ былъ циркуляръ, предписывающій „отнюдь не отпускать имъ кушанья безденежно“. Чего кажется, яснѣе? А вотъ, подите же, одинъ калужскій исправникъ сумѣлъ даже исправно нажиться на немъ, истолковавъ начальникамъ станцій, „что, въ силу новаго циркуляра, слѣдуетъ исправника не только накормить, но и дать ему денегъ“...

Въ заключеніе о Смирновѣ, долженъ покаяться въ одной нескромной догадкѣ.—Всѣ эти свѣдѣнія о слабости Н. М. Смирнова къ писанію многочисленныхъ циркуляровъ и о его сумасшедше-вспыльчивомъ характерѣ, наводятъ меня на мысль... да уже не съ почтеннѣйшаго ли Смирнова былъ отчасти списанъ знаменитый „полковникъ Кошкаревъ“?.. Это предположеніе вѣроятно удалося бы подчеркнуть ярче, если бы обстоятельства позволили мнѣ остаться въ Калугѣ не три а тридцать три дня и я былъ бы снабженъ полномочіемъ Академіи Наукъ разобраться въ архивѣ губернскаго правленія. Но я заѣхалъ въ Калугу, по дорогѣ въ Оптину пустынь, въ качествѣ вольнаго художника—и потому взятки съ меня гладки!..

Кстати сказать, былъ я въ этой самой Калугѣ, проѣздомъ, ровно 10 лѣтъ назадъ и—долженъ засвидѣтельствовать—не нашелъ въ ней ровно никакой перемѣны! Какъ было, такъ все по старому и осталось...

Остановился я, какъ и десять лѣтъ назадъ, въ центрѣ города, въ гостиницѣ „Рига“ и занялъ рублевый номеръ—съ иконой стариннаго письма въ углу, подозрительной трещиной въ потолкѣ надъ кроватью, стѣннымъ календаремъ Блокка, украшеннымъ любострастной женской головкой, и окномъ безъ задвижекъ съ видомъ на свинной хлѣвъ (съ рублеваго номера, впрочемъ, что и спрашивать!). День былъ праздничный и я отправился въ городской садъ—и тутъ все по-прежнему... На берегу Оки попрежнему стоялъ общій калужскій любимецъ—ресторанъ „Кукушка“, попрежнему вблизи ресторана игралъ немудреный оркестръ военной музыки, попрежнему подъ вечеръ въ саду былъ пущенъ немудреный фейерверкъ съ обычными ракетами, бураками, вертящимся колесомъ и бенгальскимъ огнемъ, поименованными почему-то на афишѣ гулянья: „Вѣнецъ Діаны“, „Гнѣвъ Прозерпины“, „Борьба китайскихъ драконовъ“, „Венеціанскій карнавалъ“ и т. п. Но самое гулянье въ саду далеко не походило на венеціанскій карнавалъ. Толпа, тянувшаяся взадъ и впередъ по аллеѣ, мимо музыкантской бесѣдки, тянулась вяло и неодушевленно, напоминая скорѣе прогулку арестантовъ, чѣмъ вольныхъ людей, отдыхающихъ въ праздничный день. Калужскія барышни гуляли больше по-трое, тѣсно прижавшись другъ къ дружкѣ и низко наклонивъ головы, какъ заговорщицы, хранившія про себя какія-то сокровенныя калужскія тайны. За ними обыкновенно слѣдовали по-двое или по-четверо въ рядъ кавалеры, преимущественно изъ учащейся молодежи, и пытливо загляды-

вали повременамъ подъ шляпки и платочки, видимо стараясь разгадать ихъ страшные секреты. Со стороны это производило впечатлѣніе, будто гуляющіе разыгрываютъ все время какую-то запутанную шараду. Наканунѣ отъѣзда я однако ее разгадалъ, и въ результатѣ получилось всего два слова: „Калужская скука“!

Взглянулъ я между прочимъ на красавицу Оку и глубоко вздохнулъ,—въ сравненіи съ прежней Окой она обмѣлѣла до неузнаваемости и при обиліи отмелей походила при лунномъ освѣщеніи на размытую дождями проѣзжую дорогу. Чтобы нѣсколько утѣшить себя, я утромъ отправился на другой ея берегъ, въ село Ромоданово, чтобы полюбоваться видомъ на Калугу, который, по увѣренію Гоголя, любовавшагося съ этого пункта городомъ въ сообществѣ съ А. О. Смирновой, походитъ отсюда на Константинополь. Увы, я вынесъ убѣжденіе совершенно обратное, т.-е., что видъ на село Ромоданово съ веранды ресторана „Кукушка“ куда лучше, и склоненъ думать, что похвала Гоголя скорѣе косвенная любезность по адресу Смирновой, какъ калужской губернаторши, чѣмъ прямая по адресу самаго города!..

Затѣмъ, какъ уже извѣстно читателю, я навѣстилъ гоголевскій уголокъ, мѣстный музей и историческаго экзекутора и,—третій день передъ отъѣздомъ,—посвятилъ бѣглому осмотру современной Калуги.

Первымъ дѣломъ я отправился въ старинный Лаврентьевъ монастырь, заглянулъ по дорогѣ въ бѣдный монастырекъ Святого Креста и навѣстилъ сосѣднее съ послѣднимъ городское кладбище. Въ Лаврентьевомъ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи праведнаго Лаврентія, живетъ лѣтомъ калужскій архіерей и хоронятся богатые калужане. Блуждая по кладбищу, я разыскалъ между прочимъ двѣ именитыя

могилы, донельзя однако запущенныя — могилу героя двѣнадцатаго года генерала Багговута и памятникъ почтеннаго поэта и общественнаго дѣятеля Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, похороненнаго рядомъ съ дочерью. Если калужскихъ гражданъ почему-либо не трогаютъ военные подвиги, то считаю не лишнимъ напомнить еще разъ, что Ю. А. Нелединскій нѣсколько сродни Калугѣ, хотя бы по дочери, бывшей калужской губернаторшѣ. Его пѣсни и романсы, какъ извѣстно, вошли во всѣ хрестоматіи, начиная съ популярной до сихъ поръ „Выйду-ль я на рѣченку“ и были нѣкогда изданы Смирдинымъ совмѣстно въ одномъ томѣ съ сочиненіями барона Дельвига. Да и помимо этого, формуляръ Ю. А., служившаго при трехъ императорахъ, довольно-таки замѣчателенъ. Не угодно ли? „Воспитывался въ Страсбургскомъ университетѣ... участвовалъ при взятіи Бендеръ... состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ... въ качествѣ почетнаго опекуна былъ приближенной особой при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ... перевелъ трагедію Вольтера „Заира“... написалъ „по Высочайшему повелѣнію въ Павловскѣ, стихи на сіявшую тогда луну“... и лишь семидесяти пяти лѣтъ вышелъ въ отставку и удалился на покой въ Калугу“. Вы, нынѣшніе, нутка?! (Родился Ю. А. 6-го сентября 1752 г., и такимъ образомъ, въ 1902 году гор. Калугѣ предстоитъ, вслѣдъ за пятидесятилѣтіемъ Гоголя со дня смерти, чествовать 150 лѣтъ со дня рожденія Нелединскаго).

Въ Крестовомъ монастырѣ я не нашелъ ничего особенно замѣчательнаго, если не считать простого монаха, который при случайномъ знакомствѣ, оказался восторженнымъ поклонникомъ покойныхъ философовъ Владиміра Соловьева и Константина Леонтьева... На городскомъ кладбищѣ тоже не

нашлось ничего интереснаго, но на память о посѣщеніи я списалъ однако въ свою записную книжку эпитафію на памятникѣ какого-то безвременно скончавшагося семинариста:

„При прохожденіи науки богословской
Почилъ питомецъ музъ эпархіи Орловской.
Покойный, ты блаженъ, оставивъ буквы—строки:
Отъ вѣчной истины ты слушаешь уроки!“

Двѣ послѣднія строки эпитафіи могли бы быть, мнѣ думается, утѣшительнымъ напутствіемъ не только для одного орловскаго семинариста, но равно и для петербургскаго фельетониста.

На возвратномъ пути мнѣ пришлось проѣзжать грязнѣйшую и костоломнѣйшую улицу города Калуги, носящую точно въ насмѣшку названіе „Вѣнской“... Впослѣдствіи, впрочемъ, мѣстный археологъ вывелъ меня изъ недоумѣнія, пояснивъ, что въ старину эта самая улица служила мѣстомъ свалки мусора и имѣла впереди своего наименованія соотвѣтствующую сему достоинству „частицу“, которую современное думское лицемѣріе безцеремонно уничтожило... Видѣлъ также, мимоѣздомъ, на Сѣнной площади калужскій городской театръ—неказистое деревянное строеніе, положительно конфузящее своимъ видомъ большой губернскій городъ. Таковой театръ, какъ отдаленный отъ центра и стоящій на площади, оживленной на Масленицѣ и Святой балаганами и каруселями, какъ разъ время обратить въ народный, а въ центральной части построить каменный хотя бы на той самой Калужской площади, которая заросла травой и ждетъ повидимому къ юбилею Гоголя приличнаго ея мѣстоположенію памятника.

Что еще въ Калугѣ примѣчательнаго?

Городской соборъ совсѣмъ не примѣчателенъ. Ночью, при

неполной лунѣ, онъ представляетъ собой довольно величественное зрѣлище, но утромъ имѣетъ видъ стариннаго громоздскаго комода, сверху котораго поставлена копилка для мѣдныхъ денегъ... Ничего примѣчательнаго нѣтъ и въ домѣ, служившемъ нѣкогда резиденціей Шамиля, въ которомъ помѣщается нынѣ городское училище. Я даже не замѣтилъ на стѣнѣ доски съ соотвѣтствующей надписью. Хлынувшій дождь помѣшалъ мнѣ, между прочимъ, съѣздить въ сосновый боръ и навѣстить другую достопримѣчательность такъ называемую Фофанову могилу, не того Фофанова, о которомъ Баратынскій писалъ:

„Напрасно до поту лица
О славѣ Фофановъ хлопочетъ:
Ему отказанъ даръ пѣвца;
Трудится онъ, а Фебъ хохочетъ“.

И разумѣется, отнюдь не родственника даровитѣйшаго современнаго поэта Фофанова, благополучно здравствующаго въ гор. Гатчинѣ... Фофанова могила (въ точности Феофанова)—могила нѣкоего раскольничьяго подвижника, весьма чтимаго въ народѣ, завѣтное мѣсто въ родѣ могилы странника Крайнева, что на петербургскомъ Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Въ этомъ самомъ бору онъ молился, и спасался, и схороненъ, въ силу своего завѣщанія, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ лошади, везшія его тѣло, внезапно остановились. Въ настоящее время калужскіе обыватели спасаются здѣсь лѣтомъ отъ жары, и опушка лѣса начинаетъ понемногу застраиваться дачами. Но мѣсто, куда можно было бы спастись отъ калужской скуки, пока кажется еще не найдено. Хотя заборы и столбы гор. Калуги въ изобиліи пестрятъ афишами, но афиши эти, такія заманчивыя издали, вблизи являютъ собой самыя прозаическія анонсы, въ родѣ: „Вы-

боръ поясовъ и фуражекъ", „Складъ мѣховыхъ принадлежностей, „Продажа пустопорожняго мѣста".. и, право, какъ-то дѣлается жалко юныхъ калужскихъ зѣвакъ, подолгу разочарованно застаивающихся передъ этими тоскливыми цвѣтными простынями... О народномъ театрѣ и помина нѣтъ, и развлеченій никакихъ!. Есть, если вамъ угодно, на Облуповской улицѣ кафе-ресторанъ или какъ его называютъ мѣстные жители: ресторанъ—„Кофій", низенькая полутемная каморка, въ которой пьютъ однако не кофій, а пиво, подъ жиденькій акомпаниментъ оркестріона, наигрывающаго опереточные мотивы. Для натуръ менѣе культурныхъ существуетъ на Калужской площади въ Ремесленномъ трактирѣ цѣлая машина, которая свирѣпо гудитъ „Березу", „Славься" и маршъ „Двуглавый орелъ"... Недалеко отъ ресторана „Кофій" я замѣтилъ „Народную читальню", занимающую верхъ двухэтажнаго дома, низъ котораго сданъ подъ портерную. И такъ какъ читальня въ будни заперта, а портерная открыта ежедневно, то обыватели, жаждущіе просвѣщенія, должны испытывать неминуемую борьбу въ своихъ чувствахъ. Не стану поэтому строго судить обывателей, не выдержавшихъ борьбы съ честью и попадавшихся на стогнахъ Калуги съ походкой, обличавшей явное пренебреженіе къ жизни, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ, встрѣтившійся мнѣ въ темной алеѣ городского сада, далъ мнѣ довольно практическій отвѣтъ:

— Вы, господинъ, откуда будете? — окликнулъ онъ меня. — Не калужскій?

— Нѣтъ, петербургскій.

— Водку пьете?

— Нѣтъ.

— А пиво?

— Не потребляю!

— Въ такомъ разѣ, примите христіанскій совѣтъ— утекайте отселѣ по-добру по-здорову... а то, неровенъ часъ, еще удавитесь на первомъ суку!!.

Это предостереженіе, полученное мною при моей первой прогулкѣ по Калугѣ, вспомнилось мнѣ однако только на третій день, послѣ того какъ я пообѣдалъ въ лучшей калужской гостинницѣ „Кулонъ“ и прослушалъ въ ремесленномъ трактирѣ маршъ „Двуглавый Орелъ“.

Передъ самымъ отъѣздомъ я, къ счастью, вспомнилъ, что ничего не купилъ женѣ на память о Калугѣ и, такъ какъ исключительную гордость Калуги составляютъ такъ называемое „калужское тѣсто“, то я и отправился по совѣту одного старожила къ Воскресенской церкви, противъ которой находится знаменитая фирма Курилиныхъ, гдѣ единственно можно найти тѣсто настоящее, а не поддѣльное. Я попалъ въ какую-то невзрачную комнату, украшенную видомъ Калуги сороковыхъ годовъ, патентомъ на медаль засиженнымъ мухами, и почернѣвшимъ портретомъ какого-то бородатаго купца въ чуйкѣ съ необыкновенно плутоватыми глазами, какъ оказалось, изобрѣтателя пресловутаго тѣста. О самомъ тѣстѣ право не знаю что сказать? На вкусъ, какъ говорится товарища нѣтъ—и я охотно вѣрю мѣстному преданію, что въ сороковыхъ годахъ какой-то грече́скій посланникъ въ восторгѣ имъ объѣлся и затѣмъ выписалъ себѣ подъ старость, въ Грецію, этого тѣста нѣсколько пудовъ. Для нетребовательной супруги это, разумѣется, подарокъ не дурной; но признаюсь, совершенно постороннему, я бы его поднести постѣснялся...

Очутившись въ вагонѣ, я испытывалъ нелицемѣрное чувство удовольствія. Если я не видѣлъ Фофановой могилы и поперхнулся калужскимъ тѣстомъ, то зато на мою долю выпало не мало другихъ радостей... Я видѣлъ въ соборѣ чехолъ, скрывающій знаменитое знамя, спасенное Старичковымъ при Аустерлицѣ, встрѣтилъ простаго рабочаго, читавшаго Гоголя, и у одного интелигентнаго господина нашелъ за печкой портретъ поэта Баркова. Потомъ я сдѣлалъ еще одно любопытное наблюденіе... или вѣрнѣе это мнѣ, быть можетъ, только такъ показалось. Видите ли, мнѣ показалось, что мужья въ Калугѣ весьма сродни по своему составу калужскому тѣсту, тогда какъ жены снабжены болѣе энергической начинкой, вслѣдствіе чего количество „мужей подъ башмакомъ“ въ г. Калугѣ превышаетъ таковое же процентное отношеніе въ другихъ провинціальныхъ городахъ и супружеская равноправность замѣчается здѣсь (по свидѣтельству „Калужскаго Вѣстника“) почему-то исключительно въ семьяхъ сапожниковъ. Къ сожалѣнію, возникшій годъ тому назадъ „Калужскій Вѣстникъ“ отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть и дальнѣйшихъ данныхъ на этотъ щекотливый счетъ не сохранилось.

За отсутствіемъ калужской газеты, я запасся на вокзалѣ московской, и развернувъ нумеръ, запнулся на первыхъ же строкахъ какой-то провинціальной кореспонденціи: „Нынѣ, когда благодѣтельные симптомы русской культуры, проникающіе въ отдаленнѣйшіе уголки нашего отечества и наглядно констатирующіе“ и т. д.

Мнѣ почему-то вдругъ вспомнилось, что Гоголевскій домикъ въ Калугѣ уцѣлѣлъ единственно благодаря десницѣ Провидѣнія, что домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ четверть вѣка ищетъ и не находитъ своего настоящаго опредѣленія

и что въ самомъ Петербургѣ—комната, гдѣ скончался великій Пушкинъ, обращена въ бухгалтерскую контору... и, признаюсь, на сердцѣ стало какъ-то жутко отъ этихъ „симптомовъ русской культуры, наглядно констатирующихъ“... Однако, третій звонокъ...

Прощай, Калуга!!..

1900 г.

V.

Гоголь въ Оптиной пустыни.

(Изъ дорожныхъ замѣтокъ).

Среди простыхъ могильныхъ плитъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ по кладбищу Оптиной пустыни, мое невольное вниманіе остановила полузаглохшая потрескавшаяся плита, смиренно затерянная по лѣвую сторону соборнаго храма.

„На семъ мѣстѣ погребено тѣло монаха Порфирія Петра Александр. Григорова. Изъ дворянъ Елецкихъ, конной артиллеріи подпоручикъ, поступилъ въ О. П. въ 1834 г. трудился по изданію и печатан. душеполезныхъ книгъ. Постригся въ 1850 г. 47 лѣтъ отъ роду, и въ 1851 г. марта 15 мирно почилъ о Господѣ сномъ смертнымъ въ надеждѣ воскресенія въ жизнь вѣчную“...

Къ этому несложному некрологу можно еще добавить нѣсколько скудныхъ строкъ изъ „Историческаго описанія Козельской Введенской Оптиной пустыни“, — что означенный о. Порфирій особенно извѣстенъ изданіемъ писемъ задонскаго затворника Георгія, что въ жизни онъ перенесъ много скорбей, но отличался тѣмъ не менѣе веселостью характера и готовностью всегда и всякому помочь. Но эти дополнительныя подробности едва ли добавятъ что-либо для любо-

пытнаго читателя, если я не подскажу въ свою очередь, что эта забытая могила трогательно связана съ памятью двухъ великихъ именъ русской литературы—Пушкина и Гоголя... Кому, въ самомъ дѣлѣ, можетъ придти въ голову, что подъ этой убогой монашеской плитой далекаго монастырскаго погоста, схороненъ тотъ самый юный и пылкій артиллерійскій офицеръ, который первый въ Россіи оказалъ открытую, почти царскую почесть Пушкину при жизни, какъ величайшему поэту родной страны? (Салютъ изъ пушекъ въ честь Пушкина) *). И посмотрите, какая странная, почти мистическая линія въ его судьбѣ? Пострадавъ по службѣ ради Пушкина, онъ попадаетъ затѣмъ неисповѣдимымъ путемъ въ Оптину пустынь и дѣлается... другомъ Гоголя!..

Эти дружескія отношенія простого инока и великаго писателя очень характерно рисуются въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ Льва Арнольди въ бесѣдѣ, завязавшейся между авторомъ мемуаровъ и Гоголемъ по поводу Оптиной пустыни:

— „Какая тишина, какая простота! восторгается Гоголь.—Я, на перепутьи, всегда заѣзжаю въ эту пустынь и отдыхаю душой... Тамъ у меня въ монастырѣ есть человѣкъ, котораго я очень люблю...

— Кто же этотъ другъ вашъ?

— „Нѣкто Григорьевъ, дворянинъ, который былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, а теперь сдѣлался усерднымъ и благочестивымъ монахомъ, и говоритъ, что никогда въ свѣтѣ не былъ такъ счастливъ, какъ въ монастырѣ. Онъ славный человѣкъ и настоящій христіанинъ; душа его такая дѣтская, свѣтлая, прозрачная!.. Онъ вовсе не пасмурный монахъ, бѣгающій отъ людей, не любящій бесѣды. Нѣтъ

*) Моя книга «Новое о Пушкинѣ» (стр. 35).

онъ, напротивъ того, любитъ всѣхъ людей какъ братьевъ; онъ всегда веселъ, всегда снисходителенъ... Это высшая степень совершенства, до которой только можетъ дойти истинный христіанинъ. Покуда человѣкъ еще не выработался, не совершенно воспиталъ себя, хотя онъ и стремится къ совершенству, въ немъ все еще слишкомъ много строгости, слишкомъ много угловатаго и много отталкивающаго. Если же разъ онъ успѣетъ, съ Божьей помощью, уничтожить въ себѣ всѣ сомнѣнія, примириться съ жизнью, и дойдетъ до настоящей любви, то сдѣлается тогда совершенно спокоенъ, веселъ, ко всѣмъ добръ, со всѣми ласковъ. Таковы всѣ эти монахи въ пустыни: отецъ Моисей, отецъ Антоній, отецъ Макарій; таковъ и мой другъ Григорьевъ!!.“

Лучшаго аттестата, я полагаю, довольно трудно выдать даже монаху!—Къ сожалѣнію, означенными двумя характерными разсказами исчерпываются всѣ свѣдѣнія объ интересной личности дворянина Григорова или Григорьева, какъ его прозываетъ Арнольди со словъ Гоголя. Вдобавокъ, по кончинѣ о. Порфирія Григорова, по досадной монашеской небрежительности, все имущество его было уничтожено, а затѣмъ и самая келія его совершенно передѣлана; даже монахъ, жившій съ нимъ въ одно время въ одной келіи и отлично помнившій какъ друга Гоголя, такъ и самаго Гоголя, навѣщавшаго пустынь... года два тому назадъ тоже умеръ—и, такимъ образомъ, послѣдніе слѣды пребыванія Гоголя въ Оптиной обители оказались обидно заметенными... Еслибъ не іеромонахъ о. Даніилъ (онъ же извѣстный художникъ Болотовъ) и не о. Ерастъ, письмоводитель пустыни,—оба старики, но оба люди образованные, начитанные и любезно общительные,—я едва ли бы раздобылъ и эти немногія печальныя свѣдѣнія, здѣсь приведенныя. Благодаря имъ же,

я напалъ на слѣдъ двухъ драгоцѣнностей, т. е. двухъ автографовъ Гоголя—одно письмо, хранящееся въ монастырской библіотекѣ, а другое въ библіотекѣ Предтеченскаго скита... Первое письмо, хотя и было напечатано въ свое время въ духовныхъ журналахъ, но, однако, настолько мало извѣстно свѣтскому читателю, что считаю не вреднымъ привести его цѣликомъ:

„Ради самаго Христа

Молитесь обо мнѣ отецъ Филаретъ! Просите вашего достойнаго настоятеля, просите всю братію, просите всѣхъ, кто у васъ усерднѣе молится и любитъ молиться, просите молитвъ обо мнѣ. Путь мой труденъ, дѣло мое такого рода, что безъ ежеминутной, безъ ежечасной и безъ явной помощи Божіей не можетъ двинутья мое перо и силы мои не только ничтожны, но ихъ нѣтъ безъ освѣженія Свыше. Говорю Вамъ объ этомъ не ложно. Ради Христа обо мнѣ молитесь. Покажите эту записку мою отцу игумену и умолите его вознести свои мольбы обо мнѣ грѣшномъ, чтобы удостоилъ Богъ меня недостойнаго повѣдать славу Имени Его, не посмотря на это, что я всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій. Онъ силенъ Милосердный сдѣлать все и меня чорнаго какъ уголь убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ.

Ради самаго Христа молитесь! Мнѣ нужно ежеминутно, говорю вамъ, быть мыслями выше житейскаго дрязгу и на всякомъ мѣстѣ своего странствія быть въ Оптиной пустынѣ. Богъ да воздастъ вамъ всѣмъ сторицею за ваше доброе дѣло.

Вашъ всею душою

Никол. Гоголь“.

На оборотѣ письма рукою же Гоголя начертанъ такой адресъ:

„Отцу Филарету Іеромонаху
Въ Оптинной пустынѣ

А внизу письма рукою настоятеля Опт. пуст. о. архимандрита Моисея сдѣлана отмѣтка: „Получено изъ села Долбина отъ помѣщика Ивана Васильевича Кирѣевскаго 21 іюня 1850 года“.—Текстъ означеннаго посланія занимаетъ двѣ страницы почтоваго формата, почеркъ вполнѣ разборчивый и довольно твердый.

Второй автографъ (доселѣ не появлявшійся ни разу въ печати)—напротивъ того—совсѣмъ коротенькое письмо, скорѣй записка, занимающая всего одну страничку пожелтѣвшаго почтоваго листка, почеркъ менѣе разборчивый и твердый, носящій явные слѣды руки усталой и немощной:

„Такъ какъ всякой даръ и лепта вдовы пріемлется, примите и отъ меня небольшое приношеніе по мѣрѣ малыхъ средствъ моихъ (двадцать пять рублей сер.). Употребите ихъ по усмотрѣнію вашему на строительство обители вашей, о которой пріятное воспоминаніе храню всегда въ сердце своемъ.

Очень признателенъ вамъ за ваше дружеское гостепріимство и усердно прошу молитвъ вашихъ о мнѣ грѣшномъ... Неотступно прошу, чувствуя въ нихъ сильную надобность.

Многоблагодарный вамъ
Николай Гоголь.

Покорнѣйше прошу передать, при семъ приложенное, письмецо Достойному Отцу Макарію. Если пожелаетъ онъ узнать мой адресъ,—то вотъ онъ:

„Ник. Васильев. Гоголю въ Москву въ домъ Талызина, на Никитинскомъ бульварѣ“.

Письмо безъ даты, но принимая въ соображеніе болѣзненный характеръ почерка и то, что письмо отправлено изъ дома Талызина въ Москвѣ, т. е. мѣста послѣдняго земного пребыванія Гоголя, есть основаніе полагать, что эти немногія и, если такъ можно выразиться, душевно-поспѣшныя строки, однѣ изъ тѣхъ, кои Гоголь набрасывалъ незадолго до своей смерти. Извѣстно, кромѣ того, когда Гоголь умеръ, у него не осталось въ кошелькѣ ни одной копѣйки, потому что даже то немногое, что оставалось у него, онъ разсовалъ по мелочамъ на бѣдныхъ и церковныя нужды. Послѣ этого станетъ яснымъ, какую трогательную реликвію представляетъ помянутый малоизвѣстный маленькій пожелтѣвшій листокъ—и, разумѣется, мѣсто его не въ пыльномъ шкафикѣ монашеской кельи, (гдѣ я его обрѣлъ) а подъ стекломъ и въ приличномъ окладѣ въ стѣнахъ музея, хотя бы въ стѣнахъ музея калужской ученой архивной коммисіи (Опт. пуст. принадлежитъ къ Калужской епархіи и находится въ 40 верстахъ отъ Калуги).

Нечего говорить, какую огромную цѣнность должно было представлять, приложенное къ нему, „письмецо достойному отцу Макарію“. Но увы письмецо это, по всей видимости, было такъ называемое „исповѣдное“—и, какъ таковое, безжалостно уничтожено...

Въ четвертомъ томѣ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“, В. И. Шенрока, мы находимъ, впрочемъ одно отвѣтное письмо помянутаго о. Макарія Гоголю, освѣщающее до извѣстной степени отношенія, существовавшія между нашимъ знаменитымъ писателемъ и не менѣе знаменитымъ въ то время оптинскимъ старцемъ, сыгравшемъ такую огромную

роль въ жизни и дѣятельности Ивана Кирѣевскаго. Само по себѣ, письмо это ничѣмъ не замѣчательно, но очень любопытно, съ другой стороны, какъ образчикъ сухо-наставительной, смиренно-мудренной монашеской прозы и, въ особенности, какъ рѣзкая противоположность мучительно скорбному тону приведенныхъ писемъ Гоголя, видимо изнемогавшаго въ душевной пыткѣ...

Гораздо большее удовлетвореніе доставляютъ два письма, изъ того же любопытнаго четвертаго тома Шенрока, простого монаха Порфирія, уже извѣстнаго намъ по теплой характеристикѣ Гоголя. И письма эти нисколько ей не противорѣчатъ—въ каждой строкѣ въ нихъ просвѣчиваетъ живая, отзывчивая, мечтательно-восторженная его душа... Взять хоть начало его перваго письма, адресованнаго Гоголю въ Одессу 29 іюня 1850 года: „Любвеобильное письмо ваше получилъ съ удовольствіемъ и признательностью, какъ отъ человѣка, котораго давно привыкъ уважать за талантъ, коимъ славится отечество наше. Природа скупа на такихъ людей, какъ вы, и рождаетъ ихъ вѣками, зато и вѣка помнятъ ихъ! Что значатъ передъ талантомъ знатность и богатство, минутная слава, которая мелькнетъ какъ метеоръ и погрузится въ Лету... Признательное отечество не забудетъ васъ!“... Вы видите, это дѣйствительный другъ Гоголя, который, не стѣсняясь своей иноческой рясы, радостно воздаетъ должную дань писательскому генію, ставя этотъ божественный даръ на первое мѣсто, а не на послѣднее, какъ то дѣлали другіе духовные отцы, опекавшіе Гоголя, до пресловутаго „отца Матвѣя“ включительно.

Къ сожалѣнію, въ свой послѣдній пріѣздъ въ Оптиную пустынь въ концѣ іюля 1851 г., вмѣсто своего друга, еще такъ недавно радовавшаго его своими сердечными письмами,

Гоголь засталъ свѣжій могильный холмъ и разсказъ монастырской братіи о праведной кончинѣ новопреставленнаго раба Божія Порфирія. Такъ, разсказываютъ, „что въ своей предсмертной болѣзни онъ имѣлъ извѣщеніе о близкой кончинѣ и ему трижды являлся во снѣ, скончавшійся за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, послушникъ Николаша (которому при жизни его о. Порфирій оказывалъ особое благорасположеніе), и говорилъ ему, чтобы онъ готовился къ исходу изъ сей жизни. А наканунѣ своей кончины онъ получилъ отъ Троекуровскаго затворника о. Иларіона рубашку, въ которой и скончался черезъ нѣсколько минутъ, по пріобщеніи Св. Тайнъ“.—Можете себѣ представить, сколько горечи добавила эта неожиданная потеря Гоголю, заѣхавшему на этотъ разъ въ Оптиную пустынь совсѣмъ случайно и въ особенно угнетенномъ состояніи духа...

Бѣдный Гоголь! Промаявшись лѣто въ одиночествѣ въ пыльной и душной Москвѣ, онъ захотѣлъ повидать и обрадовать своихъ родныхъ въ Яновщинѣ, гдѣ готовились праздновать свадьбу его сестры; но, видно, ему не суждено было больше взглянуть на дорогое небо Украйны. Подъѣзжая къ Калугѣ, онъ внезапно почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ тоски, которые въ послѣднее время такъ часто на него находили... и свернулъ съ дороги въ Оптиную Пустынь. Пребываніе въ Оптиной совершенно измѣнило его первоначальное намѣреніе — онъ не поѣхалъ домой и снова вернулся въ Москву, гдѣ ожидала его... могила!

Въ какомъ душевномъ и растерянномъ душевномъ состояніи находился Гоголь во время своего краткаго пребыванія въ любимой обители, показываетъ отчасти разсказъ о немъ, передаваемый въ письмѣ Плетнева къ поэту Жуковскому, по поводу смерти Гоголя. „Осенью, отправляясь въ

Малороссію на свадьбу сестры,—сообщаетъ Плетневъ—Гоголь заѣхалъ, дорогою, къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ: въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ. Монахъ, выслушавъ его, присовѣтывалъ ему послѣднее. На другой день Гоголь опять пришелъ къ нему съ новыми объясненіями, послѣ которыхъ монахъ сказалъ, что лучше рѣшиться на первое. На третій день Гоголь явился къ нему снова за совѣтомъ. Тогда монахъ велѣлъ ему взять образъ—и исполнить то, что при этомъ придетъ ему на мысль. Случай благопріятствовалъ Москвѣ. Но Гоголь въ четвертый разъ пришелъ за новымъ совѣтомъ: тогда, вышедъ изъ терпѣнія, монахъ прогналъ его, сказавъ, что надобно остаться при внушеніи, посланномъ отъ Бога".

Любопытно, кто былъ этотъ фатальный монахъ? Всѣ Оптинскіе друзья Гоголя—на перечетъ. Добрый Григоровъ умеръ, начальникъ Предтеченскаго скита о. Антоній былъ переведенъ въ другой монастырь, а о. Макарій, и тогдашній игуменъ обители о. Моисей по самому своему положенію не могли поступить такъ безцеремонно — слѣдовательно, остается предположить, что это былъ, никто иной, какъ тотъ самый отецъ Филаретъ, къ которому адресовано вышеприведенное письмо. Оптинскіе монахи, которыхъ я распрашивалъ по поводу этого письма, почему то относятъ его по адресу совсѣмъ инаго о. Филарета-старца Московскаго Новоспасскаго монастыря извѣстнаго друга и духовника Ивана Васильевича Кирѣевскаго. Но это совершенно невѣрно уже потому, что письмо Гоголя помѣчено 1851 г., а помянутый московскій старецъ Филаретъ скончался въ 1842 г., на рукахъ своего благоговѣйнаго почитателя Ивана Кирѣевскаго.

Наконецъ, мнѣ приходитъ въ голову: не есть ли

этотъ Гоголевскій Филаретъ тотъ самый таинственный монахъ, о которомъ я слышалъ, вскользь, лѣтъ десять тому назадъ, отъ покойнаго оптинскаго старца Отца Амвросія — поистинѣ фатальный монахъ, послѣ бесѣды съ которымъ „о насмѣшкѣ“, Гоголь, по словамъ о. Амвросія, жестоко заболѣлъ въ Оптиной.

Извѣстно, какъ Гоголь любилъ и чтилъ Оптинную пустынь: каждый разъ попадая въ Калугу, онъ непремѣнно заѣзжалъ въ Оптину и всегда возвращался оттуда обновленный духомъ. (Вспомните, напримѣръ, его восторженное письмо графу А. П. Толстому о первомъ посѣщеніи Оптиной пустыни, гдѣ онъ сравниваетъ ее съ Аѳонской горой). Но этотъ послѣдній пріѣздъ, очевидно, былъ для него роковымъ. На вопросъ своего московскаго пріятеля О. М. Бодянскаго—почему онъ такъ скоро вернулся—Гоголь коротко отвѣчалъ:

„—Такъ; мнѣ сдѣлалось какъ-то грустно!“... И больше—ни полслова.

Вообще, вся эта исторія довольно таинственная скрывающая, несмотря на преднамѣренную недоговорность „обѣихъ сторонъ“, лишній разъ, больной и мало тронутый русскій вопросъ о недоразумѣніи между свѣтскимъ писателемъ и церковнымъ пастыремъ—скорбномъ недоразумѣніи, всецѣло основанномъ на давнишнемъ смѣшеніи областей и границъ того и другого призванія... Но это слишкомъ сложный и тонкій вопросъ, чтобы его касаться мимоходомъ и будетъ лучше отложить его для отдѣльнаго изслѣдованія.

А, пока, остается только подивиться, что такой примѣрный христіанинъ и неустанный ревнитель православія каковымъ былъ Гоголь, отъ самой юности до мученической кончины своей включительно, такъ мало до сихъ поръ по-

пуляренъ въ обители, которую столь возлюбилъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, столь прославлялъ. По крайней мѣрѣ, я, лично навѣстивъ дважды Оптиную пустынь и, притомъ, въ разные годы, нигдѣ и ни у кого не нашелъ признака хоть какого-нибудь плохенькаго портрета Гоголя; свѣдѣнія о немъ, которыя я старался раздобыть, были скудныя и сбивчивыя и единственной мѣстной памяткой, свидѣтельствующей о связи Гоголя съ Оптиной, является тоненькая брошюрка, выпущенная года три тому назадъ настоятелемъ Предтеченскаго скита о. Іосифомъ: „Н. В. Гоголь, И. В. Кирѣевскій, Ѳ. М. Достоевскій и К. Леонтьевъ предъ старцами Оптиной пустыни“. Въ брошюркѣ всего шесть страницъ, изъ которыхъ цѣлыя три заняты письмомъ „неизвѣстнаго лица“, предостерегающаго мірянъ отъ чтенія сочиненій Гоголя и осуждающаго въ довольно смутныхъ выраженіяхъ гоголевскую „Переписку съ друзьями“. (А ужъ, что казалось бы, могло быть строго нравственнѣе?).

Прискорбнѣе всего, что этотъ случайный и недалекій взглядъ выдается авторомъ брошюры вообще, какъ „оптинскій взглядъ“ на Гоголя, раздѣляемый даже такимъ свѣточемъ, какъ Оптинскій старецъ о. Макарій. Не мудрено, что Гоголь, въ концѣ-концовъ, крѣпко захворалъ въ Оптиной: отъ такого „старческаго окормленія“ едва ли кому поздоровится!...

Бѣдный Гоголь!...

Да, скудны, унизительно скудны свѣдѣнія о Гоголѣ въ излюбленной имъ пустынѣ. Напримѣръ, въ объемистомъ историческомъ описаніи Оптиной пустыни, ни однимъ звукомъ не упоминается о посѣщеніи Гоголя; а въ многочисленныхъ письмахъ Оптинскаго старца о. Макарія, къ которому Гоголь питалъ, какъ извѣстно, особенное почтеніе, упоминается объ этомъ вскользь, всего въ двухъ строкахъ...

Впрочемъ, порывшись, наканунѣ моего отъѣзда изъ Оптиной, въ сборникѣ писемъ и замѣтокъ, пріемника о. Макарія, Оптинскаго старца о. Амвросія, я натолкнулся на очень любопытный разсказъ старца, записанный имъ со словъ о. Порфирія Григорова о посѣщеніи Гоголемъ, въ одно изъ его странствій по Средиземному морю, города Тримифунта, что на островѣ Кипрѣ, гдѣ хранятся, какъ извѣстно, „цѣлокупныя“ мощи св. Спиридона, епископа Тримифунтскаго, многопрославленныя мощи, сохранившія въ продолженіе пятнадцати вѣковъ, нетлѣнность и даже мягкость. Гоголь не только самолично видѣлъ эти мощи, но, вдобавокъ оказался случайнымъ свидѣтелемъ необыкновеннаго отъ нихъ чуда. При немъ мощи обносились около города,— какъ это ежегодно совершается 12 декабря— съ большимъ торжествомъ; всѣ бывшіе тутъ прикладывались къ мощамъ, а одинъ англійскій путешественникъ не хотѣлъ оказать имъ должнаго почтенія, говоря, что спина угодника будто бы была прорѣзана и тѣло набальзамировано: потомъ, однако, рѣшился подойти,— и мощи сами обратились къ нему спиною. Англичанинъ въ ужасѣ палъ на землю предъ святыней. Гоголь, бывшій въ толпѣ зрителей, по словамъ отца Порфирія, былъ сильно потрясенъ этимъ случаемъ.

Разсказъ, какъ видите, очень цѣнный для характеристики душевнаго состоянія Гоголя и—кто знаетъ — можетъ быть, этотъ маловѣдомый далекій градъ Тримифунтъ, сыгралъ въ жизни многострадальнаго автора „Мертвыхъ душъ“ далеко не послѣднюю роль... Въ подлинности же разсказа нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться.— О. Порфирій былъ на-рѣдкость свѣтлая и правдивая личность, притомъ, ближайшій другъ Гоголя, и въ его смиренной монашеской кельѣ, вдали отъ мірской суеты, Гоголь изливалъ безъ всякаго стѣсненія свою изстрадавшуюся душу...

Прощаясь съ Оптиной пустынью, я навѣстилъ еще разъ эту забытую монашескую могилу и невольно подумалъ: — будь еще живъ о. Порфирій, или будь сохранены его записки, — о, онъ, конечно, помогъ бы намъ раскрыть сокровенную тайну душевнаго недуга, подкосившаго жизнь его знаменитаго друга!

Гор. Калуга, Августа, 1900 г.

VI.

Юморъ и христіанство.

(Изъ записной книжки).

Въ одномъ изъ писемъ Чарльза Диккенса, отправленномъ имъ за два года до смерти своему сыну, уѣзжавшему въ Австралію, имѣются такія знаменательныя строки:

„...Между книгами, которыя я для тебя выбиралъ, я положилъ *Евангеліе*, побуждаемый тѣмъ же духомъ, который заставилъ меня сдѣлать для тебя сокращеніе изъ него, когда ты былъ маленькимъ ребенкомъ. Знай, другъ мой, что эта совершеннѣйшая изъ всѣхъ книгъ, какія когда либо существовали и будутъ существовать! Она преподастъ тебѣ лучшіе уроки, какими человѣкъ, желающій попытаться быть искреннимъ и вѣрнымъ въ исполненіи своего долга, можетъ быть руководимъ. Каждый разъ какъ кто-нибудь изъ твоихъ братьевъ уѣзжалъ, вступая въ жизнь, я напутствовалъ его подобными-же словами, я умолялъ его руководствоваться этой книгой, не обращая вниманія на людскія толкованія и измышленія. Ты вспомнишь, что въ отцовскомъ домѣ васъ никогда не принуждали къ исполненію религіозныхъ обрядовъ, къ соблюденію простой формальности. Я всегда заботился о томъ, чтобы не утомлять ума дѣтей моихъ вещами,

значеніе которыхъ они еще не въ состояніи понимать. И потому ты поймешь, почему въ настоящую минуту я желалъ бы, чтобы ты раздѣлялъ мои убѣжденія относительно истины и красоты христіанской религіи. Она исходитъ отъ Самого Христа и, если ты будешь слѣдовать ей съ простотой сердца, искренно и смиренно — ты всегда избѣжишь дурныхъ путей. Еще одно слово поэтому поводу: не покидай никогда своего обыкновенія молиться днемъ и вечеромъ; я самъ не покидалъ его никогда, и знаю, какое утѣшеніе я черпалъ въ этомъ!!“

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не знаменательны такія строки отъ лица величайшаго изъ юмористовъ, находившагося какъ разъ въ то время на вершинѣ всесвѣтной славы, считавшаго въ первыхъ рядахъ своихъ поклонниковъ коронованныхъ особъ??.

Евангеліе и рядомъ на столѣ... „Записки Пикквикскаго клуба“, „Житіе Ефрема и Сирина“ и около... томъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя — казалось бы съ перваго взгляда, какое кощунственное сосѣдство?!. Но это только такъ кажется именно съ перваго взгляда для лицъ, мало углублявшихся въ судьбы новѣйшаго искусства вообще и, въ частности, въ сущность „юмора“. Изъ нашихъ духовныхъ лицъ этой непреложной связи искусства и христіанства чуть ли не впервые коснулся архіепископъ Никаноръ (Херсонскій и Одесскій) въ своей извѣстной рѣчи при освященіи зданія Одесскаго Общества Искусствъ. „Съ паденіемъ вѣры падаетъ искусство!“ печалуется Преосвященный. — „И никакими усовершенствованіями не оживить формы, разъ изсякъ самый источникъ божественнаго духа!!.“

Еще тѣснѣе связанъ съ христіанскимъ началомъ родникъ истиннаго юмора — этого драгоцѣннѣйшаго изъ утѣше-

ній человѣческихъ! Что такое, по существу своему, юмористъ? Это человѣкъ, который все переварилъ и все простилъ, поднялся на ту высшую ступень человѣческаго духа, откуда какъ чужія, такъ и собственныя страсти и слабости представляются мелкими и ничтожными *до смѣшного*.—„Все пустяки въ сравненіи съ вѣчностью!“—вотъ девизъ кровнаго юмориста; явно или потаенно, но въ основѣ его философіи несомнѣнно заложено сознаніе суетности всего земного.

Несомнѣнно и то, что юморъ въ его чистомъ видѣ—прямой отпрыскъ христіанства и даже берусь утверждать, рискуя навлечь на себя обвиненіе въ ереси: *не будь христіанства—не было бы и юмора*, т. е. не явись столь высоко постановленнаго человѣчеству идеала, никогда не отпечатлѣлись бы такъ ярко въ сознаніи безчисленнѣйшія отъ него отступленія... не было бы также и тоски по идеалу... Вотъ почему величайшая грусть—удѣлъ величайшихъ и, кстати сказать, немногихъ, истинныхъ юмористовъ; вотъ почему всѣ истинные юмористы были всегда глубоко религіозными людьми, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ это чувство ревниво скрыто или наружно мало подчеркнуто (напримѣръ, у Чехова).

Занимаясь изслѣдованіями репертуара „народнаго театра“ и перечитывая, между прочимъ, испанскихъ драматурговъ, я невольнымъ образомъ остановился на описаніи кончины знаменитѣйшаго изъ нихъ—Лопе де Вега, написавшаго въ продолженіи своей жизни до 2,000 пьесъ, при чемъ главнѣйшія изъ нихъ озарены, какъ молніей, огнемъ заразительнаго юмора—равно безпечальныя комедіи, вродѣ „Собаки Садовника“, или глубоко волнующія трагедіи, вродѣ „Овечьяго Источника“.

Привожу со словъ біографа описаніе послѣднихъ дней

драматурга: „Въ пятницу 18 августа 1635 г. (наканунѣ онъ только сочинилъ сонетъ на смерть одного португальскаго вельможи) онъ всталъ по обыкновенію рано утромъ, присутствовалъ за обѣдней, полилъ цвѣты въ своемъ саду и, хотя чувствовалъ себя нездоровымъ, не пожелалъ нарушить обычнаго порядка и подкрѣпилъ себя постной пищей; а вечеромъ отправился на засѣданіе Шотландской Коллегіи, гдѣ происходила защита медицинско-философской диссертаціи. Тамъ онъ почувствовалъ себя худо и его снесли домой на рукахъ. Приняты были всѣ мѣры, чтобы ему помочь, но всѣ онѣ оказались безполезными. Въ воскресенье вечеромъ, 20 августа, послѣ бесѣды съ королевскимъ врачемъ, который также былъ и его другъ, Лоппе де Вега выразилъ желаніе причаститься. По окончаніи печальной церемоніи, онъ послалъ за своей дочерью и благословилъ ее. Затѣмъ онъ простился съ своими друзьями и увѣщевалъ ихъ жить въ мирѣ, любить другъ друга и помогать своему ближнему... „Истинная слава заключается въ добродѣтели“, заключилъ онъ:—„и я бы охотно уступилъ расточавшіеся мнѣ при жизни аплодисменты, если бы могъ сдѣлать лишнее доброе дѣло!“ Потомъ, обратившись къ образу Аѳонской Богоматери, къ которой онъ питалъ особое благоговѣніе, онъ просилъ Святую Дѣву быть его заступницей передъ Престоломъ Всевышняго. Отъ волненія онъ почувствовалъ себя очень слабымъ, и его оставили. Ночь была проведена очень безпокойно. На другой день, въ понедѣльникъ, несмотря на полное сознаніе, онъ могъ едва говорить и его друзья поняли, что его роковая минута приблизилась. Онъ стоялъ на колѣняхъ въ своей комнатѣ, молился и плакалъ. Около него былъ монахъ, который читалъ ему Евангеліе. Съ глазами, поднятыми къ небу, прижимая къ своимъ губамъ свя-

тое распятіе, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ слушалъ онъ божественныя строки... Затѣмъ вдругъ слабымъ голосомъ прошепталъ онъ имена „Іисуса“ и „Маріи“... и съ этими послѣдними словами душа его покинула тѣло“...

Право же, если бы въ этой послѣдней трогательной страничкѣ не было помянуто имя „Лопе де Вега“, можно было подумать, что читаешь описаніе кончины какого нибудь Божьяго угодника.

Впрочемъ, намъ ли, русскимъ, идти далеко за примѣромъ?

А Гоголь... этотъ „самый христіанскій изъ всѣхъ писателей“, по опредѣленію С. Т. Аксакова!

Еще двадцатилѣтнимъ юношей онъ сочиняетъ нѣчто вродѣ молитвеннаго возванія къ своему „Генію Хранителю“, испрашивая благословенія на свои будущіе труды—и затѣмъ всюду, на всѣхъ путяхъ своей тернистой писательской жизни, его сопровождаетъ святая молитва, какъ лучшая помощница и вдохновительница... Это истинный *подвижникъ слова* и его благоговѣйное отношеніе къ искусству внѣ всякихъ сравненій. Изъ живописцевъ мы знаемъ только одного, котораго въ этомъ смыслѣ можно поставить рядомъ съ Гоголемъ,— Владиміръ Лукичъ Боровиковскій, тоже малороссъ по происхожденію. По словамъ его племянника, „приступая къ какой нибудь важной или серьезной работѣ, Владиміръ Лукичъ прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ холстъ или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе Святого, котораго предположилъ изобразить и, остановясь на какомъ нибудь мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывалъ рисунокъ и затѣмъ давалъ своей идеѣ дальнѣйшее осуществленіе“...

Тотъ же Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ, потрясенный извѣстіемъ о смерти Гоголя, пишетъ своимъ сыновьямъ: „Я признаю Гоголя *святымъ*, не опредѣляя значенія этого слова. Это истинный мученикъ высокой мысли, мученикъ нашего времени и, въ то же время мученикъ христіанства.“

О, еще бы не мученикъ!..

Тяжелое впечатлѣніе производитъ картина „Больной Некрасовъ“ въ прочувствованномъ исполненіи Крамского; но впечатлѣніе получилось бы прямо потрясающее, если бы рукою мастера запечатлѣть зрѣлище умирающаго Гоголя — несчастнаго Гоголя, изможденнаго постомъ и молитвеннымъ бдѣніемъ, съ четками въ рукахъ, съ устремленнымъ потухающимъ взглядомъ на висящій передъ нимъ образъ Богоматери... Тутъ не только горе смерти геніальнаго писателя, какъ смерть Диккенса или Лопе де Вега, но въ одномъ человѣкѣ цѣлая драма русской жизни, огромный и до чрезвычайности сложный узелъ сплетеній общественныхъ и религіозныхъ, политическихъ и психологическихъ, загадочный узелъ, распутываніемъ котораго былъ озадаченъ С. Т. Аксаковъ и концы котораго въ наши дни перебираетъ Василій Васильевичъ Розановъ. Вопросъ, разумѣется, слишкомъ большой важности, чтобы касаться его поверхностно—и, пока что, не отвлекаясь отъ нашей частной темы, останавливаюсь именно на элементѣ юмора, „разрушительное начало“ котораго слишкомъ мало принято во вниманіе, на нашъ взглядъ, при разгадкѣ безвременной кончины Гоголя.

Если это *разрушительное начало* коснулось лишь отчасти англійскаго юмориста и прошло мимо испанскаго драматурга, то это, во первыхъ, потому, что за ними обоими было сознаніе „осуществленія своей общественной стои-

мости“ (мѣткое слово Овсяниково-Куликовскаго въ юбилейной рѣчи о Гоголѣ) коего быть не могло у бѣднаго Гоголя, буквально задохнувшагося въ ужасѣ своего одиночества; а если надъ головой Диккенса и Лопе де Вега и скоплялись по временамъ мрачныя тучи сомнѣнія, то окружавшая ихъ при жизни огромная и, такъ сказать, живая на ощупь народная любовь, служила въ такія минуты спасительнымъ громоотводомъ.

И потомъ, во вторыхъ, и это главное: ни въ комъ, какъ именно и исключительно въ Гоголѣ этотъ чудотворный даръ юмора не достигалъ такой духовной высоты и остроты, такого, если такъ можно выразиться, ослѣпительнаго преломленія сквозь призму христіанства!..

„И при смѣхѣ *иногда* болитъ сердце и концомъ радости бываетъ печаль“ (Книга Притчей Соломоновыхъ, XIV—13).

Это „иногда“ не даромъ выдѣлено отдѣльнымъ шрифтомъ: какое великое надо имѣть сердце, чтобы „сквозь видимый міру смѣхъ“ хранить про себя великую печаль о его скверне! Жалкій скудельный сосудъ человѣческій,—ему ли выдержать долговременно скопившуюся мировую скорбь!!

Гете, находившій, что „сонъ жизни прекраснѣе всѣхъ снился древнимъ грекамъ“, роняетъ далѣе, какъ бы въ дополненіе своей мысли, удивительно проникновенное замѣчаніе: *Было счастливое время, не знавшее юмора* т. е. счастливое время, не знавшее пытки сомнѣнія и тоски по идеалу, наивно слившее свое міровозрѣніе о красотѣ и совершенствѣ въ единомъ культѣ Венеры и Адониса... И вдругъ, по срединѣ безпредѣльнаго житейскаго моря, неожиданно вырастаетъ колоссальнѣйшій маякъ и въ безпросвѣтной ночи разбрасываются снопы ослѣпительнаго свѣта—*свѣта Евангельскаго*. Но свѣтъ былъ слишкомъ ослѣпителенъ

и понадобился совсѣмъ особый чудодѣйственный рефлекторъ, который смогъ-бы отразить совсѣмъ новыя очертанія фигуръ и дѣлъ человѣческихъ, получившіяся вслѣдствіе образовавшейся *свѣтотьни*; и, вдобавокъ, такой рефлекторъ, который бы не пугалъ глазъ своей рѣзкостью и, въ то же время, приближалъ бы свѣтовые лучи—словомъ, путемъ таинственнаго неисповѣдимаго духовнаго процесса получился... волшебный свѣтъ юмора!..

Юморъ — это своего рода бальзамъ, прикладываемый великодушнымъ человѣкомъ къ язвамъ сердца", опредѣляетъ Томасъ Карлейль. А юмористъ... что такое юмористъ, т. е. въ Гоголевскомъ смыслѣ, въ примѣненіи къ нашему русско-православному складу? Всего вѣрнѣе въ этомъ смыслѣ опредѣлить его какъ „юродиваго Христа ради" — недаромъ же Владиміръ Соловьевъ считалъ нашихъ православныхъ юродивыхъ чѣмъ-то вродѣ „иррегулярныхъ монаховъ" („Три разговора").

„Иррегулярный монахъ" — вотъ самое подходящее, хотя и непривычное для уха слово, для поясненія нашей мысли, вообще, и для характеристики миссіи Гоголя, въ частности. Въ самыхъ причтахъ Христовыхъ уже заключены сѣмена будущей отрицательной литературы и какъ бы слышится напутственное слово художественному иносказательному пріему...

Если даже обвинять Гоголя, снявшаго довременно свою „смѣющуюся личину Христа ради", то отнюдь не въ гордости, а скорѣе въ смѣшеніи двухъ призваній... Призваннымъ служить смиренно у подножія алтаря надлежитъ оставаться у его подножія и не пытаться входить въ самый алтарь или проповѣдывать съ амвона... какъ равно служителямъ алтаря не подобаетъ смѣшиваться съ будничной жизнью толпы, съ ея скоропреходящими, суетными цѣлями—иначе,

во имя простой логики вещей, первымъ пришлось бы надѣть рясу, а вторымъ совлечь ее съ своихъ плечъ. Солнце христіанства питаетъ и обогрѣваетъ подвижниковъ слова, но оно не можетъ и затемнить ихъ взоръ, если они станутъ смотрѣть прямо противъ солнца.

„Нельзя исповѣдывать двѣ религіи безнаказанно“! — замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ по поводу смерти Гоголя: — „Христіанство сейчасъ задастъ такую задачу художеству, которую оно выполнить не сможетъ и сосудъ лопнетъ“... Какъ видите, Аксаковъ подходитъ довольно близко къ разрѣшенію задачи, но все же стоитъ около истины.

Что до г. Мережковскаго, то онъ черезъ-чуръ мало останавливается на вліяніи окружавшей Гоголя удушливой общественной атмосферы, и почти совсѣмъ не останавливается на сложной психологіи юмора, обрушиваясь исключительно въ лицѣ отца Матвѣя на русское духовенство: „Одни говорятъ: нельзя быть живымъ, не отрекшись отъ Христа. Другіе: нельзя быть христіаниномъ, не отрекшись отъ жизни. Или жизнь безъ Христа, или христіанство безъ жизни. Мы не можемъ принять ни того, ни другого. Мы хотимъ, чтобы жизнь была во Христѣ и Христосъ въ жизни. Какъ это сдѣлать? Гоголю на вопросъ этотъ Церковь ничего не отвѣтила. Можетъ быть тогда еще не исполнились времена и сроки. Но теперь они исполняются“. („Гоголь и чортъ“).

И уже совсѣмъ близко къ разгадкѣ подходитъ В. В. Розановъ въ своихъ двухъ замѣчательныхъ статьяхъ „Государство и Церковь во взаимной автономіи“ (Нов. Вр. № 10453) и другой по поводу книги Чемберлэна „Явленіе Христа“ (Нов. Вр. № 10496). Обвиненіе, предъявляемое имъ нашей церкви болѣе, тяжкое: онъ прямо винитъ наше духовенство, что оно преподноситъ намъ Евангельскіе завѣты

не въ чистомъ видѣ, и что распространеніе христіанства идетъ по ложному руслу, съ осадками суровыхъ ветхозавѣтныхъ вѣяній и византійской схоластики: „Умирая, Византія нашептала дѣтскому народу, принятому ею въ „крестильную рубашечку“, всѣ свои предсмертные стоны, всю патологію, всю органическую ненависть умирающаго къ жизни, къ цвѣту, къ обилію и напору силъ. Гробъ, монашество, „отреченіе отъ міра“—вотъ съ чѣмъ она слила христіанство. И отъ Грознаго до Петра, и сейчасъ до послѣдняго журналиста, всѣ одинаково чувствуютъ эту роковую истину...

— „Ну, если, въ самомъ дѣлѣ, таково дѣло, если религія есть точно гробъ, смерть и отреченіе—то государству не сдобровать, да и народу не сдобровать же; обществу, наукѣ искусству—всему не сдобровать“!!.

Вотъ онъ—искомый потаенный ключъ, съ которымъ можно, наконецъ, болѣе смѣло и надежно проникнуть въ великую тайну Гоголевской смерти. Въ постановкѣ В. В. Розанова вопросъ уже выростаетъ изъ нашего личнаго, національнаго, прямо въ міровой!..

И если, „только теперь исполняются сроки“ для разрѣшенія загадки, то удивляться ли, что современники Гоголя отнеслись къ великому писателю съ недоумѣніемъ и затѣмъ обвиненіемъ, граничащимъ съ жестокостью! Какъ же они поступили? Очень просто—поступили такъ, какъ у насъ зачастую поступаютъ, когда не могутъ чего понять: они объявили его сумасшедшимъ. Съ Гоголемъ произошло почти то-же, что съ Чацкимъ на балу у Фамусова. Припомните сцену третьяго дѣйствія въ „Горѣ отъ ума“ между гг. N и D.

Г. N. Ты слышалъ?

Г. D. Что?

Г. N. Объ Чацкомъ!

Г. D. Что такое?

Г. N. Съ ума сошелъ.

Г. D. Пустое.

Г. N. Не я сказалъ, другіе говорятъ...

Также и тутъ — съ легкой руки господъ N. и D. басня пошла гулять по Москвѣ, а затѣмъ по всей Россіи; а послѣ смерти Гоголя съ оскорбительной настойчивостью втерлась въ критику его сочиненій, а также въ его біографіи и, такъ сказать, всосалась въ исторію русской литературы...

Съ маленькимъ измѣненіемъ можно было бы заключить здѣсь словами Чацкаго:

„Безумнымъ вы *его* прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ!..“

Генрихъ Гейне очень ядовито замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Восточные народы умнѣе насъ: они почитаютъ сумасшедшихъ какъ пророковъ, тогда какъ мы считаемъ нашихъ пророковъ сумасшедшими“...

Бѣдный Гоголь! Бѣдный неразгаданный подвижникъ замученнаго русскаго слова!!

VII.

Гоголь и о. Матвѣй Константиновскій.

Въ Оптиной пустыни я слышалъ такой разсказъ о первой встрѣчѣ, въ одномъ московскомъ домѣ, Гоголя съ пресловутымъ ржевскимъ протоіереемъ о. Матвѣемъ Константиновскимъ. Гоголя представляютъ отцу Матвѣю. Отецъ Матвѣй строго и вопросительно оглядываетъ Гоголя:

— Вы какого будете вѣроисповѣданія?

Гоголь недоумѣваетъ.

— Разумѣется, православнаго!

— А вы не лютеранинъ?

— Нѣтъ, не лютеранинъ...

— И не католикъ?

Гоголь окончательно былъ озадаченъ:

— Да нѣтъ же, я православный... Я—Гоголь!..

— А по-моему, выходитъ—вы просто... свинья!!—безцеремонно отрѣзалъ отецъ Матвѣй.—Какой же, сударь, вы православный, когда не ищете благодати Божьей и не подходите подъ пастырское благословенье?..

Гоголь смутился, растерялся и затѣмъ, во все время бесѣды отца Матвѣя съ другими гостями, сосредоточенно молчалъ. Очевидно было, рѣзкое слово ржевскаго протоіерея произвело на него неотразимое впечатлѣніе. Да и не

на него одного только. Профессоръ Московскаго университета Шевыревъ, присутствовавшій при этой сценѣ, по уходѣ отца Матвѣя, громко воскликнулъ: „Вотъ такъ гремѣли въ древности Златоусты!...“

Въ этомъ краткомъ, но характерномъ разсказѣ, счастливо уцѣлѣвшемъ въ преданіяхъ оптинскихъ иноковъ, сразу, такъ сказать, вылился весь отецъ Матвѣй, съ его властнымъ тономъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сразу фатально опредѣлились взаимныя отношенія между геніальнымъ, но хворымъ, безвольнымъ писателемъ и ограниченнымъ, но обладавшимъ несокрушимо твердой волей ржевскимъ пастыремъ. Если даже принять помянутое безцеремонное слово отца Матвѣя, какъ своего рода тяжеловѣсную остроту (Гоголь—названіе также извѣстной породы утокъ), дѣло отъ этого нисколько не мѣняется... „Я—Гоголь!“, т. е. я извѣстный писатель, подчеркиваетъ втайнѣ оскорбленный Гоголь... А отецъ Матвѣй и своимъ словомъ и своимъ тономъ подчеркиваетъ, что это ему совершенно безразлично и выдвигаетъ на первый планъ авторитетно подавляющую власть своего священническаго сана. Возникаетъ такимъ образомъ какъ бы несогласное принципіальное единоборство писательскаго подвижничества съ одной стороны и іерейской строптивости съ другой... Увы, у одра больного нищенствующаго писателя взяла верхъ власть духовно-инквизиторская, т. е. превозмогли отецъ Матвѣй и графъ А. П. Толстой (бывшій оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода), въ домѣ коего, какъ извѣстно, скончался Гоголь.

Что же такое былъ о Матвѣй—этотъ несомнѣнно ограниченный, но несомнѣнно сильный человѣкъ, имѣвшій такое огромное вліяніе на свою ржевскую паству, столь высоко чествуемый въ богомольныхъ домахъ Москвы и Петербурга

и сыгравшій какую губительную роль въ судьбѣ автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“?.. Прежде всего, это былъ человѣкъ, который стоялъ не на своемъ мѣстѣ — иначе говоря, настоящее его мѣсто было отнюдь не на амвонѣ городского храма, а въ строгомъ монастырскомъ скиту, куда — какъ очевидно изъ его біографіи—онъ неудержимо стремился съ самыхъ юныхъ лѣтъ... На эту черту юности о. Матвѣя не обращено почему-то достаточнаго вниманія, а между тѣмъ именно она дала совсѣмъ особую окраску всей его послѣдующей дѣятельности. Въ бытность свою въ тверской семинаріи о Матвѣй, какъ свидѣтельствуетъ его біографъ М. Грѣшищевъ, избралъ въ рощѣ Желтикова монастыря, на берегу рѣки Тьмаки, глухое мѣсто, куда часто уединялся для молитвы и для оплакиванія своихъ грѣховъ. Но какъ разъ умираетъ его отецъ, мать о. Матвѣя остается въ бѣдности съ двумя малолѣтками на рукахъ и скрѣпя, сердце онъ вынужденъ распроститься съ завѣтной мечтой о спасеніи въ монастырскомъ скиту и превратиться въ сельскаго діакона. Казалось бы, въ суетѣ труженической крестьянской жизни, зачатки аскетизма и фанатизма, питавшіе его юность, должны были заглохнуть... Ничуть не бывало: въ борьбѣ съ препятствіями, они лишь переправились въ другую форму и какъ бы закалились въ своей затаенной непримиримости... Здѣсь именно слѣдуетъ искать причину его столь стремительнаго и тягостнаго давленія не на одного только Гоголя.. Если вы внимательно прослѣдите помянутую біографію, составленную Грѣшищевымъ и представляющую сплошной панегирикъ о. Матвѣя—вы увидите, какъ эта неукротимая фанатически-аскетическая струя просачивается почти всюду въ жизни и дѣятельности означеннаго пастыря.

Признаюсь, я не могъ читать безъ горькой улыбки уми-

лительныхъ восхваленій біографа проповѣднической дѣятельности о. Матвѣя въ селѣ Эськѣ. По свидѣтельству біографа, за три года пастырства о. Матвѣя, шумное и веселое село нельзя было узнать: мірскія пѣсни и игры въ селѣ почти прекратились и, въ большинствѣ домовъ, ихъ замѣнили духовные каноны и душеспасительныя бесѣды; даже малыя дѣти въ своихъ дѣтскихъ сборищахъ стали распѣвать исключительно тропари и кондаки... Для чего же, спрашивается, существуетъ послѣ этого въ мірѣ божьемъ... радостное дыханіе весны, любовь, звонкій дѣтскій смѣхъ и раздольная русская пѣсня?!...

Но надо отдать справедливость послѣдовательности о. Матвѣя—насколько требователенъ онъ былъ къ своей паствѣ, настолько же требователенъ къ своей семьѣ и неумолимо строгъ по отношенію къ самому себѣ... Послѣднія десять лѣтъ онъ былъ, какъ извѣстно, штатнымъ протоіереемъ ржевскаго Успенскаго собора и за все это время не только не пропустилъ ни одной церковной службы, но также требовалъ акуратнаго присутствія на богослуженіи отъ своихъ домашнихъ (при этомъ никакихъ опущеній или сокращеній въ службѣ не допускалъ и малѣйшую поспѣшность въ чтеніи строго изгонялъ), равно никому изъ семейства не позволялось до обѣдни пить и ѣсть, нарядно одѣваться и, вообще, обычнымъ мірскимъ способомъ развлекаться. Въ долгіе осенніе и зимніе вечера, когда вся семья его сидѣла за работой, онъ читалъ вслухъ Библію или Четіи-Минеи и всѣ должны были смиренно слушать или пѣть совмѣстно священные псалмы. Самъ, онъ живя въ бойкомъ торговомъ городѣ, жилъ въ міру какъ въ скиту: мяса не вкушалъ, вина и никакихъ напитковъ никогда не пилъ, лишнія деньги раздавалъ бѣднымъ и съ трехъ часовъ пополуночи былъ уже на молитвѣ. Вѣра его дѣйстви-

тельно была несокрушима, а самообладаніе духа въ тяжкія минуты жизни подчасъ прямо удивительно... Однажды осенью когда о. Матвѣй съ семьей и прислугой находился въ соборномъ храмѣ у всенощной, загорѣлся его домъ. Явившись на мѣсто пожарища, о. Матвѣй озабоченъ былъ однимъ, чтобы были спасены иконы, а затѣмъ, когда отъ его дома, со всѣмъ имуществомъ и цѣнной библіотекой, осталась груда пепла и кирпичей, громко возславилъ Бога, и какъ ни въ чемъ не бывало, отправился съ семьей въ первый попавшійся купеческій домъ, гдѣ ему предложили ночлегъ.

Почтенный оптинскій инокъ (о. Э. В—й), котораго мнѣ посчастливилось обрѣсти въ пустыни и который въ юности своей былъ письмоводителемъ у о. Матвѣя по раскольничьимъ дѣламъ, повѣдалъ мнѣ не мало любопытнаго объ этой оригинальной личности. Два-три разсказа изъ устъ современника о. Матвѣя дорисовали мнѣ фигуру послѣдняго лишнимъ яркимъ штрихомъ... Несокрушимость его вѣры являла иногда примѣры поистинѣ невѣроятные. — Какъ-то лѣтомъ отправился онъ по дѣламъ въ гор. Торжокъ и дорогой жестоко заболѣлъ, чуть ли не холериной. Въ это время въ гор. Торжкѣ происходилъ ремонтъ соборнаго храма и неожиданно была открыта подъ алтаремъ могила преподобной Іуліаніи. Богомольные люди поспѣшно бросились къ завѣтному мѣсту и повычерпали какъ цѣлительное средство всю воду, наполнявшую могилу. Когда, не взирая на свою болѣзнь, на мѣсто прибылъ о. Матвѣй, на днѣ могилы оставались лишь комья липкой и вонючей грязи. Недолго думая о. Матвѣй опустился на самое дно, собралъ благоговѣйно эти остатки, съѣлъ ихъ... и совершенно выздоровѣлъ. — И такой случай религіознаго экстаза въ жизни о. Матвѣя — не единственны!

Когда по одному доносу (о томъ, будто онъ смущалъ

народъ своими проповѣдями) его вызывали къ тверскому архіерею и тотъ сталъ кричать на него, грозя упрятать его въ острогъ, о. Матвѣй отрицательно закачалъ головой:

— „Не вѣрю, ваше преосвященство!“

— Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать? — загремѣлъ владыко —

„Да не вѣрю, ваше преосвященство, потому что это слишкомъ большое счастье... пострадать за Христа! Я не достоинъ такой высокой чести“!..

Эти слова такъ озадачили владыку, что онъ съ тѣхъ поръ оставилъ о. Матвѣя въ покоѣ.

Впрочемъ, вскорѣ о. Матвѣю дѣйствительно пришлось пострадать и притомъ далеко не на шутку. Какъ извѣстно, добрую половину жизни о. Матвѣй провелъ въ борьбѣ съ ржевскими раскольниками — и вотъ однажды въ раскольничемъ скиту онъ обрѣлъ невѣдомо чью мертвую главу, по нѣкоторымъ слухамъ принадлежавшую преподобному Саввѣ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы религіозный экстазъ неудержимо охватилъ протоіерея Константиновскаго. Безъ всякихъ дальнѣйшихъ освѣдомленій, безъ спроса архіерея и подлежащаго начальства, онъ взялъ эту главу—и съ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и иконами, при пѣніи и колокольномъ звонѣ, торжественно перенесъ въ ржевскій соборъ для поклоненія. Эта самовольная канонизація не прошла ему даромъ, и дѣло дошло до Святѣйшаго Синода и московскаго митрополита Филарета. Въ виду полной загадочности главы, она отправлена была на храненіе въ Тверской каѳедральный соборъ, а на главу о. Матвѣя обрушились всѣ невзгоды судебной волокиты, особенно тягостно отразившейся на женѣ о. Матвѣя, которая по свидѣтельству біографа Ѳ. М., отъ сильной скорби впала въ чахотку и быстро угасла.

Въ числѣ добрыхъ заступниковъ о. Матвѣя, впутанныхъ въ это дѣло, находился также, нынѣ покойный, Тертій Ивановичъ Филипповъ, который ѣздилъ даже по этому поводу къ московскому святителю. Изъ любопытнаго письма Т. И., обрѣтеннаго мною въ Оптиной пустыни (у вышеупомянутаго почтеннаго инока), явствуетъ между прочимъ, что вся эта исторія сановному заступнику была не особенно по душѣ... Позволяю себѣ выписать, съ разрѣшенія владѣльца письма, заключительныя его строки, особенно цѣнныя, какъ безпристрастная характеристика о. Матвѣя лицомъ, близко его знавшимъ: „Дѣло о ржевской главѣ очень затруднительно... Показанія о. Матвѣя въ этомъ дѣлѣ для меня не имѣютъ цѣны; какъ вамъ извѣстно, онъ ни на минуту не выступалъ изъ области чудеснаго и явленіямъ самымъ обыкновеннымъ любилъ придавать чрезвычайный смыслъ. Я испыталъ самъ на своей душѣ вредное вліяніе этой черты его ума; суевѣріе въ которое онъ впадалъ, прилипло и къ моему уму и мнѣ нужны были усилія, чтобы освободить свою душу отъ этого порабощенія. И тутъ было не безопасностей, ибо всякій переворотъ какъ въ государствѣ, такъ и въ человѣческой душѣ, совершается всегда съ сильнымъ броженіемъ, всегда близкимъ къ бѣдѣ. Вотъ почему я не могу принять никакого участія въ возбужденіи дѣла, которое нынѣ забыто и которое нуждается въ новыхъ явленіяхъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе церковной власти... Вашъ Т. Филипповъ“.

Вы видите изъ этого небольшого интимнаго отрывка, что даже такой здоровый организмъ, какъ Т. И. Филипповъ, подвергся одно время опасности гипноза со стороны о. Матвѣя; что же должно было испытывать послѣ этого хилое существо Гоголя, изможденное вдобавокъ душевными и матеріальными терзаніями, при одномъ появленіи на порогѣ этого ржевскаго Савонароллы!..

А между тѣмъ, по свидѣтельству того же Т. И. Филиппова, наружность этого ржевскаго Савонароллы не представляла ровно ничего внушительнаго. Не будь рясы и наперснаго креста, его легко можно было бы смѣшать съ любымъ мужикомъ изъ того самаго села Эськи, въ которомъ онъ нѣкогда жилъ и проповѣдывалъ: приземистый, сутуловатый, съ сѣрыми тусклыми глазами, съ жидкими волосами и широкимъ плоскимъ носомъ, онъ производилъ съ перваго взгляда самое ничтожное впечатлѣніе. Но что значитъ сила воли, смѣлость рѣчи и—да простятъ мнѣ поклонники о. Матвѣя рѣзкое слово—извѣстная доля безцеремонности!.. Особенно это много значитъ и всегда значило въ нашемъ шаткомъ, безпринципномъ и малокультурномъ обществѣ, падкомъ, какъ муха на медъ, на всякое самовластное слово, всякую невиданную диковину...

Теперь добавьте ко всему вышесказанному объ о. Матвѣѣ, что этотъ человѣкъ обладалъ несомнѣннымъ даромъ краснорѣчія — краснорѣчія мужицки-грубоватаго, но властнаго и образнаго, и для васъ станутъ, полагаю, достаточно ясными и своеобразность его фигуры, и значительность его вліянія.

Т. И. Филипповъ особенно плѣняется народнымъ складомъ рѣчей ржевскаго проповѣдника и въ своихъ воспоминаніяхъ добавляетъ, что о. Матвѣй вообще любилъ говорить и готовъ былъ говорить безъ конца, лишь бы его слушали. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукой образца проповѣдническаго краснорѣчія, столь восхищавшаго Т. И. Что же касается до писемъ о. Матвѣя, опубликованныхъ въ шестидесятыхъ годахъ въ „Домашней Бесѣдѣ“, то, на нашъ откровенный взглядъ, въ своей сущности дальше общихъ фразъ онѣ не идутъ; но рѣзкій, почти отрывистый слогъ писемъ, ихъ общій простонародно-фамильярный тонъ и аскетически-нетерпи-

мое направленіе—придаютъ имъ оригинальную окраску и дѣлаютъ ихъ драгоцѣнными документами для характеристики о. Матвѣя... Въ письмѣ какому-то бойкому ржевскому торговцу о. Матвѣй между прочимъ пишетъ: „Ради Бога, не прилѣпляйся къ земному, братъ!“ — и эта фраза служитъ какъ бы камертономъ ко всѣмъ его письмамъ.—Напримѣръ, нѣкто Ѳ. С—й, человѣкъ очевидно крѣпкаго организма, вознамѣрился жениться въ третій разъ и спрашиваетъ совѣта о. Матвѣя. Разумѣется, совѣтъ о. Матвѣя — „не прилѣпляйся къ земному“: „Ты пишешь, что тебѣ безъ жены жить трудно—а кому же легко было достигать Царствія Небеснаго? Кто безъ труда и безъ нужды получилъ оное?.. Смотри, братъ—здѣсь мы гости: домой собирайся.—Не промѣняй Бога на діавола, а міръ сей на царство небесное. Мигъ одинъ здѣсь повеселишься, а во вѣки будешь плакать“. И въ вслѣдующемъ письмѣ слѣдуетъ рецептъ какъ умерщвлять „гады страстные“: „Поменьше да порѣже ѣшь, не лакомься, чай-то оставь, а кушай холодненькую водицу да и то, когда захочется, съ хлѣбцемъ; меньше спи, меньше говори, а больше трудись, да меньше гордись... Ходи почаще на кладбище къ женамъ и спрашивай у праха ихъ: что пользовали ли ихъ удовольствія тѣлесныя?..“

Жалуется ему какой-то сельскій дьячекъ на свое плохое житье-бытье, съ видимымъ простодушнымъ разсчетомъ на матеріальную поддержку или протекцію для полученія сана діакона. Со стороны о. Матвѣя отвѣтъ одинъ и тотъ же: „Молись въ свое время, вина не пей совсѣмъ, никого не осуждай и положи себѣ за правило—или прочесть пятьсотъ разъ въ день Іисусову молитву, или Спасителю акаѳистъ, или главу изъ Евангелія и Апостола—то увидишь помощь Божью... Не грусти; живи, за все Бога благодари. Прощай, братъ, спасайся!“

Гонитъ купецъ-самодуръ изъ дому своего сына — тотъ съ слезнымъ прошеніемъ къ о. Матвѣю о заступѣ. А о. Матвѣй въ отвѣтъ на это: „Не отецъ гонитъ, а Богъ вызываетъ, чтобъ вы не были участниками съ неправдою собраннаго стяжанія. Смотри же, съ радостью, какъ Авраамъ, прими этотъ гласъ, и пикнуть не смѣй! Боже тебя сохрани! Если будешь слушать совѣта мудраго сатаны, — онъ никогда на добро не научитъ“...

Или вотъ еще крайне характерный образчикъ стиля о. Матвѣя — письмо къ неизвѣстному „безтолковому Матвѣю“: „Братъ о Христѣ, Матѳей, безтолковый, какъ и я! Жаль мнѣ тебя. Тебѣ трудно, а дѣло-то идетъ ладно. Ты не вышелъ отъ отца-то, ну, такъ и быть. Богъ поправитъ; не скучай, братъ. Ты стоишь на правомъ пути; онъ тѣсенъ, да вѣренъ. Ступай, не ошибешься: царствіе Божіе нудится. Явится Христосъ, и будетъ тихо и ясно и все прекрасно“.

И т. д., и т. д...

Письма о. Матвѣя къ Гоголю повидимому безнадежно затеряны, но уже по вышеприведеннымъ образчикамъ можно приблизительно судить, съ какимъ наивно-дидактическимъ багажемъ подошелъ этотъ самонадѣянный ораторъ къ нашему геніальному писателю въ самый острый моментъ его душевно-писательскаго перелома... Съ другой стороны, письма самого Гоголя неизбѣжно бросаютъ свой отражательный свѣтъ на вѣроятную сущность этихъ жесткихъ ржевскихъ откликовъ. Мы уже знаемъ объ эффектѣ первой встрѣчи Гоголя съ о. Матвѣемъ. Достовѣрность ея подтверждаетъ устное свидѣтельство Т. И. Филиппова моему доброму знакомому, оптинскому иноку; но изъ дальнѣйшихъ событій можно думать, что все же это была лишь мимолетная случайная встрѣча въ толпѣ гостей и настоящее сближеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недоразумѣніе

между Гоголемъ и о. Матвѣемъ началось собственно съ посылки первымъ въ Ржевъ экземпляра „Переписки съ друзьями“...

И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не жесточайшее недоразумѣніе? Книга наихристіаннѣйшая по существу своему, строгая мораль коей подстать инымъ страницамъ „Добротолюбія“ и „Цвѣтника Духовнаго“... возбуждаетъ безпощадное порицаніе ржевскаго проповѣдника, какъ вреднѣйшее и соблазнительнѣйшее сочиненіе, за которое авторъ понесетъ должную кару на страшномъ судѣ!..

Этотъ отвѣтъ произвелъ на Гоголя донельзя удручающее впечатлѣніе. Послѣ цѣлаго ряда оскорбительныхъ и негодующихъ упрековъ, посыпавшихся на Гоголя послѣ выпуска въ свѣтъ «Переписки», онъ недаромъ вспомнилъ объ о. Матвѣѣ, разсчитывая очевидно услышать отъ духовнаго пастыря слово любви и утѣшенія, которое умиротворило бы его испуганную душу. И что же? Духовный пастырь оказывается въ своемъ сужденіи еще неумолимѣе его мірскихъ судей!.. Было отъ чего придти въ отчаяніе... Однако, въ начальныхъ двухъ-трехъ обширныхъ посланіяхъ къ о. Матвѣю, Гоголь еще дѣлаетъ послѣднія попытки защитить себя и свое писательское призваніе: «Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе и я дамъ за нее отвѣтъ Богу. Я нѣсколько времени оставался послѣ этихъ словъ въ состояніи упасть духомъ; но мысль, что безгранично милосердіе Божіе, меня поддержала... Желаніе и жажда добра, а не гордость подтолкнули меня издать мою книгу... Статью о театрѣ я писалъ не съ тѣмъ, чтобы пріохотить общество къ театру, а съ тѣмъ, чтобы отвадить его отъ развратной стороны театра, отъ всякаго рода балетныхъ плясавицъ и

множества самыхъ страстныхъ пьесъ, которыя въ послѣднее время стали кучами переводить съ французскаго» (изъ письма изъ Неаполя 9-го мая 1847 г.). «Если писателю данъ талантъ, то вѣрно недаромъ и не на то, чтобы обратить его въ злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то вѣрно Богъ, а не кто иной, виновенъ въ этой склонности... Примѣры сильнѣе разсужденія; нужно только для этого писателю умѣть прежде самому сдѣлаться добрымъ и угодить жизнью своей сколько-нибудь Богу». (Остенде, 24-го сентября 1847 г.). И далѣе опять изъ Неаполя (12-го января 1848 г.). «Книга моя есть произведеніе моего переходнаго душевнаго состоянія, временнаго, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянія... Дѣло въ томъ, что книга это не мой родъ. Но то, что меня издавна и продолжительно занимало, это было—изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей русской землѣ, послѣ котораго русскіе читатели узнали бы лучше свою землѣ, потому что у насъ многіе, даже и чиновники, и должностные попадаютъ въ большія ошибки по случаю незнанія коренныхъ свойствъ русскаго человѣка и народнаго духа нашей земли. Я имѣлъ свойства всегда замѣчать всѣ особенности свойства человѣка отъ малыхъ и до большихъ и потомъ изобразить его такъ передъ глазами, что, по увѣренію моихъ читателей, человѣкъ, мною изображенный, оставался какъ гвоздь въ головѣ и образъ его такъ казался живъ, что отъ него трудно было отдѣлаться. Я думалъ, что если я съ моимъ умѣніемъ изображать живо характеры узнаю получше многія вещи въ Россіи и то, что дѣлается внутри ея; то я введу читателя въ большее познаніе русскаго человѣка».

Въ отмѣченныхъ строкахъ какъ бы робко вспыхиваетъ

сознаніе своей правоты и своего писательскаго достоинства; но такихъ строкъ немного. Рядомъ съ ними уже звучитъ покаянная нота, вызванная властной укоризной ржевскаго кореспондента. Въ дальнѣйшихъ посланіяхъ къ о. Матвѣю нота эта окончательно преобладаетъ и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ письмо изъ Одессы отъ 21-го апрѣля 1848 года и изъ Москвы отъ 9-го ноября 1851 г.,— сплошные покаянные каноны... То онъ сокрушается, что краткія молитвенныя минуты его «расхищаются» и незванные и непрошенные гости, творческіе образы, уносятъ его въ помышленіи Богъ вѣсть въ какое мѣсто; то кается въ грѣховной тьмѣ своего сердца, лукаво смущаемаго «духомъ-искусителемъ», и терзается втайнѣ, что наканунѣ отправленія къ Гробу Господню, вмѣсто того, чтобы думать о спасеніи собственной души, неотступно думаетъ лишь объ одномъ... «о спасеніи Русской земли»!..

И Гоголь мучительно попрекаетъ себя, какъ въ величайшемъ преступленіи—въ самомнѣніи и неумѣніи «пожертвовать земнымъ небесному», т. е. именно въ томъ, въ чемъ его неутомимо укорялъ его ржевскій опекунъ.

Что дѣлать, о. Матвѣй, во всѣхъ случаяхъ, оставался вѣренъ себѣ: сельскому дьячку, зажирѣвшему аристократу, ржевскому лавочнику... и автору «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» отпускалъ одинъ и тотъ же знакомый рецептъ: «Не прилѣпляйся къ земному, братъ!..» Это, между прочимъ, не мѣшало ему одновременно хлопотать о пристройствѣ черезъ Гоголя своей дочери въ Шереметеевскій пріютъ и пользоваться другими земными услугами больного и удрученнаго сложной творческой работою писателя, въ родѣ высылки учебниковъ его сыну, нѣкоторыхъ личныхъ порученій по книжной части, и проч.

«Не прилѣпляйся къ земному»...

Тутъ уже выходитъ не только горько недоразумѣніе, но прямо какое-то безпощадная иронія жизни! Судите сами: художнику, весь смыслъ существованія котораго заключается въ его великомъ трудѣ, вдругъ властно внушаютъ, что этотъ самый трудъ чуть ли не навожденіе сатаны и, въ самомъ благополучномъ случаѣ, плодъ человѣческаго самомнѣнія. Гм... самомнѣніе!.. А развѣ, спрашивается, это не величайшее самомнѣніе человѣческое со стороны полуневѣжественнаго недавняго селькаго попа вторгаться въ чуждую и совершенно невѣдомую ему область художественнаго творчества и варварски хозяйничать въ ней, точно въ накрытомъ раскольничьемъ скиту?.. «Надо пожертвовать земнымъ небесному», «надо дѣлать Божье дѣло», «Надо исполнять волю Пославшаго», «надо каждому нести свой крестъ» — вотъ обычныя фразы, мелькающія въ обличеніяхъ о. Матвѣя. Разумѣется, многое пустяки въ сравненіи съ вѣчностью, но именно далеко не пустяки всякое истинно-художественное произведеніе, какъ неизбѣжно заключающее въ себѣ залогъ небеснаго и вѣчнаго. И когда великій художникъ, пренебрегши обычными благами жизни, полагаетъ всю свою душу на годами выстраданное произведеніе, развѣ тѣмъ самымъ онъ не жертвуетъ «земнымъ небесному», не дѣлаетъ «Божье дѣло», «исполняя волю «Пославшаго». И ужъ, конечно, кого другого, а не Гоголя пристало учить, что «надо нести свой крестъ»: онъ ли еще, спрашивается, не несъ тягостнѣйшій изъ писательскихъ крестовъ и не заплатилъ безвременной кончиной за свое художническое подвижничество!!..

Нельзя не подчеркнуть здѣсь еще одной жестокой іроніи. Судя по словамъ А. О. Смирновой, во второй части „Мертвыхъ душъ“ должны были фигурировать, въ числѣ

положительныхъ типовъ, идеальный губернаторъ и священникъ. Что до второго типа, то надо думать, что встрѣча съ о. Матвѣемъ не осталась бы безъ слѣда для второй части „Мертвыхъ душъ“, если бы ей суждено было завершиться по намѣченному плану. Но этому не было суждено. Увлекшись несомнѣнно, „какъ художникъ“, оригинальной личностью о. Матвѣя, Гоголь, въ то время незамѣтно подчинился ей какъ больной, безвольный человѣкъ. Въ художнической практикѣ обыкновенно бываетъ такъ: художникъ, перенося на полотно или въ романъ волнующій его образъ, тѣмъ самымъ отдѣлывается внутренно отъ живого типа, натолкнувшаго его на созданіе. Тутъ же вышло совсѣмъ обратное—живой типъ былъ не таковскій, чтобы отъ него легко отдѣлаться... и, въ свою очередь, поглотилъ художника!.. И что, между прочимъ, всего страннѣе въ этой скорбной исторіи—чѣмъ сильнѣе ржевскій проповѣдникъ бичуетъ Гоголя (т. е. чѣмъ глубже его поглащаетъ), тѣмъ крѣпче тотъ къ нему привязывается, тѣмъ душевно нѣжнѣе, трогательно-признательнѣе становится оттѣнокъ Гоголевскихъ писемъ и записокъ къ о. Матвѣю. — А въ послѣдней, февральской запискѣ своей къ о. Матвѣю, авторъ „Мертвыхъ Душъ“ какъ-бы намѣренно стираетъ малѣйшій намекъ на свое литературное имя и смиренно подписывается: обязанный вамъ вѣчной благодарностью и здѣсь и за гробомъ, вашъ весь Николай“... Общее впечатлѣніе этой предсмертной записки—голосъ человѣка, окончательно отрѣшившагося отъ міра и втайнѣ воспріявшаго схиму.

Что посланія о. Матвѣя, въ результатѣ имѣли разрушительное дѣйствіе на Гоголя—едва ли здѣсь приходится повторять... Но это было ничто въ сравненіи съ живымъ словомъ. Испытанный ораторъ, о. Матвѣй тѣмъ болѣе увлекался,

чѣмъ очевиднѣе было впечатлѣніе на слушателя, и становился тѣмъ безпощаднѣе въ своемъ обличеніи, чѣмъ безпомощнѣе оказывалась жертва. Впрочемъ, какъ явствуетъ изъ брошюры доктора Тарасенкова о послѣднихъ дняхъ Гоголя, мотивъ обличенія неизмѣнно былъ тотъ же, т. е. „не прилѣпляйся къ земному, братъ“: „Слабость тѣла не можетъ насъ удерживать отъ пощенія, какая у насъ забота? Для чего намъ нужны силы?? Много званныхъ—мало избранныхъ!.. Путь въ царствіе Божіе тѣсенъ! Мы отдадимъ отчетъ за всякое слово праздное!!“ и т. п. По словамъ того же Тарасенкова, однажды, когда о. Матвѣй зашелъ видимо черезчуръ далеко въ своемъ обличительномъ паѳосѣ, Гоголь не выдержалъ и простоналъ: „Довольно, довольно!.. оставьте! Не могу долѣе слушать... Слишкомъ страшно!!“

Несчастный Гоголь!..

Трудно право представить сцену болѣе разительнаго контраста... Гоголь—великій Гоголь, безпощадный сатирикъ, геніальный провидецъ сердца человѣческаго—блѣдный, потрясенный, почти скованный отъ ужаса въ своемъ креслѣ... и передъ кѣмъ же? Передъ невзрачнымъ и полуневѣжественнымъ, изступленнымъ попомъ, пугающимъ его больное воображеніе лубочнымъ свиткомъ загробныхъ мытарствъ... Развѣ только одна кисть Рѣпина была бы въ состояніи обезсмертить на полотнѣ эту захватывающую, тонко психологическую и глубоко національную трагедію!..

Окончаніе трагедіи—извѣстно... Непосредственно вслѣдъ за отъѣздомъ о. Матвѣя, съ Гоголемъ началась та такъ сказать „духовная агонія“, которая повлекла за собой стремительное физическое разрушеніе... и затѣмъ—смерть.

Было бы однако одностороннимъ преувеличеніемъ приписывать личности о. Матвѣя исключительное вліяніе на

безвременную кончину Гоголя. Онъ явился лишь „пятымъ актомъ“ сложной трагедіи, пережитой авторомъ „Мертвыхъ душъ“, роковая развязка которой подготовлялась исподволь, можно сказать, съ того самаго момента, когда получилось извѣстіе о смерти Пушкина... Кто знаетъ, проживи долѣе Пушкинъ... и все было бы иначе?.. Какъ нѣкогда поэтъ Петрарка спасъ своего друга Боккачіо своей здравой рѣчью отъ аскетическихъ филиппикъ картезіанскаго монаха Чіани, увѣщевавшаго автора „Декамерона“ бросить сатанинское дѣло литературы, точно такъ же быть можетъ двѣ-три „геніальныя бесѣды“ Пушкина, съ глазу на глазъ съ Гоголемъ, своевременно оберегли бы послѣдняго на опасномъ распутьи... По счастью, число односторонникъ фанатиковъ, въ родѣ о. Чіани и о. Матвѣя, значительно порѣдѣло за послѣднее время, области художническаго творчества и монастырскаго устава болѣе не смѣшиваются, и существованіе на свѣтѣ иноческаго чина повидимому ни мало не препятствуетъ прохожденію и почитанію чина писательскаго. По крайней мѣрѣ, большинство немудрыхъ пастырскихъ рѣчей, произнесенныхъ въ недавніе дни Пушкинскаго торжества, сводились въ своей сущности къ тому, „что Пушкинъ былъ несомнѣнно избранникъ Божій, такъ какъ Богъ его надѣлилъ талантомъ, какой отпускается не всякому человѣку“.

Этой, ясной какъ Божій день, мысли очевидно было не вмѣстить полвѣка назадъ ржевскому пастырю, громко скорбѣвшему подобно гордому отшельнику „Эрмію“, въ извѣстномъ разсказѣ Н. Лѣскова «Скоморохъ Памфалонъ», что нѣтъ на землѣ достойнаго человѣка, носящаго въ себѣ „зерно безсмертія“. . . . . .

. . . . . .

...Каждый разъ, когда мнѣ приходится, съ щемящей болью

въ сердцѣ, перечитывать страницы послѣднихъ дней жизни Гоголя, въ моемъ воображеніи невольно оживаетъ этотъ удивительный разсказъ, окрыленный такой смѣлой мыслью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой тонко-живописной по изложенію. Не лишнее, пожалуй, будетъ напомнить его оригинальную фабулу... Византійскій вельможа Ермій, вознамѣрившись сдѣлать свою жизнь угодною Богу, покидаетъ суетный городъ и свой высокій постъ при дворѣ Императора Ѳеодосія Великаго, и удаляется въ пустынное мѣсто. Тамъ онъ находитъ, на верху высокой каменной горы, узкую разщелину, въ которой поселяется и спасается въ молитвахъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, пріобрѣтя окрестъ славу великаго подвижника. Но Еремію этого мало—душа его скорбитъ за міръ, погрязшій въ грѣхахъ и жаждетъ узрѣть хоть единаго человѣка угоднаго Богу. И вотъ однажды онъ слышитъ голосъ свыше:

— Спускайся внизъ Ермій, на землю, и пойди посмотри Памфалона, изъ Дамаска!..

И вотъ отшельникъ выползаетъ на свѣтъ Божій изъ своей разщелины и бредетъ въ многогрѣшный Дамаскъ взглянуть на обѣщанное чудо. Можете представить его обиду и разочарованіе, когда онъ узнаетъ, что пресловутый Памфалонъ ничто иное... какъ скоморохъ! Какіе могутъ быть добродѣтели у комедіанта, который всю жизнь занимается только тѣмъ, что потѣшаетъ народъ? недоумѣваетъ про себя Ермій и, съ великой брезгливостью, стучится у дома Памфалона. Эта сцена первой встрѣчи Памфалона съ Ерміемъ—добродушно веселаго по скоморошьи разряженнаго Памфалона и изможденнаго вылинявшаго пустынника, глухою ночью, въ пестромъ скоморошьемъ жилищѣ, полуосвященномъ краснымъ свѣтильникомъ—рѣдкій художественный перлъ и своей яркой колоритностью такъ и просится на полотно.

Тонъ первой бесѣды Ермія съ Памфалономъ, почти тотъ же что звучитъ въ бесѣдѣ о. Матвѣя съ Гоголемъ.

— Брось свое презрѣнное ремесло Памфалонъ!

— Не могу! терзается Памфалонъ.

— Жалкій Памфалонъ!! сокрушается, въ свою очередь, подвижникъ.

— Что дѣлать, — отвѣчалъ скоморохъ: — я, дѣйствительно, бѣденъ... и ничему другому, кромѣ скоморошества, не наученъ. — И онъ смиренно повторяетъ Ермію то жѳ, что нѣкогда твердилъ въ свое оправданіе прекрасной непорочной Магнѣ, дочери Птоломея, попрекавшей Памфалона его веселой профессіей:—Развѣ ты не знаешь, что нуженъ сосудъ въ честь и нуженъ сосудъ въ поношеніе? Живи ты для чести, а я опредѣленъ жить для поношенія и, какъ глина, я не спорю съ моимъ Горшечникомъ! Жизнь меня заставила быть скоморохомъ и я иду своей дорогой какъ быкъ на веревкѣ“...

О, это великолѣпная несчастная Магна! Памфалонъ тоже нѣкогда мечталъ жить уединенно и праведно, и уже мечта его была близка къ осуществленію, когда неожиданно пришлось спасти отъ позора и нищеты эту самую Магну и остаться по прежнему бѣднякомъ и... скоморохомъ.—По усиленной просьбѣ отшельника, Памфалонъ подробно разсказываетъ Ермію трагическую исторію, всколыхнувшую его скоморошью жизнь, и когда онъ кончаетъ свой разсказъ потрясенный Ермій низко кланяется Памфалону и говоритъ:

— „Вѣчность впустѣ не будетъ: перейдутъ въ нее путемъ милосердія много изъ тѣхъ, кого свѣтъ презираетъ и о которыхъ и я, гордый отшельникъ, забылъ, залюбовавшись собою. Иди къ себѣ въ домъ, Памфалонъ, и дѣлай что дѣлалъ, а я пойду дальше“!..

Ермій возвращается въ свою пустыню и видитъ, что въ разщелинѣ, въ которой онъ спасался тридцать лѣтъ, свито гнѣздо вороновъ. Мѣстные жители, чтущіе пустынника, хотятъ прогнать птицъ изъ разщелины, но онъ останавливаетъ ихъ:

— «Не мѣшайте имъ вить свои гнѣзда. Птицы должны жить въ скалѣ, а человѣкъ долженъ служить человѣку»!.

И Ермій дѣлается пастухомъ — гоняетъ козье стадо и учитъ на свободѣ дѣтей поселянъ. Но странное дѣло—всякій разъ когда онъ обращалъ глаза свои въ сторону Дамаска ему грезилось, что онъ видитъ Памфалона, стремящагося по улицѣ со своими скоморошьими доспѣхами, и мѣдный скоморошій вѣнецъ, украшающій его полусѣдую голову, день ото дня блистаетъ все ярче и ярче, такъ что нѣтъ силъ болѣе смотрѣть...

Приближаются дни Гоголевскаго юбилея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дни неподкупнаго суда потомства!.. Самомнѣнные «Ерміи», гнавшіе и всячески истязавшіе великаго подвижника слова, — готовятся принять достойное просрамленіе, и сіяніе его нетлѣннаго вѣнца разгорается все ярче и ярче...

1901 г.

VIII.

Полночный Ревизоръ.

(Единственный случай *).

На балконѣ хорошенькой дачи, выходившемъ на Неву, небольшая кучка гостей засидѣлась за вечернимъ чаемъ. „Политика“ достаточно надоѣла, и бесѣда вяло и безпорядочно перескакивала съ предмета на предметъ. Случайно кто-то обронилъ въ разговорѣ фразу: «Это такъ же неприлично, какъ присутствіе священника въ театральной залѣ!» — къ слову придрались, и зашумѣлъ споръ.

— Отчего это считается неприличнымъ—рѣшительно не понимаю!—иронически усмѣхнулся молодой товарищъ прокурора, недавно сбросившій правовѣдскій мундиръ.

— И я тоже не понимаю! — присоединился къ нему пожилой студентъ, не окончившій курса.

— Разъ пастыри могутъ театры освящать — странно... отчего они не могутъ ихъ посѣщать?—вставилъ начинающій литераторъ, недавно дебютировавшій въ распространенной газетѣ замѣткой о народномъ театрѣ. — Наконецъ, все зависитъ отъ того, каковъ театръ!

---

*) Присоединяю настоящій разсказъ къ матеріалу о Гоголѣ какъ подлинное происшествіе, переданное мнѣ однимъ моимъ пріятелемъ, провинціальнымъ актеромъ.

Въ споръ вмѣшалась хозяйка дома.

— Ваше замѣчаніе очень остроумно, но оно нисколько не выясняетъ дѣла. Есть условныя понятія, противъ которыхъ спорить невозможно!

— А я буду спорить!—прокартавила миловидная барышня въ дымчатомъ pince-nez, сидѣвшая рядомъ съ не окончившимъ студентомъ.

— И я! И я!..—послышались голоса вокругъ чайнаго стола.

— Модестъ Ильичъ, что-жъ вы молчите? Ваше мнѣніе намъ было бы особенно интересно!—снова послышался голосъ хозяйки.

Глаза всѣхъ обратились въ конецъ стола, въ сторону красиваго сѣдовласаго старца, задумчиво покурившагося сигару, извѣстнаго трагика, недавно покинувшаго по болѣзни театральные подмостки... Трагикъ улыбнулся своей открытой, плѣнительной улыбкой, сокрушившей въ былое время не мало женскихъ сердецъ, и мягко проговорилъ:

— Боюсь, что мое мнѣніе... будетъ нѣсколько длинно!

— Вы хотите намъ что-нибудь разсказать, не правда-ли?—обрадовалась хозяйка и за себя, и за гостей.

— Да, я вспомнилъ одинъ любопытный эпизодъ изъ моихъ давнишнихъ артистическихъ странствій... какъ разъ по этому самому поводу. Можно сказать, единственный случай въ своемъ родѣ!..

— Ахъ, разскажите, разскажите?? — Вокругъ отставного артиста поднялся весьма лестный для его артистическаго самолюбія шумъ.

— Мы слушаемъ! — добавила торжественно хозяйка и вполголоса приказала вошедшей горничной: — Груша, подогрѣй самоваръ..

Воцарилось почтительное молчаніе... Въ тишинѣ слабо доносились откуда-то, вѣроятно, изъ увеселительнаго сада, звуки музыки; звенѣла вдали конка, переползавшая черезъ мостъ, и мелькавшіе по рѣкѣ пароходы, переполненные нарядной публикой, изрѣдка перекликались надорванными голосами, какъ вѣщуны...

— Давно это было... ой, какъ давно! Вы быть можетъ, слыхали когда-нибудь имя Блажевича? Нѣтъ—ну, да это все равно... Замѣчательный былъ комикъ; но антрепренеръ изъ рукъ вонъ безтолковый. Вотъ-съ, въ труппу къ этому самому Блажевичу я и запопалъ во дни моей юности, прямо съ университетской скамьи.., разумѣется, на самыя маленькія роли. Странствовали мы изъ города въ городъ, изъ городишки въ городишко, и достранствовали до того, что хоть волкомъ вой... Случилось это въ городѣ З. Городокъ не хуже и не лучше другихъ россійскихъ городовъ; церквей и трактировъ болѣе, чѣмъ достаточно, но театральной храмины ни единой. Сняли мы на окраинѣ, возлѣ самаго городского кладбища, мучной амбаръ, кое-какъ приспособили подъ театръ, афиши по городу расклеили. Дали два спектакля—публики, хоть шаромъ покати!. Мало того-съ, по городу прямо ропотъ пошелъ изъ-за того, что мы съ театромъ возлѣ покойниковъ основались; а на улицѣ насъ оглядывали совсѣмъ точно зачумленныхъ. Словомъ, больше ничего не оставалось, какъ убираться по-добру, по здорову. Бѣдняга Блажевичъ такъ растерялся, что сталъ заговариваться—того и гляди, какъ бы часомъ не удавился человѣкъ... А, надо вамъ сказать, какъ разъ за кладбищемъ, за оврагомъ, находился большой монастырь, и въ немъ высокочтимые мощи святителя обрѣтались. Вотъ, сидитъ у себя Блажевичъ ночью, въ номерѣ, и на крюкъ поглядываетъ, думаетъ—не придумаетъ, какъ бы

изъ бѣды цѣлымъ выйти—зарокъ про себя даетъ у мощей святителя молебенъ отслужить, если спасеніе выйдетъ... И что-жъ бы вы думали? Въ ту самую минуту, какъ онъ про себя обѣщаніе далъ,—вдругъ въ дверь: „тукъ-тукъ“.. и входитъ монахъ. Блажевичъ даже испугался сначала — думаетъ, ужъ не померещилось-ли ему отъ разстройства. Нѣтъ, монахъ, какъ есть живой монахъ, изъ того самаго монастыря, гдѣ мощи святителя почиваютъ.

— Такъ и такъ,—говоритъ,—я къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбой отъ самаго отца архимандрита!

— Очень пріятно, отвѣчаетъ Блажевичъ, — а только никакъ не могу вообразить, чѣмъ могу служить его высокопреподобію; сами знаете, какимъ богопротивнымъ дѣломъ изволю заниматься!

А монахъ слегка потупился и говоритъ:

— Нашъ настоятель изъ самаго настоящаго свѣтскаго круга вышли и ничего богохулительнаго въ образованномъ представленіи не понимаютъ; а только, что я вамъ сейчасъ имѣю объяснить, должно быть, между прочимъ, подъ самымъ жестокимъ секретомъ. Сколько, спрашиваетъ, между прочимъ, можетъ, быть у васъ благопріятнаго сбора въ случаѣ публичнаго дѣйствія?

— Рублей триста—четыреста, а то и вся полтысяча набѣжитъ!—прилгнулъ для пущаго эффекта Блажевичъ... Будь, дескать, что будетъ—все одно, хуже того, что есть, не выйдетъ!!.

А вышло нѣчто такое, что даже Блажевичъ, видавшій на свѣтѣ всякіе виды, ротъ разинулъ. Монахъ тонко намекнулъ ему, что „они“ за цѣной не постоятъ и даже лишнюю сотню накинутъ, если соблюдены будутъ на совѣсть слѣдующія три непремѣннѣйшіе пункта. Первое—труппа дол-

жна представить сочиненіе господина Гоголя „Ревизоръ“ безъ всякихъ пропусковъ и при полной театральной обстановкѣ, какъ бы для настоящей городской публики. Второе—на представленіи не только не долженъ присутствовать никто изъ постороннихъ, но никто изъ мірянъ отнюдь не долженъ о немъ знать. И, наконецъ, третье: представленіе должно начаться ровно въ полночь и окончиться до „утрени“... Разумѣется, Блажевичъ съ восторгомъ принялъ всѣ три пункта (тѣмъ болѣе, что гоголевскій городничій была его коронная роль) и, ночью же, секретно оповѣстилъ насъ о перемѣнѣ обстоятельствъ и утренней репетиціи „Ревизора“.

Умирать буду, не забуду этого рѣдкостнаго спектакля!..

Ровно въ полночь, т. е. какъ разъ въ то время, когда спектакли обыкновенно кончаются, нашъ театръ-амбаръ сталъ наполняться публикой.. и какой публикой? Какую едва-ли когда видѣли стѣны театра: одни монашескіе клобуки!.. Самъ отецъ архимандритъ помѣщался въ единственной имѣвшейся у насъ ложѣ, и лица его мы не могли разсмотрѣть, такъ какъ онъ прятался въ глубинѣ ложи за сидѣвшими впереди старѣйшими іеромонахами; да и, кромѣ того, по его же желанію, освѣщена была только сцена, а партеръ пребывалъ во мракѣ.

— Оригинальное зрѣлище, надо признаться!—замѣтилъ товарищъ прокурора.

— Чего, спрашивается, оригинальнѣе!—улыбнулся Модестъ Ильичъ,—Добавьте ка къ этому, что общая театральная уборная, гдѣ гримировались Добчинскій, Бобчинскій и другіе второстепенные гоголевскіе персонажи, какъ разъ выходила окнами на кладбищенскую ограду. Когда пробило полночь, и черезъ кладбище къ театру потянулась черная вереница монаховъ,—издали, право, можно было принять эти

тихо движущія фигуры за полночныхъ выходцевъ изъ могилъ.

— Удивляюсь, какъ вы могли играть въ такой жуткой обстановкѣ? — воскликнула хозяйка... — Это должно было ужасно дѣйствовать на нервы!..

Трагикъ молодцовато пожалъ своими широкими плечами.

— Представьте, ничуть не бывало! Напротивъ того, именно, эта самая необычайность обстановки удивительно подняла нервы, и „Ревизоръ“ былъ разыгранъ съ заразительнымъ увлеченіемъ. А Блажевичъ въ роли городничаго превзошелъ себя!

Начинающій литераторъ не выдержалъ и перебилъ разсказчика:

— Для меня, извините, самое любопытное: какъ принимали Гоголя монашествующіе зрители?..

— Вы правы,—это самое любопытное и именно потому что ни въ одномъ изъ россійскихъ городовъ, гдѣ намъ только ни случалось играть „Ревизора“, нигдѣ его не принимали такъ неистово восторженно, какъ въ этомъ полуночномъ потаенномъ спектаклѣ... Правда, сначала монастырская братія стѣснялась смѣяться, и слышались лишь отдѣльные сдавленные смѣшки; но когда изъ архимандритской ложи раздался зычный, раскатистый голосъ „самого“, братію точно прорвало, и смѣхъ понесся безудержно, какъ вихрь, колыхая монашескіе клобуки и теребя сѣдыя бороды... Весь третій актъ прошелъ при сплошномъ смѣхѣ, а во время извѣстнаго монолога Хлестакова стоялъ такой стонъ и грохотъ, что нашему убогому театру-амбару грозила двойная опасность: и въ архитектурномъ отношеніи и такъ сказать, въ цензурномъ, ибо небывалый шумъ могъ разбудить обывателей богомольнаго городка!.. Къ счастью, іюльская ночь была темнѣе нашего

партера, а провинціальные обыватели и охранители въ такія ночи спятъ особенно крѣпко; а если кто и проснулся не во-время,—навѣрное, принялъ ночной гулъ со стороны кладбища за раскаты надвигающейся грозы и истово перекрестился.

— Вы разсказываете, какъ настоящій поэтъ!—прокартавила барышня въ дымчатомъ pince-nes и втихомолку тѣснѣе прижалась къ не окончившему студенту.

Разсказчикъ слегка наклонилъ голову.

— Я, дѣйствительно, не могу равнодушно вспоминать... потому что спектакль былъ исключительный по своей фантастичности!.. Вообразите, — спектакль имѣющій сумасшедшій успѣхъ у публики, а между тѣмъ, самой публики какъ бы вовсе нѣтъ, т. е. ея совсѣмъ не видно. Передъ вами точно огромная черная пасть, и изъ этой таинственной пасти извергаются прямо на васъ громоподобные раскаты смѣха... Гоголь... и смѣхъ — а вокругъ ничего, кромѣ безмолвной долины смерти! Будто двѣ высшія человѣческія стихіи слились въ невѣдомомъ пространствѣ въ одномъ вдохновенномъ аккордѣ... И какой смѣхъ? Который заражалъ и зажигалъ самыхъ посредственныхъ исполнителей и возвышалъ простыхъ статистовъ до творчества художниковъ... Къ сожалѣнію, за сорокъ лѣтъ много интересныхъ подробностей улетучилось; но одна изъ нихъ врѣзалась въ моей памяти неизгладимо: это—конецъ „Ревизора“. Всюду, гдѣ мы ни играли пьесу, „конецъ“ всегда принимался, какъ отмѣннѣйшая комедія, и только здѣсь, въ таинственномъ монашескомъ кругу, онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе подлинной трагедіи... Смѣхъ сталъ затихать съ первыхъ словъ монолога городничаго: „Вотъ, смотрите, весь міръ, все христіанстно, какъ одураченъ городничій!“,—и когда въ

дверяхъ неожиданно показался голубой посланецъ съ извѣстіемъ о прибытіи подлиннаго ревизора, партеръ точно вымеръ,—такъ стало тихо, жутко-тихо, какъ на сосѣднемъ кладбищѣ; и на сценѣ тоже стало тихо, какъ въ живой картинѣ,—и занавѣсъ тихо-тихо опускается... И вотъ, какъ разъ въ ту самую минуту, какъ занавѣсъ сталъ опускаться—издали, съ монастырской колокольни послышался слабый, кротко-тоскующій звонъ, призывающій къ заутренѣ... Вышло необыкновенно торжественно, какъ-то мистически-торжественно—это почувствовалось одинаково и въ партерѣ, и на сценѣ, и даже за кулисами.....

Когда мы очнулись и бросились къ занавѣси, чтобы разглядѣть въ щелку нашу таинственную публику, партеръ оказался совсѣмъ пустъ, и въ открытыя двери врывался широкими косыми полосами дневной свѣтъ... Однако, тѣ изъ насъ, кто раньше попалъ наверхъ въ уборную,—видѣли въ окно черную ленту монашескаго „партера“, медленно ползущую черезъ кладбище и оврагъ по направленію къ монастырю. Богъ вѣсть, что было въ душѣ этого загадочнаго „партера“, добрыя три четверти котораго, можно сказать съ увѣренностью, были въ театрѣ въ первый и въ послѣдній разъ!..

Блажевичъ потомъ признавался намъ, что вся эта исторія казалась ему какимъ-то чудеснымъ сномъ—и появленіе таинственнаго монаха, и полночный „Ревизоръ“ съ архимандритомъ въ ложѣ, и даже толстый денежный пакетъ, аккуратно доставленный передъ самымъ спектаклемъ...

Меня лично, тогда совсѣмъ юнаго театрала, это необыкновенное представленіе прямо потрясло. И началось оно совсѣмъ необыкновенно... Вмѣсто обычнаго театральнаго звонка, въ занавѣсъ постучалъ нѣкій таинственный монахъ и ше-

потомъ проговорилъ: „Ихъ высокопреподобіе благословили приступить къ комидійному дѣйству“.—Точно мы, въ самомъ дѣлѣ, собрались священно дѣйствовать въ какой-нибудь старинной мистеріи!.. А кончилось еще необыкновеннѣе... подъ тихій благовѣстъ монастырскаго колокола. И игра была тоже необыкновенная: всѣ исполнители въ этотъ разъ дѣйствительно священнодѣйствовали, охваченные какимъ-то непередаваемымъ внутреннимъ трепетомъ. И нигдѣ, ни въ какомъ самомъ богатомъ театрѣ, такъ сильно не почувствовалось, какъ почувствовалось мной впервые тогда, въ этомъ дрянномъ кладбищенскомъ амбарѣ, что театръ, дѣйствительно, есть храмина, и сила смѣха благодѣтельна и божественна, а званіе истиннаго артиста высоко и назидательно!!.

Модестъ Ильичъ умолкъ, видимо, сильно взволнованный.

Правовѣдъ-прокуроръ покрутилъ свои надушенные усы и торжествующе оглядѣлъ присутствующихъ.

— Разсказъ почтеннѣйшаго Модеста Ильича такого рода, что споръ нашъ, я полагаю, исчерпывается самъ собой... Скажите, пожалуйста, — обратился онъ къ разсказчику—и больше вы не видѣли потомъ никого изъ монастырской братіи?

— Нѣтъ, мы строго сдержали наше слово и въ тотъ же вечеръ выѣхали изъ города... Впрочемъ, виноватъ, чуть не забылъ, разсказать самое главное!.. Передъ самымъ отъѣздомъ, Блажевичъ былъ въ монастырѣ у всенощной и отслужилъ, по обѣщанію, молебенъ у раки преподобнаго. Нѣкоторые монахи, видимо, его узнали и исподлобья любопытствующе оглядывали, но все же столь строго держали себя, какъ будто ничего въ полночь не приключилось. Зато, по окончаніи молебна, когда Блажевичъ приложился къ святымъ мощамъ и подошелъ подъ благословеніе старца-іеромонаха, про-

изошло нѣчто непредвидѣнное. Старецъ троекратно его благословилъ и, проникновенно воззрившись на него, изрекъ многозначительно:

— „Памятуй, сынъ мой, въ сердцѣ своемъ Полуночнаго Ревизора и благоустрояй душевный градъ свой, ибо никто не вѣдаетъ ни дня, ни часа, егда Онъ возгрядетъ взыскать содѣянное! Всѣ мы — смиренные работнички на нивѣ Божіей, и на разныхъ путяхъ земныхъ служимъ единой славѣ Творца Нашего Небеснаго!!...“

— Гм.... позвольте, „душевный градъ“... да, вѣдь, это же чисто гоголевская идея?—съ видомъ знатока замѣтилъ юный судья.—Вотъ, никогда бы не подумалъ, что простой монахъ могъ такъ тонко постигнуть Гоголя!

Лица всѣхъ сдѣлались вдругъ серьезными, и серьезнѣе другихъ казался пожилой студентъ: какъ-то такъ случилось, что за занятіемъ съ юности политикой онъ совсѣмъ не успѣлъ познакомиться съ Гоголемъ. Хозяйка дома громко вздохнула.

— Это прямо невѣроятно, что вы намъ сейчасъ разсказали... Право, если бы это разсказывали не вы, Модестъ Ильичъ, я бы ни за что не повѣрила!

Модестъ Ильичъ чуть-чуть нахмурился.

— Я самъ бы, пожалуй, не повѣрилъ... если бы не имѣлъ удовольствія самолично участвовать въ этомъ самомъ необыкновенномъ спектаклѣ.

— Простите за вопросъ,—вмѣшался начинающій литераторъ, заинтересованный разсказомъ ближе другихъ,—кого вы тогда изображали въ этомъ полночномъ Ревизорѣ?

— Вотъ, это, пожалуй, будетъ самое невѣроятное! Угадайте... кого? Лекаря „Христіана Ивановича“.

Литераторъ, видимо, былъ озадаченъ...

— Того самаго, что по Гоголевской ремаркѣ произноситъ: „всего только одинъ звукъ, похожій на букву *и*?“

Трагикъ благодушно улыбнулся.

— Того самаго, что произноситъ „всего только одинъ звукъ, похожій на букву *и*“!

И всѣмъ вдругъ сдѣлалось немного смѣшно, глядя на грузную, величественную фигуру отставного трагика, напоминавшую своими живописными сѣдыми космами отставного короля Лира. А глаза трагика, изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. глядѣли задумчиво и печально, точно передъ ними пронеслась въ этотъ мигъ вся его артистическая жизнь, начиная съ „Христіана Ивановича“, произносившаго на сценѣ всего одинъ звукъ... до послѣдняго появленія на ней—прощальнаго бенефиса въ „Королѣ Лирѣ“—съ бурными овaціями, цвѣтами, слезами, маханіями платками...

За разговоромъ никто не замѣтилъ, какъ взошла луна, и теперь знакомый дачный уголокъ принялъ совсѣмъ фантастическій видъ... Тянущіяся на другомъ берегу дачи казались въ дымкѣ тумана точно вырѣзанными изъ черной бумаги, напоминая очертаніями силуетъ горнаго хребта .. Громыхавшая черезъ сосѣдній мостъ конка отражалась въ зеркалѣ Невы блуждающими огнями; а скользившіе въ темнотѣ пароходы походили на сказочныхъ драконовъ съ зелеными, желтыми и красными глазами...

Какъ-то невольно всѣ примолкли, и задумчиво стали смотрѣть на притаившійся за облакомъ мѣсяцъ, на красавицу Неву, на полукруглую площадку дачнаго цвѣтника, на которой дрожали узорчатыя тѣни, причудливыя и загадочныя, какъ линіи человѣческой жизни...

IX.

Гоголевскіе дни въ Москвѣ.

(Изъ московскаго дневника).

I.

20—23 Февраля 1902 г.

Будь я иностранецъ и попади случайно въ Москву 21 февраля 1902 г., я былъ бы до крайности озадаченъ, если-бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что въ сей день Москва—„сердце Россіи“—чествуетъ одного изъ своихъ величайшихъ сыновъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ любомъ европейскомъ городѣ, въ подобные дни національнаго чествованія, мѣняется не только физіономія обывателя, но также и физіономія улицы: отъ книгопродавца до послѣдняго кондитера всѣ стараются другъ передъ другомъ какъ бы удачнѣе и остроумнѣе увѣнчать въ витринахъ своихъ магазиновъ память своего знаменитаго соотечественника. Не то пока у насъ: очевидно, мы пока еще нѐ доросли до такого „національнаго охвата“ и въ дни знаменательныхъ событій радуемся и печалимся робкими, замкнутыми кучками... Къ стыду Москвы, въ священную, для памяти каждаго русскаго человѣка, пятидесятилѣтнюю годовщину смерти Николая Гоголя, она ни мало не измѣнила своей обычной масленичной физіономіи. Въ витринахъ богатѣйшихъ магазиновъ на Тверской, Петровкѣ

и Кузнецкомъ ни намека на знаменательный день. Если московская индустрія ничѣмъ не проявила себя въ юбилейномъ отношеніи — то, казалось бы книжные магазины, бойко торгующіе, подъ юбилейную руку, сочиненіями Гоголя и книгами, ему посвященными, могли бы оказать прибыльному автору подобающую честь?.. Ничуть не бывало! Только два писчебумажные иностранца—Даціаро и Аванцо — выставили, по сосѣдству съ портретами Льва Толстого, Максима Горькаго и Шаляпина, бюсты Гоголя (впрочемъ, безъ всякихъ украшеній), а г.г. русскіе книготорговцы ограничились будничной книжной выставкой. Что же до Гоголевской юбилейной выставки, намѣченной къ окрытію 21 февраля, то готова она будетъ, какъ оказывается, лишь на второй недѣлѣ великаго поста; но за то обѣщаетъ быть обильной и интересной...

Нѣкоторую путаницу въ программу чествованія также внесло предполагавшееся сначала совмѣстное чествованіе памяти Гоголя и Жуковскаго. Самое смѣшеніе на одномъ юбилейномъ блюдѣ двухъ писательскихъ разнохарактерностей можетъ повести къ довольно страннымъ крайностямъ, что и случилось, между прочимъ, на ученическомъ спектаклѣ второй московской гимназіи, совмѣстившемъ сцены изъ „Орлеанской Дѣвы“ со сценами изъ „Мертвыхъ Душъ“. Уже одно то неестественное обстоятельство, что разомъ являются два центра тяжести, мѣшаетъ должному сосредоточенію и создаетъ въ толпѣ совершенно нежелательное въ такомъ случаѣ психическое раздвоеніе. Нынѣ оффиціальное чествованіе памяти В. А. Жуковскаго отдѣлено и отнесено на 23 апрѣля; но нѣтъ сомнѣнія, что эта первоначальная юбилейная двойственность отозвалась косвенно на гоголевскомъ торжествѣ.

Когда, утромъ, 21 февраля я проснулся въ Москвѣ,

мнѣ невольно пришла на память классическая гоголевская фраза: „Сегодняшній день — есть день величайшаго торжества!“ Увы къ вечеру того же дня эта фраза звучала для меня тою же горькой ироніей, которой она отдаетъ въ устахъ гоголевскаго героя: величайшее, въ своей сущности, торжество вышло на дѣлѣ до нельзя мизернымъ, досадно приниженнымъ и придавленнымъ, нисколько не напоминая собою трогательнѣйшаго національнаго событія...

Заупокойная обѣдня уже началась, когда я подъѣзжалъ къ воротамъ Данилова монастыря, и я былъ въ большой тревогѣ, наивно воображая про себя, что, не взирая на пропускной думскій билетъ, не проберусь, за скопленіемъ народа, ни къ могилѣ Гоголя, ни въ церковь... Полнѣйшее разочарованіе! Близь воротъ скромная кучка саней, въ большинствѣ наемныхъ, у воротъ полиція. Вхожу на кладбище—никого, такъ таки ровно никого, если не считать десятка городовыхъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ въ этомъ царствѣ смерти для порядка надъ живыми. Плохо, думаю, мое дѣло,—значитъ въ соборѣ, гдѣ идетъ служба,— негдѣ яблоку упасть, и я едва ли что-либо увижу?.. Новое изумленіе! Въ обширномъ Троицкомъ соборѣ монастыря не только совершенно просторно, но не будь въ числѣ публики питомцевъ и питомокъ думскихъ начальныхъ училищъ, храмъ оказался бы до неприличія пустымъ... Посреди церкви, преосвященный Парѳеній, епископъ можайскій, архимандриты, іеромонахи и проч.—всѣ въ сверкающихъ бѣлыхъ ризахъ; служеніе внушительное, пѣніе умилительное. Впереди, на почетныхъ мѣстахъ, родственники Гоголя (С. В. Головня и семья Быковыхъ), ген.-л. А. А. Пушкинъ (сынъ поэта), московскій городской голова кн. В. Н. Голицынъ. Позади, въ очень умѣренномъ количествѣ, представители московской

профессуры, литературы и журналистики. Ни художниковъ, ни именитаго купечества что-то незамѣтно... По окончаніи литургіи, епископъ Парѳеній воздалъ хвалу Гоголю, какъ вѣрному сыну православной церкви, и затѣмъ началась панихида. Моментъ возглашенія вѣчной памяти „рабу Божію Николаю“ подѣйствовалъ на всѣхъ потрясающее, невольно вызывая на глаза слезы. Въ этотъ моментъ каждымъ, мало-мальски русскимъ, человѣкомъ какъ бы переживалась вся роковая душевная драма, унесшая Гоголя безвременно въ могилу... Но вотъ „вѣчная память“ пропѣта и всѣ присутствующіе, съ духовенствомъ во главѣ, направляются къ могилѣ Гоголя, на этотъ разъ украшенной пальмовыми вѣтвями и лаврами...

Могила Гоголя... О, какъ Москва должна бы дорожить этой великой могилой какъ ее беречь, какъ гордиться—гордиться, разумѣется, въ буквальномъ смыслѣ, но отнюдь не въ переносномъ! Въ самомъ дѣлѣ, сравните только, что дали Гоголю, въ итогѣ Москва и Петербургъ? Петербургъ далъ Пушкина и первый литературный успѣхъ. А Москва?.. Отца Матвѣя.. и раннюю могилу!! Эти горькія мысли какъ разъ смутили меня въ ту самую минуту, когда началась литія надъ могилой. Вдобавокъ, одно совсѣмъ маленькое обстоятельство невольно помѣшало должному благоговѣйному сосредоточенію. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ небольшой толпою малышей городскихъ школъ я очутился позади памятника Гоголю, въ узкомъ проходѣ между могилой и монастырскимъ флигелемъ, почти притиснутый къ стѣнѣ флигеля. И вотъ, въ самомъ началѣ молитвословія, протискивается позади меня къ подъѣзду флигеля какой-то старичекъ монахъ, видимо досадуя на толпу, занявшую проходъ. Естественно все мое вниманіе устремлено въ такой напряженный

моментъ на то, что происходитъ у могилы Гоголя, и я не имѣю ни малѣйшей охоты двинуться съ мѣста. Но монашекъ вынимаетъ изъ кармана рясы ключъ отъ флигеля и упорно подбирается къ двери...

— Батюшка, обождите минуту, теперь не время! — шепчу я ему.

— Это ужъ мое дѣло... время теперь или не время!! — обидчиво шамкаетъ монашекъ, толкаетъ меня, щелкаетъ ключемъ и скрывается во флигелѣ подъ пѣніе вѣчной памяти.

Какая злая иронія — не правда ли? Инокъ Данилова монастыря, живущій въ келіи насупротивъ могилы Гоголя и, въ то же время, совершенно равнодушный и къ памяти своего знаменитаго сосѣда, и къ торжественному чествованію, происходящему на его могилѣ!.. Впрочемъ, относительно торжественности чествованія я долженъ оговориться. Въ общемъ, народу около могилы набралось не болѣе, чѣмъ на какихъ нибудь купеческихъ похоронахъ. Наконецъ, здѣсь отсутствовала молодежь, та чуткая студенческая молодежь, которая нѣкогда первая разнесла по Москвѣ славу Гоголя, а теперь бы подхватила, конечно, дружнымъ могучимъ хоромъ и разнесла по кладбищу „вѣчную память“ своему великому учителю.

Литія окончена. Никакихъ рѣчей. Подходятъ депутаціи и молча кладутъ вѣнки на надгробіе. Въ большинствѣ, все знакомыя лица: предсѣдатель общества любителей россійской словесности А. Н. Веселовскій, предсѣдатель общества русскихъ драматическихъ писателей И. В. Шпажинскій, кн. А. И. Сумбатовъ (артистъ Южинъ), и друг. Вскорѣ могила Гоголя исчезаетъ подъ грудой пышныхъ громоздкихъ вѣнковъ. Нельзя не отмѣтить, при этомъ, одной трогательной черты: возложенъ также изящный вѣнокъ на

могилу незабвеннаго труженика россійской словесности Н. С. Тихонравова съ признательной надписью: „Образцовому редактору сочиненій Гоголя Н. С. Тихонравову общество любителей россійской словесности“.

Смотрю на часы — четверть перваго? Въ два часа торжественное засѣданіе въ актовомъ залѣ университета, и надо поспѣть заблаговременно. У самаго выхода сталкиваюсь съ жизнерадостной парой: юнкеръ съ синимъ околышемъ, и съ нимъ подъ руку двѣ барышни—всѣ трое спѣшатъ къ могилѣ Гоголя въ такомъ развеселомъ настроеніи, точно предстоитъ... не поклониться праху великомученика русской мысли, а выбрать кавалера для мазурки. Богъ съ ними!..

У воротъ небольшая толпа сѣраго люда съ недоумѣннымъ видомъ, оглядывающая отъѣзжающихъ господъ. Спрашиваю перваго попавшагося парня въ оборванномъ армякѣ съ обликомъ добродушнаго теленка.

— Знаешь, по какому случаю столько здѣсь народа?

Парень недоумѣнно чешетъ затылокъ.

— А кто ихъ знаетъ? Сказываютъ севодни какому-то господину Гоголеву сорокоустъ справляютъ!..

Нечего дѣлать, беру извозчика и съ угнетеннымъ чувствомъ, по дорогѣ „почти безлюдной“, слѣдую въ обратный путь... А погода точно на заказъ: день умѣренно морозный, ослѣпительно солнечный, на небѣ ни облачка!...

Два часа пополудни. Стильный актовый залъ московскаго университета переполненъ. На эстрадѣ члены общества любителей россійской словесности и профессора московскаго университета съ ректоромъ и предсѣдателемъ „общества“ во главѣ. Въ партерѣ простые смертные. Фраки, бѣлые галстуки, мундиры; но парадныхъ дамскихъ туалетовъ почти не замѣтно. Надъ ораторской каѳедрой высится бюстъ Гоголя, обрамленный вѣнкомъ.

Первымъ говоритъ ректоръ университета А. А. Тихомировъ. Говоритъ онъ довольно тихо, но назначеніе его рѣчи довольно ясно: оно касается соблюденія „христіанскаго долга“ въ стѣнахъ московскаго университета, ставя образцомъ такого примѣрнаго поведенія почетнаго члена университета Н. В. Гоголя... Жидкой морали почтеннаго оратора жидко похлопали — и затѣмъ за каѳедрой появляется А. Н. Веселовскій. Рѣчь Веселовскаго, по обыкновенію красивая по формѣ, произносится съ эффектомъ испытаннаго оратора. Ораторъ призывалъ присутствующихъ къ благодарному гимну нашему великому сатирику и привелъ въ началѣ эпизодъ изъ жизни Гоголя, бывшаго очевидцемъ въ Парижѣ трогательнаго чествованія Мольера—и этотъ мимоходный примѣръ парижскаго чествованія невольно прозвучалъ въ залѣ, какъ глубоко горькій упрекъ по адресу гг. москвичей. Веселовскому много и горячо аплодируютъ, и онъ уступаетъ мѣсто кн. В. М. Голицыну, московскому городскому головѣ. Голова говоритъ сухо и глухо, и я съ трудомъ улавливаю въ чемъ суть. Суть, впрочемъ, заключалась въ томъ, какъ мнѣ потомъ пояснили, что „благовѣющая къ памяти Гоголя Москва“ рѣшила въ честь Гоголя назвать двѣ школы его именемъ и прибить къ дому, гдѣ онъ скончался, мраморную доску... Признаюсь, мнѣ, не москвичу, показалось довольно страннымъ, что „благоговѣющая къ памяти Гоголя Москва“, въ лицѣ ея городской думы, не додумалась совершить послѣдній актъ къ самому юбилейному дню... а также не позаботилась оградить священное мѣсто его успокоенія въ Даниловомъ монастырѣ приличной рѣшеткой... Это отсутствіе какой либо ограды около могилы Гоголя — положительный позоръ для сытой богатѣющей Москвы, имѣющей рѣдкую честь хранить въ своихъ стѣнахъ драгоцѣнный прахъ геніальнаго

писателя!... Да и не „какую-нибудь“ ограду тутъ надо, а выдающейся, тонко художественной работы, въ своемъ родѣ образецъ архитектурнаго искусства — образецъ, на который слѣдовало, не мѣшкая, назначить такой же конкурсъ, какой устроенъ на памятникъ Гоголю!!..

Замечтавшись на минуту, я не замѣтилъ какъ взошелъ на каѳедру В. И. Шенрокъ, приступившій къ чтенію своего реферата о текстѣ „Мертвыхъ Душъ“, реферата въ высшей степени содержательнаго, хотя по формѣ нѣсколько тяжелаго для московскихъ желудковъ, обѣдающихъ часомъ ранѣе петербургскихъ. Провожаютъ В. И. Шенрока очень тепло, хотя, откровенно вамъ сказать, я ожидалъ... Сказать ли вамъ откровенно, чего я ожидалъ? Я ожидалъ, что В. И. Шенрока не только проводятъ горячими аплодисментами, но прямо встрѣтятъ его появленіе за каѳедрой настоящей оваціей. Послѣ Кулиша и Тихонравова никто столько не сдѣлалъ для памяти Гоголя, какъ В. И. Шенрокъ! Подумайте только: скромный, вѣчно занятой учитель гимназіи, онъ совершилъ героически-кропотливый трудъ редактированія съ мельчайшими комментаріями всѣхъ писемъ Гоголя — феноменальный трудъ, который въ пору развѣ какому-нибудь завѣдомому ученому, вполнѣ обезпеченному академику. Я считаю Владиміра Ивановича Шенрока, по всей справедливости, героемъ Гоголевскихъ дней — и отсутствіе признательной овацiи лишній разъ доказываетъ отсутствіе у насъ умѣнія цѣнить при жизни самоотверженныхъ тружениковъ русскаго слова.

Затѣмъ... позвольте, что затѣмъ было? Еще оставалось три номера программы. В. А. Крыловъ прочиталъ стихотвореніе П. И. Вейнберга „Смѣхъ“, написанное П. И. пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Не знаю почему, но мнѣ сдѣла-

лось какъ то грустно, что ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ (а ихъ ли у насъ непочатый край!) не отозвался заблаговременно на торжество. Почтенному П. И., разумѣется, реклама, но за то русскимъ поэтамъ, выражаясь стихомъ А. Толстого: — „ой срама, великая срама!!“.

Затѣмъ всталъ А. Н. Веселовскій и сообщилъ о присутствіи въ залѣ пяти членовъ семьи Гоголя. Симъ пяти членамъ, какъ и слѣдовало ожидать, устроена была сочувственная демонстрація, хотя надо было искренно пожалѣть, что среди родственниковъ Гоголя отсутствовалъ самый почтенный членъ, т. е. находящаяся въ живыхъ, еще совсѣмъ бодрая старушка, — родная сестра Гоголя—Ольга Васильевна Головня. Овація, въ заключеніе, прерывается пѣніемъ „Славы“ студенческимъ хоромъ:

„Слава, слава, Гоголю великому,
Слава!
Слава, слава свѣтлому генію,
Слава!
Слава, слава правды поборнику,
Слава!
Слава, слава порока гонителю,
Слава!
Слава, слава слову свободному,
Слава!
Слава, слава смѣху благородному,
Слава!
Слава, слава Гоголю великому
Слава!!!

На этотъ разъ новые искреннѣе и оглушительнѣйшіе аплодисменты, вызывающіе повтореніе кантаты. Въ результатѣ это былъ самый трогательный моментъ, и этотъ молодой хоръ, помѣщавшійся не на эстрадѣ, а тѣснившійся среди публики, заразилъ всѣхъ своей молодой прочувствованностью. Въ груди потеплѣло и просвѣтлѣло, сердце замерло въ ка-

комъ то сладостномъ волненіи и изъ глазъ побѣжали умиленныя слезы. Ахъ молодежь, молодежь—какой настоящій праздникъ можетъ выйти безъ молодежи!!

Вечеръ знаменательнаго дня я провелъ въ театрѣ Корша на юбилейномъ спектаклѣ „въ память Гоголя“, какъ значилось на афишѣ,—будничной, тоненькой Коршевской афишѣ, не украшенной ни виньеткой, ни портретомъ Гоголя (какая бѣдность, подумаешь для стараго театра, дѣлающаго такія прекрасныя дѣла!!). Я намѣренно направился въ театръ Корша, ибо по праздничнымъ днямъ тамъ собирается купеческая и ремесленная Москва, такъ называемая средняя публика, а видѣть и наблюдать въ партерѣ Императорскаго театра тѣхъ же лицъ, какихъ только что видѣлъ въ залѣ университета, не представляло интереса...

На юбилейный спектакль я явился по юбилейному, т. е. во фракѣ, и былъ до крайности сконфуженъ, такъ какъ кромѣ меня и актера, читавшаго на сценѣ стихи передъ бюстомъ Гоголя, не было въ театрѣ ни фраковъ ни мундировъ, несмотря на то, что театръ былъ набитъ биткомъ. Суть здѣсь, разумѣется, не во фракѣ, который самъ по себѣ довольно уродливое явленіе, а въ отношеніи къ событію... Не угодно ли—какъ разъ наканунѣ, въ вагонѣ, я прочелъ въ „Московскомъ Листкѣ“ высокоторжественное объявленіе объ обѣдѣ въ Большой Московской гостинницѣ: „Обѣдъ Gala. Пять руб. съ персоны. При семъ, меню „по франц.“, а въ антрактахъ — оркестръ неаполитанскихъ мандолинистовъ“.—А внизу анонса: „Гг. мужчинъ просятъ быть во фракахъ и смокингахъ“!..

А развѣ, спрашивается, юбилей великаго Гоголя не „вечеръ Gala“ въ своемъ родѣ??... О, иноземствующая Москва, какъ она, матушка, „подурнѣла“ за послѣднее время!..

Утромъ у Корша шелъ „Ревизоръ“; а вечеромъ: „Же-

нитьба“, „Тяжба“ и „Собачкинъ“. Исполненіе было, что называется, среднее, какъ разъ по плечу той средней публики, которая собралась въ театръ и которая сопровождала исполненіе тѣми дѣтско-радостными, наивно-неожиданными взрывами смѣха, которые свидѣтельствовали, что добрая половина публики видѣла пьесы Гоголя въ первый разъ.

По окончаніи спектакля—антрактъ и затѣмъ апоѳеозъ. Но, Боже мой, какой жалкій апоѳеозъ!.. Въ глубинѣ сцены бюстъ Гоголя, а вокругъ и около артисты труппы Корша, загримированные Гоголевскими типами. Артистъ Остужевъ читаетъ юбилейное стихотвореніе сочиненіе г. Потресова-Яблоновскаго, къ счастью, не длинное, ибо иначе, „Гоголевскіе типы“ не выдержали бы паузы и вышли бы изъ своихъ юбилейныхъ позицій. Музыка играетъ, электричество сіяетъ, публика гулко аплодируетъ. Занавѣсъ нѣсколько разъ поднимаютъ.. Изъ публики, кое-кто инстинктивно встаетъ, добрыя-же три четверти продолжаютъ преспокойно сидѣть... Аплодисменты не смолкаютъ, вызываютъ Корша.. Изъ-за занавѣса показывается маленькая фигурка Корша въ домашнемъ пиджакѣ и умиленно раскланивается. Вотъ и все. Ни цвѣтовъ, ни лавровъ, ни малѣйшаго признака художественной изобрѣтательности или антрепренерской щедрости! Совсѣмъ точно въ грошевомъ театрикѣ какого-нибудь уѣзднаго городка...

Кстати сказать, передъ апоѳеозомъ Гоголя, оркестръ театра Корша сыгралъ маршъ изъ „Пророка“ и этимъ какъ-бы символизировалъ смыслъ событія — напоминая, съ одной стороны, о Гоголѣ, какъ о своего рода пророкѣ, а съ другой — также о томъ... что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ!!..

Москва.
23 февраля 1902 г.

X.

На Гоголевской выставкѣ.

(Изъ московскаго дневника).

II.

Москва, 26 марта 1902 года.

Прошло уже болѣе мѣсяца съ перваго юбилейнаго дня, а Гоголевская выставка все еще не можетъ считаться вполнѣ сформированной—каталога еще нѣтъ, и вещи изъ разныхъ мѣстъ все еще продолжаютъ прибывать... Какъ разъ, при мнѣ, была доставлена на выставку величайшая драгоцѣнность—маска Гоголя, снятая съ покойнаго извѣстнымъ Рамазановымъ. Это удивительная маска и своей глубокой выразительностью производитъ прямо потрясающее впечатлѣніе!.. Докторъ Тарасенковъ, авторъ извѣстныхъ записокъ о послѣднихъ дняхъ Н. В. Гоголя, видѣвшій Гоголя спустя два часа по его кончинѣ, свидѣтельствуетъ, „что лицо умершаго выражало не страданіе, а спокойствіе, ясную мысль, унесенную съ собою за гробъ“. И дуновеніе этой таинственной мысли живо и трогательно отпечатлѣно на Рамазановскомъ подлинникѣ. (Въ копіи маски, которая имѣется въ Театральномъ музеѣ А. А. Бахрушина, это выраженіе оттѣнено уже тусклѣе). Кстати привести здѣсь

собственныя слова Рамазанова о снятіи означенной маски, вечеромъ 21 февраля 1852 г.: „Я взошелъ по парадной лѣстницѣ въ верхніе покои, гдѣ въ совершенной темнотѣ ходилъ по комнатамъ хозяинъ дома *), и на вопросъ: „гдѣ Н. В. Гоголь“? онъ отвѣтилъ, указывая обратно на лѣстницу: „тамъ, внизу“. Когда я подошелъ къ тѣлу Гоголя, онъ не казался мнѣ мертвымъ. Улыбка рта и не совсѣмъ закрытый правый глазъ его породили во мнѣ мысль о летаргическомъ снѣ, такъ что я не вдругъ рѣшился снять маску; но приготовленный гробъ, въ который должны были положить въ тотъ же вечеръ его тѣло, наконецъ, безпрестанно прибывавшая толпа желавшихъ проститься съ дорогимъ покойникомъ, заставили меня и моего старика формовщика, указывавшаго на слѣды разрушенія, поспѣшить снятіемъ маски, послѣ чего съ слугою, мальчикомъ Гоголя, мы очистили лицо и волосы отъ алебастра и закрыли правый глазъ, который при всѣхъ нашихъ усиліяхъ казалось хотѣлъ еще глядѣть на здѣшній міръ, тогда какъ душа умершаго была далеко отъ земли“. („Историч. Вѣст., февраль 1902 г.“).

На „Жуковско-Гоголевской выставкѣ“ маска эта помѣщена въ общей витринѣ, рядомъ съ малиновымъ плюшевымъ жилетомъ Гоголя, его тѣльнымъ крестомъ, заграничнымъ паспортомъ, часами съ цѣпочкой и медальономъ съ двумя прядями волосъ Гоголя. Но такая драгоцѣнность требуетъ, по моему, болѣе почтенной обстановки, т. е. отдѣльной витрины, вродѣ той, въ которой, въ футлярѣ изъ чернаго бархата, покоилась на Пушкинской петербургской выставкѣ маска Пушкина.

---

*) Графъ А. П. Толстой.

Что дѣлать, — надо сказать правду — декоративной эффектностью и тонкимъ вкусомъ въ размѣщеніи вещей выставка похвастаться не можетъ. Разумѣется, живописный художественный безпорядокъ имѣетъ свои таинственные эффекты, но здѣсь безпорядокъ далеко не живописный и не художественный. Вдобавокъ, отсутствіе каталога оставляетъ невольный безпорядокъ въ вашей собственной головѣ. Даже, при близкомъ знакомствѣ съ Гоголевской литературой, приходится путаться и, по справкѣ у устроителей выставки, нѣсколько разъ возвращаться къ одному и тому же мѣсту. Это дѣлаетъ путешествіе по выставкѣ до нельзя утомительнымъ и тоскливымъ—психически испытываешь то же впечатлѣніе, какъ при посѣщеніи заброшеннаго деревенскаго кладбища, на которомъ намогильные памятники, частью изъ христіанскаго смиренія, частью изъ простой экономіи, лишены надписей...

Вотъ, напримѣръ, у одного изъ оконъ, помѣщенъ, безъ ограды и ярлыка, маленькій потертый чемоданчикъ изъ черной кожи, мимо котораго рѣдкіе посѣтители выставки проходятъ совершенно равнодушно, видимо, недоумѣвая, что это за чемоданъ—Гоголя, Жуковскаго или, быть можетъ, просто нераспакованный чемоданъ съ новоприбывшими на выставку вещами. А, между тѣмъ, этотъ жалкій чемоданчикъ своего рода знаменитость—такъ сказать, символъ писательской бѣдности Гоголя, тотъ самый вѣрный спутникъ, съ которымъ онъ не разставался въ своихъ послѣднихъ заграничныхъ путешествіяхъ и о которомъ онъ даже упоминаетъ, какъ о близкомъ другѣ въ письмѣ къ Сергѣю Тимофѣевичу Аксакову: „У меня давно все мое состояніе—самый крохотный чемоданчикъ и четыре пары бѣлья“! (Въ томъ же неопредѣленномъ положеніи находится писательская кон-

торка Гоголя, доставленная его родственниками изъ Васильевки).

Идемте далѣе...

Большой масляный портретъ: мужчина въ красномъ халатѣ съ растегнутымъ воротомъ рубашки и сытымъ бабьимъ лицомъ. Лицо вовсе не интересное и легко могло бы быть обойдено; а между тѣмъ это портретъ П. И. Кривцова, начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ, того самаго вліятельнаго Кривцова, у котораго Гоголь такъ усердно добивался, черезъ В. А. Жуковскаго, получить мѣсто конференцъ-секретаря: „Здѣсь я даже могу быть полезнымъ, я рѣшительно безполезный во всемъ прочемъ“!— пишетъ Гоголь Жуковскому: — „А ужъ для меня то навѣрно это будетъ полезно, потому что тогда мнѣ, можетъ быть, дадутъ рублей 1,000 сер. жалованья. О, сколько бы это удалило отъ меня черныхъ и смущающихъ мыслей! И почему же, когда всѣ что-нибудь выигрываютъ по службѣ, одному мнѣ, горемыкѣ, отказано? Еслибъ это исполнилось, я бы былъ человѣкъ счастливѣйшій въ мірѣ, не потому, что досталъ средство пропитанія,—чортъ съ нимъ! я бы за свое пропитаніе гроша не далъ, еслибы зналъ, что существованіе мое протащится безъ дѣла, —но потому, что я возвращу тогда себѣ себя. Я усталъ совершенно подъ бременемъ доселѣ не слегавшихъ съ меня вотъ уже годъ слишкомъ самыхъ тягостныхъ хлопотъ. Теперь надежда оживила меня, я чувствую готовность на трудъ, даже не знаю — что-то въ родѣ вдохновенія, давно небывалаго, начинаетъ шевелиться во мнѣ. О, еслибъ теперь спокойствія и уединенія!“ Какъ разъ подъ портретомъ Кривцова повѣшена небольшая масляная картина: „Гостинная у Кривцовыхъ“ очень живо переносящая въ обстановку того времени.

А вотъ, неподалеку, портретъ всемогущаго графа С. С. Уварова, просительныя письма къ которому Гоголя, письма, выжатыя писательской бѣдностью и недугомъ, рѣшительно нельзя читать безъ слезъ: „Все мое имущество и состояніе заключено въ трудѣ моемъ“, — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ своемъ къ графу:—„Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, пересиливалъ, сколько могъ, свои болѣзненные недуги, въ надеждѣ, что когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники преклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій русскій принести своей отчизнѣ. Я думалъ, что получу скорѣе ободреніе и помощь отъ правительства, доселѣ благородно ободрявшаго всѣ благородные порывы, и что же?..“ ...Неужели и вы не будете тронуты, моимъ положеніемъ? Подумайте! я не предпринимаю дерзости просить воспомоществованія и милости, я прошу правосудія, я своего прошу: у меня отнимаютъ мой единственный, мой послѣдній кусокъ хлѣба...“ „Почемъ знать, (добавляетъ онъ въ концѣ) можетъ быть, несмотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства!..“

Какъ грустно—странно звучитъ нынѣ, спустя полвѣка, это смиренное „почемъ знать“!..

Поди, припомни, безъ объяснительнаго каталога, всѣ эти подробности?.. А какая богатая животрепещущая иллюстрація всѣ эти портреты къ письмамъ Гоголя—они какъ бы заставляютъ оживать, между строкъ, и самыя лица, и обстановку, и минувшую эпоху... Донельзя прискорбно, если выставка, въ ея характерныхъ образчикахъ, не будетъ увѣковѣчена иллюстрированнымъ альбомомъ—безъ него, по

закрытіи выставки, добрая половина живыхъ комментаріевъ къ перепискѣ Гоголя пропадетъ безслѣдно.

Да вотъ вамъ примѣръ подъ рукой... На выставкѣ есть превосходная акварель-миніатюра, изображающая Е. Г. Черткову. Если вы перелистали внимательно первый томъ писемъ Гоголя (изданіе Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока), вы, конечно, обратили вниманіе на дружбу Гоголя съ Е. Г. и оригинальное юмористическое признаніе ей Гоголя въ этой дружбѣ: „Наша дружба священна“,—свидѣтельствуетъ Гоголь:—„Она началась на днѣ тавлинки. Тамъ встрѣтились наши носы и почувствовали братское расположеніе другъ къ другу, несмотря на видимое несходство ихъ характеровъ... Какая страшная разница! только между городомъ Римомъ и городомъ Клиномъ можетъ существовать подобная разница. Впрочемъ, несмотря на смѣшную физіономію, мой носъ очень добрая скотина: не здергивался никогда кверху или къ потолку, не чихалъ въ угожденіе начальникамъ и начальству—словомъ, несмотря на свою непомѣрность, велъ себя очень умѣренно, за что безъ сомнѣнія, попалъ въ либералы“, и т. д.—Теперь перейдемте къ витринѣ съ акварельнымъ портретомъ Чертковой. Портретъ изображаетъ даму не первой молодости, съ умнымъ мужскимъ лицомъ, въ очкахъ и съ красной греческой феской на головѣ. Черное бархатное платье опушено горностаемъ и у серебрянаго кавказскаго пояса, на цѣпочкѣ, изящный рожокъ для нюхательнаго табака. Какъ видите, портретъ безъ строкъ Гоголя и строки Гоголя безъ портрета теряютъ одинаково другъ безъ друга.

Такихъ оригинальныхъ и рѣдкихъ портретовъ на выставкѣ не мало... Есть, между прочимъ, очень любопытный портретъ поэта Боратынскаго, изъ коллекціи извѣстнаго

библіографа Ефремова. Поэтъ живописно задрапированъ въ плащъ, выраженіе лица непривѣтное, чисто Сальеревское— въ общемъ, наружность сродная тому гриму, который дѣлаетъ себѣ Шаляпинъ, изображая Сальери въ оперѣ „Моцартъ и Сальери“. Какъ рѣзкую противоположность судьбѣ Боратынскаго, нельзя не указать на другую замѣчательность— карандашный портретъ поэта Веневитинова въ гробу, этого почти геніальнаго мальчика, такъ безжалостно похищеннаго смертью.

Есть рѣдкій портретъ М. И. Глинки, доставленный А. А. Бахрушинымъ изъ его извѣстнаго музея (хотя въ его коллекціи есть еще болѣе рѣдкій акварельный портретъ М. И.) Есть два чудесные портрета кисти Брюлова: Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ (акварель) и большой масляный портретъ, изображающій графа М. Ю. Віельегорскаго въ красномъ халатѣ, съ віолончелью. По сосѣдству, небольшой портретъ Анны Михайловны Віельегорской, той самой, за которую такъ усердно сватался Гоголь—сватовство, какъ извѣстно окончившееся полной неудачей. (Гоголю, какъ говорятъ, довольно безцеремонно намекнули на то разстояніе, которое существуетъ между бѣднымъ русскимъ писателемъ, хотя и знаменитымъ, и родовитый графской семьей!). Дама съ кавалеромъ, подошедшая при мнѣ на выставкѣ къ означенному портрету, довольно остроумно замѣтила, что она, на мѣстѣ Віельегорской, непремѣнно дала бы свое согласіе, но съ непремѣннымъ условіемъ: „окончить сначала второй томъ Мертвыхъ душъ“. Богъ вѣсть, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, женитьба спасла бы Гоголя.. и вмѣстѣ его второй томъ, хотя, по увѣренію одного московскаго библіографа, Гоголь сватался цѣлыхъ 12 разъ и столько же разъ получалъ отказъ. — Есть очень интересный портретъ А. О. Смирновой въ

восточномъ костюмѣ, съ гитарой. Рѣзко бросается въ глаза большой масляный портретъ отца Матвѣя Константиновскаго. О. Матвѣй изображенъ въ черной рясѣ, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ хмурымъ отталкивающимъ взглядомъ. Неподалеку — двѣ сонныя ханжеватыя физіономіи: графъ А. П. Толстой и его супруга. Кстати сказать, послѣдняя страничка недавно вышедшей брошюрки Гиляровскаго о Гоголѣ даетъ нѣкоторое понятіе о той подавляющей мертвящей обстановкѣ, въ которой суждено было Гоголю провести послѣдніе дни. Къ отцу Матвѣю и графу Толстому можно присоединить безъ большой натяжки губительную компанію докторовъ, доканавшихъ Гоголя. Къ сожалѣнію, есть фотографія Овера и Иноземцева и отсутствуетъ изображеіе главнаго инквизитора Клименкова. Рядомъ съ ними невольно выдѣляется характерная физіономія доктора Тарасенкова, выгодно подчеркивая эту гуманную, чуткую личность...

Портреты самого Гоголя представлены въ достаточномъ количествѣ. Очень оригиналенъ, между прочимъ, портретъ Гоголя, сдѣланный Боклевскимъ въ Римѣ—на немъ Гоголь совсѣмъ итальянецъ, франтоватый, моложавый, бодрый, какимъ онъ должно быть и былъ въ Италіи, очарованный ея красотами и обновленный ея климатомъ... Зато цѣлая серія проектовъ памятника Гоголю, загромождающихъ залы выставки, изображаютъ Гоголя такимъ, какимъ онъ никогда не былъ. Удивительные, въ самомъ дѣлѣ, есть проекты! Есть, напримѣръ, Гоголь въ видѣ подвыпившаго купчика, Гоголь въ видѣ сумасшедшаго, Гоголь въ видѣ больного нѣмца, въ видѣ поэта-дикадента и, наконецъ, даже въ видѣ нахохлившейся хищной птицы... Надо отдать справедливость—подробности памятниковъ, какъ то: фонари, лѣстницы, скамейки выполнены недурно — но нѣтъ ни одного, на которомъ бы Гоголь походилъ на Гоголя!!.

Что до В. А. Жуковскаго, то ему удѣлено сравнительно меньше вниманія—подчеркиваю *сравнительно*— потому, что количество здѣсь значительно выкупается качествомъ. Чудесные портреты Жуковскаго и его жены, прелестные виды села Мишенскаго Тульской губерніи—мѣсторожденія Жуковскаго,—наконецъ, въ изобиліи изящные рисунки самаго Жуковскаго... Разумѣется, есть портретъ предмета его несчастной любви—Маріи Андреевны Мойеръ. Невольно вспоминатся глубоко прочувствованныя строфы, вызванныя ея кончиной:

„Ты предо мною
Стояла тихо;
Твой взоръ унылый
Былъ полнъ чувства...
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ,—
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ!!".

Тутъ-же акварельный снимокъ съ ея могилы и ея любимая шкатулка съ портретомъ Жуковскаго. Въ той-же витринѣ помѣщенъ рисунокъ Лермонтова „Видъ Кавказа" и карандашный рисунокъ самого великаго Гете, изображающій уголокъ рыбачьяго поселка, подаренный Жуковскому лично авторомъ. Особенно характеренъ, по моему, небольшой акварельный портретъ Жуковскаго, работы Рейтерна, изображающій В. А. у окна въ мечтательной позѣ. Въ немъ какъ-бы вылился весь Жуковскій съ его поэтическимъ девизомъ:

„Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли"...

А когда вспомнишь, сколькимъ людямъ оказалъ этотъ добрый человѣкъ свою поддержку—невольно умиляешься и застаиваешься передъ этимъ тонко-прочувствованнымъ изображеніемъ!.. Подумайте только: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Баратынскій, Кольцовъ, Батюшковъ, Козловъ, наконецъ

выкупъ изъ неволи поэта Шевченко — и это еще все-ли?.. Ахъ, еслибъ было побольше такихъ „Жуковскимъ сердцемъ“ легче-бы жилось и русскому литератору, и бѣдной русской литературѣ!! Одно его воспитаніе Наслѣдника Престола, будущаго Императора Александра II, — это уже такая необъятная заслуга, которой одной довольно, чтобы увѣковѣчить дорогое имя Жуковскаго въ потомствѣ. Трогательно видѣть на выставкѣ, кромѣ многихъ портретовъ Александра II въ разные годы, иллюстраціи, изображающія будущаго Царя-Освободителя, совмѣстно со своимъ учителемъ-вдохновителемъ и невольно вспоминаются, глядя на нихъ, слова Жуковскаго о благѣ Россіи, почти тѣ-же, что, спустя четверть вѣка, почти дословно повторилъ Достоевскій: „Нѣтъ, Россіи, для ея блага, для ея истиннаго величія не нужно внѣшняго ослѣпительнаго великолѣпія, ей нужно внутренее, неблистательное, но строго постоянное національное развитіе“ (изъ письма къ Великому Князю Константину Николаевичу). И какъ-бы въ унисонъ своей мысли, онъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: „Одинъ строгій порядокъ, вслѣдствіе коего все на своемъ мѣстѣ, еще не составляетъ благоденствія общественнаго... При порядкѣ должна быть жизнь. Порядокъ есть и на кладбищѣ, и тамъ его ничто не нарушаетъ, но это порядокъ гробовъ. Чтобы было въ государствѣ благоденствіе, необходимо нужно, чтобъ все, что составляетъ жизнь души человѣческой, цвѣло безъ всякаго утѣсненія“...

Повторяю, выставка очень обильна и, перечитывая наброски моего перваго впечатлѣнія, вижу, что многое забылъ отмѣтить...

Въ комнатѣ Жуковскаго помѣщенъ, напримѣръ, изящный мозаичный бюваръ, подаренный въ Ниццѣ Гоголю дружеской складчиной Віельегорскихъ, Соллогубовъ и Смирновой

и преподнесенный Гоголемъ, въ свою очередь супругѣ, Жуковскаго. Въ Гоголевской витринѣ—рѣдкій экземпляръ „Ревизора“ доставленный на выставку извѣстнымъ московскимъ артистомъ Станиславскимъ. На первой страницѣ надпись рукою Гоголя: „Моему доброму и безцѣнному Михаилу Семеновичу Щепкину отъ Гоголя“... Обращаетъ также вниманіе на себя снимокъ съ образа Спасителя (изъ фотографическаго альбома полтавскаго фотографа Хмелевскаго) образъ, который Гоголь добылъ въ Италіи и постоянно возилъ съ собою... Нельзя пройти трехъ типичныхъ женскихъ портретовъ: большой пріятельницы и молитвенницы Гоголя—старушки Шереметевой, княгини В. Н. Репиной и извѣстной писателницы Зонтагъ; ниже въ сосѣдней витринѣ еще двѣ добрыя сочувственницы Гоголя: граціозная, какъ фея, Зинаида Волконская и классическая головка, напоминающая мадонну Боттичелли,—М. П. Балабина; наконецъ полный комплектъ близкихъ друзей Гоголя: Аксаковъ, Погодинъ, Плетневъ, Хомяковъ, Максимовичъ, Данилевскій, братья Кирѣевскіе, и т. д. Грѣшно было-бы не отмѣтить, въ этой сочувственной группѣ, вдумчивую и благодушную физіономію грека Димитрія Бернадаки. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, этотъ Бернадаки, богатый откупщикъ по положенію, очень умный, хотя и безъ образованія, былъ единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, который считалъ Гоголя геніальнымъ писателемъ и знакомство съ нимъ ставилъ себѣ за высокую честь. (Онъ же при случаѣ сильно выручилъ Гоголя въ трудную минуту).

Не мало также интересныхъ рисунковъ и иллюстрацій. Рѣдкій карандашный портретъ, сдѣланный съ натуры, изображающій Гоголя въ гробу, доставленный на выставку издателемъ „Нивы“ Марксомъ, а также интересная юмористическая иллюстраціи подъ названіемъ „Шествіе во храмъ славы“, гдѣ Гоголь изо-

браженъ, заснувшимъ на второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ (Кто могъ знать, что эта штука обратится въ такую горькую пронію!...) Изъ числа оригинальныхъ рисунковъ должно отмѣтить замѣчательную коллекцію, принадлежащую карандашу поэта Шевченка и перу извѣстнаго художника диллетанта Дмитріева Мамонова. Есть двѣ витрины съ автографами Жуковскаго и Гоголя — причемъ, нельзя не отмѣтить, какъ курьезъ, надъ послѣдней витриной,—портретъ П. Д. Боборыкина, писателя весьма почтеннаго, но неимѣющаго ничего общаго съ художническимъ пріемомъ гоголевскаго творчерства. Множество иллюстрацій къ произведеніямъ Гоголя, отмѣченныхъ именами Агина, Боклевскаго, Трутовскаго, Маковскаго и друг. На первомъ мѣстѣ, по всей справедливости, слѣдуетъ поставить рисунки Агина къ „Мертвымъ душамъ“,—остальные художники болѣе или менѣе благополучно его повторяютъ. Совсѣмъ нѣтъ иллюстрацій къ петербургскимъ повѣстямъ Гоголя, если не считать старинныхъ литографій, относящихся къ „Портрету“ и „Носу“.

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить, что душой гоголевской выставки, ея иниціаторомъ и устроителемъ является, какъ и въ недавніе юбилейные пушкинскіе дни, многопочтеннѣйшій Андрей Евдокимовичъ Носъ. Если выставка и запоздала безбожно, то москвичи утѣшаются, что все равно безъ Носа не было бы, вовсе, никакой выставки. Странно, однако, что въ настоящемъ случаѣ какъ бы совершенно упускается изъ вида поучительнѣйшая исторія гоголевскаго Маіора Ковалева!!.

Осмотрѣвъ, по мѣрѣ возможности, во всѣхъ подробностяхъ, Гоголевскую выставку—было бы непростительно не подняться наверхъ, въ библіотеку Историческаго музея и не заглянуть на другую маленькую выставку, посвященную па-

мяти другого великаго человѣка, того самого, что по мѣткому слову Ореста Миллера, вышелъ непосредственно изъ Гоголевской „Шинели“, т. е. Ѳедора Михайловича Достоевскаго!..

Создался этотъ музей усердіемъ супруги покойнаго, Анны Григорьевны Достоевской и, въ настоящее время, занимаетъ угловую башенку Историческаго музея, рядомъ съ читальнымъ заломъ — немного тѣсная, но такая уютная, съ такимъ вкусомъ и любовью созданная сокровищница...

На первомъ мѣстѣ, въ отдѣльной витринѣ, маска Достоевскаго, снятаго съ покойнаго извѣстнымъ скульпторомъ Бернштамомъ. Ему же принадлежитъ выразительный бюстъ писателя, возвышающійся позади исторической витрины. Не меньшее впечатлѣніе,—если не большее—производитъ бюстъ Достоевскаго, работы Лаврецкаго, эффектно установленный, на самомъ верху, надъ входомъ въ хранилище. Среди портретовъ Достоевскаго, снятыхъ въ разные годы, обращаетъ особенное вниманіе рѣдкій портретъ, изображающей Ѳ. М. въ прапорщицьемъ мундирѣ, снятый съ Достоевскаго въ бытность его въ Сибири, въ г. Семипалатинскѣ, въ 1858 году. Тутъ же, возлѣ, въ витринѣ, тоже рѣдкость своего рода—номеръ „Полицейскихъ Вѣдомостэй , съ полнымъ текстомъ приговора по дѣлу Петрашевскаго.

Разумѣется, есть фотографіи родителей Достоевскаго и его братьевъ; но почему то отсутствуютъ изображенія первой и второй супруги Ѳедора Михайловича...

Зато, тщательно собраны немногія реликвіи уцѣлѣвшія послѣ покойнаго: ручка съ перомъ, которой постоянно писалъ Достоевскій, коробочка для перьевъ, очки съ футляромъ, портсигаръ съ недокуренными папиросами, бронзовая пепельница и звонокъ въ видѣ пудовика... На письменномъ столѣ Достоевскаго—его чернилица и пара подсвѣчниковъ, то и другое въ античномъ стилѣ...

Огромный интересъ представляетъ находящіеся по сосѣдству рукописи „Братьевъ Карамазовыхъ“ и „Дневника писателя“. Кромѣ того, два большихъ книжныхъ шкафа (одинъ изъ кабинета Достоевскаго) переполнены книгами на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, посвященныхъ разбору произведеній Достоевскаго; тутъ почти вся литература о Достоевскомъ, — неисчерпаемый и незамѣнимый кладъ для библіографа.

Фотографія петербургскаго дома, гдѣ Ѳ. М. жилъ и умеръ, видъ Маріинской московской больницы, гдѣ онъ родился (и гдѣ нѣтъ до сихъ поръ соотвѣтствующей событію памятной доски), снимки съ его кабинета, его дачи въ Старой Руссѣ и т. д —дополняютъ украшеніе этого драгоцѣннаго уголка...

И, покидая его, мнѣ невольно подумалось—отчего въ грандіозномъ помѣщеніи Историческаго музея только одинъ такой литературный уголокъ—счастливый оазисъ, всецѣло обязанный своимъ возникновеніемъ единоличной женской энергіи—и, неужели сосѣдняя обильная выставка, въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, не послужитъ благимъ поводомъ къ созданію новыхъ двухъ литературно-историческихъ уголковъ?

Какъ извѣстно, въ одной изъ залъ Историческаго музея хранится священное перо —перо, которымъ Императоръ Александръ Второй подписалъ знаменитый освободительный Манифестъ. Да позволено будетъ думать, что труженики русскаго слова и мысли, предшествовавшіе и споспѣшествовавшіе означенному Царскому росчерку, имѣютъ также право на почетныя мѣста въ обширныхъ стѣнахъ Историческаго музея!

Москва, Апрѣль 1902 г.

XI.

Итоги Гоголевскаго юбилея.

(Изъ московскаго дневника).

III.

Съ Гоголевскимъ юбилеемъ, въ итогѣ, вышло нѣчто очень странное, почти невиданное въ литературныхъ лѣтописяхъ!

Первые, такъ сказать, побѣги Гоголевскаго юбилея показались въ самомъ началѣ февраля, оффиціально отмѣченъ онъ былъ 21 числа того же мѣсяца, а затѣмъ, съ разными прихотливыми перерывами, растянулся на три слишкомъ мѣсяца..: Та же нескладная исторія повторилась и въ С.-Петербургѣ, гдѣ два юбилейныхъ спектакля въ память Гоголя отодвинулись почему-то на конецъ апрѣля. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что при такой обломовской юбилейной системѣ, общество наше было болѣе „развлечено“, чѣмъ „увлечено“, и лѣниво тянувшаяся вереница академическихъ, педагогическихъ и драматическихъ торжествъ, подавляя наблюдателя количествомъ, уступала въ качествѣ любимому маленькому нѣмецкому юбилею какого-нибудь второстепеннаго нѣмецкаго поэта или музыканта. Словомъ было „чествованіе“, но не было „празднованія“, т. е. не было главнаго—не было

общественнаго охвата и проникновенія важностью и трогательностью событія!!...

Въ Москвѣ, напримѣръ, гдѣ, какъ извѣстно, завязался юбилейный узелъ, развязывался онъ до крайности медленно, неряшливо и безтолково. Самый день 21 февраля, какъ я уже поминалъ, прошелъ обидно холодно. Интереснѣйшая и поучительнѣйшая подробность Гоголевскаго юбилея—„Гоголевская выставка“—открыла свои двери чуть ли не спустя мѣсяцъ послѣ юбилейнаго дня; вдобавокъ, каталогъ выставки появился въ свѣтъ незадолго до ея закрытія, а о фотографическомъ альбомѣ выставки появились свѣдѣнія въ газетахъ какъ разъ когда о Гоголевскомъ юбилѣе стали забывать... Нельзя, конечно, не отдать должной дани энергіи предсѣдателя общества любителей россійской словесности Алексѣя Веселовскаго, благодаря которому памяти Гоголя была посвящена, въ разное время, добрая полдюжина публичныхъ засѣданій при участіи какъ профессоровъ и ученыхъ, такъ равно драматическихъ артистовъ, пѣвцовъ и музыкантовъ. Но нельзя при этомъ не подчеркнуть съ сожалѣніемъ, что самое интересное, по общему отзыву, засѣданіе, собравшее эстраду свѣтилъ провинціальной профессуры, состоялось опять-таки спустя мѣсяцъ слишкомъ послѣ юбилейнаго дня, когда юбилейная волна отхлынула, а наиболѣе горячіе поклонники, съѣхавшіеся спеціально на Гоголевскій юбилей и выставку, давно разъѣхались по разнымъ медвѣжьимъ угламъ. Рѣчь, на этомъ засѣданіи, профессора харьковскаго университета Д. Н. Овсянико-Куликовскаго чуть ли не единственное оригинальное слово о Гоголѣ, огласившее стѣны московскаго университета, и весьма естественно, что ея авторъ оказался единственнымъ юбилейнымъ ораторомъ, которому публика устроила шумную и искреннюю овацію. Въ своей рѣчи Овсянико-

Куликовскій мѣтко подчеркиваетъ: „Что, съ одной стороны, Гоголь обнаруживаетъ стихійную привязанность великаго художника къ своему отечеству и живя въ Римѣ, ни о чемъ не можетъ писать и думать, какъ о Россіи; а, съ другой стороны, находясь въ Россіи, онъ считаетъ свое существованіе въ ней нестерпимымъ, невыносимымъ. Это не было недовольствомъ общественнаго дѣятеля существовавшими тогда порядками въ Россіи, такъ какъ Гоголь былъ чуждъ всякихъ политическихъ стремленій. Это представляетъ чисто личную, индивидуальную его особенность. Какъ же объяснить такое противорѣчіе, такую странность въ психической природѣ Гоголя? Когда человѣкъ находитъ себѣ надлежащее мѣсто въ окружающей средѣ или ему кажется, что онъ нашелъ такое мѣсто, то онъ испытываетъ чувство удовлетворенія, то внутреннее чувство, которое можно назвать сознаніемъ своей „общественной стоимости“. Важно, чтобы человѣкъ чувствовалъ, что въ той средѣ, въ которой онъ хочетъ существовать, онъ не отдѣленъ, не изолированъ отъ другихъ, а связанъ психическими узами съ этимъ обществомъ и играетъ въ немъ извѣстную роль, — тогда онъ чувствуетъ удовлетвореніе, чувствуетъ *осуществленіе своей общественной стоимости*. Если же это чувство не удовлетворено, не найдена возможность осуществленія своей „общественной стоимости», то ничто не спасетъ такого человѣка, и при такихъ условіяхъ создается почва для самоубійствъ, къ которымъ многіе прибѣгаютъ, какъ единственному выходу изъ противорѣчій своей внутренней жизни. И геній не спасетъ отъ тяжелаго чувства неудовлетворенности, когда человѣкъ находитъ, что „не осуществляется его общественная стоимость“, когда, помимо своего призванія и оцѣнки въ отдаленномъ будущемъ его значенія и

вліянія, онъ не видитъ, чѣмъ нужно жить сейчасъ, какъ теперь быть *психически сытымъ*, гдѣ взять въ данный моментъ насущный хлѣбъ... И Гоголь особенно въ послѣдніе годы своей жизни, долго искалъ этого насущнаго хлѣба— сознанія осуществленія своей общественной стоимости"!...

И—добавимъ отъ себя—искалъ и не нашелъ, и его безвременная кончина является (будемъ наконецъ откровенны!) своего рода замаскированнымъ самоубійствомъ— жестокая разгадка душевной драмы Гоголя, подсказанная еще чуткимъ словомъ Тургенева, для полнаго освѣщенія которой требуется, разумѣется, самостоятельное изысканіе, а не пара бѣглыхъ мимоходныхъ строкъ... Возвращаюсь къ незадачѣ Гоголевскаго юбилея...

Какъ наибольшій успѣхъ имѣло засѣданіе, отмѣченное участіемъ провинціальныхъ профессоровъ, такъ равно и нѣкоторые провинціальные города въ искренности Гоголевскаго чествованія ушли далеко впередъ Москвы и Петербурга. Къ такимъ городамъ между прочимъ можно отнести Томскъ, Харьковъ и Нѣжинъ. Особенно цѣльное и свѣтлое впечатлѣніе производитъ Гоголевское празднество въ маленькомъ Нѣжинѣ—давнемъ свидѣтелѣ школьныхъ годовъ автора „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ". И торжественный въ полномъ смыслѣ актъ въ стѣнахъ нѣжинскаго института, и веселый спектакль въ народномъ домѣ, и безплатная Гоголевская выставка, и выпущенный къ юбилейному дню интереснѣйшій „Юбилейный Сборникъ"—все это дѣлаетъ большую честь нѣжинской Гоголевской комиссіи и служитъ вѣскимъ доказательствомъ умственнаго роста нашей провинціи!..

Если мы оставимъ въ сторонѣ школьныя торжества, возникшія на циркулярной почвѣ, по иниціативѣ начальства, и имѣвшія въ виду не столько самого Гоголя и подвигъ его

жизни, сколько такъ сказать педагогическій диктантъ съ избранныхъ страницъ изъ его сочиненій—плодъ коего разумѣется весь въ „будущемъ“ —должно признать, что въ „настоящемъ“—итогъ весьма неопредѣленный и мало утѣшительный. Въ реальномъ смыслѣ, напримѣръ, для памяти Гоголя пока еще ничего не сдѣлано... Могила Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ пребываетъ въ томъ же видѣ, въ какомъ была полвѣка тому назадъ и о почтительномъ огражденіи ея рѣшеткою что-то не слышно. Предполагалось прибить мраморную доску съ соотвѣтствующей надписью къ дому на Никитскомъ бульварѣ, гдѣ скончался Гоголь. Но до сихъ поръ доска не только не прибита, и какъ говорятъ, нынѣшняя владѣлица дома рѣшительно воспротивилась водруженію такой доски! (?) Наконецъ, памятникъ Гоголю, о коемъ сколько писано и переписано!... Сумма собрана на памятникъ, какъ извѣстно, вполнѣ достаточная, мѣсто, послѣ долгихъ пререканій, выбрано и, кстати сказать, вполнѣ неудачное—Арбатская площадь, мѣсто по шуму и людности, напоминающее нашъ уголъ Гороховой и Садовой ул. Но когда состоится постановка памятника... никто ничего не знаетъ!...

Толкнемся наугадъ, въ другіе художественные отдѣлы: въ сферу живописи и художественной промышленности... Увы, г-жа русская живопись осталась совершенно безучастной къ юбилею великаго русскаго человѣка, такъ много любившаго художниковъ и художество и давшаго въ своихъ произведеніяхъ такой богатый матеріалъ для мало-мальски отзывчиваго живописца—по крайней мѣрѣ, на многочисленныхъ весеннихъ выставкахъ не появилось ни одной картины, которая оживила бы такъ или иначе память о Гоголѣ. О мелкихъ иллюстраціяхъ къ юбилейнымъ изданіямъ Гоголя едва ли стоитъ много распространяться — они не пошли дальше

шаблона и, въ лучшемъ смыслѣ, повторили наброски талантливаго Агина... Остается, слѣдовательно, художественная промышленность. Гм... художественная промышленность! Ни для кого, я думаю, не секретъ, что этотъ тонкій родъ индустріи у насъ только въ зачаткѣ, и потому приходится здѣсь быть особенно снисходительнымъ... Минуя безвкусную серію открытыхъ писемъ съ портретами Гоголя и типами изъ „Мертвыхъ Душъ“, а также такія малопрактическія бездѣлушки, какъ булавки съ фарфоровой головкой съ изображеніемъ Гоголя и коробочки съ „перьями Гоголь“, или такія несъѣдобныя сладости какъ „карамель-Гоголь“ и „пряники-Ревизоръ“, останавливаюсь съ полнымъ художественнымъ удовлетвореніемъ на металлическихъ издѣліяхъ Каслинскаго завода Пермской губерніи. Какъ теперь оказывается, Каслинскій заводъ еще за долго до гоголевскаго юбилея, кромѣ бюстовъ Гоголя, выпустилъ цѣлыхъ пять художественныхъ фигуръ: Маниловъ, Плюшкинъ, Ноздревъ, Солоха и Чортъ. При цѣнѣ, сравнительно недорогой, исполненіе ихъ почти безукоризненное, отмѣченное изяществомъ и тонкой детальной отдѣлкой. Такія статуэтки, размѣромъ кабинетной фотографіи, прямо могутъ составить украшеніе любого кабинета и гостиной. Къ сожалѣнію, розыскать эти статуэтки намъ удалось лишь „послѣ юбилея“, въ одномъ маленькомъ петербургскомъ магазинчикѣ металлическихъ издѣлій: ни въ витринахъ московскихъ магазиновъ, ни на Гоголевской выставкѣ, онѣ почему то не появлялись и выписывались какъ оказывается, прямо съ завода.., исключительно иностранцами!.. Какъ видите, мы имѣемъ дѣло съ новымъ россійскимъ недоразумѣніемъ. Промышленная реклама, столь щедрая и изобрѣтательная для пропагандированія всякой декадентской нелѣпости, всякой пошлости и дребедени, какъ

разъ, когда ей выдалось сыграть благородную и многополезнѣйшую роль въ Гоголевскомъ юбилеѣ, запряталась застѣнчиво въ уголъ.

По счастью, московскіе и петербургскіе издатели сочиненій Гоголя не заразились примѣромъ каслинскихъ заводчиковъ и, пользуясь юбилейнымъ правомъ безвозмезднаго издательства, пропагандировали каждый свое изданіе, худое и хорошее, грубое и изящное, сѣренькое и роскошное, самымъ усиленнымъ образомъ. И, если принять во вниманіе, что такой третьестепенный книгопродавецъ какъ г. Панафидинъ отпечаталъ сочиненіе Гоголя въ количествѣ ста тысячъ экземпляровъ и пріобщить сюда книжныя фирмы А. Суворина, А. Маркса, И. Сытина, К. Тихомірова, „Народной Пользы“ и друг.—получится, въ итогѣ, слишкомъ полмилліона экземпляровъ сочиненій Гоголя, пущенныхъ въ умственное обращеніе русскаго народа. Особенно многополезную службу сослужитъ въ этой дорогой пропагандѣ грошевыя иллюстрированныя брошюрки... Это величайшій „плюсъ“ Гоголевскаго юбилея и, хотя подкладка этого „плюса“, чисто промышленная, духовные его результаты сторицею искупятъ издательскіе грѣхи!..

„Наука о Гоголѣ“, за помянутый юбилейный періодъ, также значительно подвинулась впередъ, и этотъ отрадный фактъ неменьшій плюсъ недавняго торжества. Русскіе литераторы честно сослужили свою литераторскую службу и, не взирая на явное равнодушіе современнаго общества къ интересамъ литературы и общее пониженіе художественнаго вкуса, горячо и дружно откликнулись на запросы возродившейся науки о Гоголѣ...

На первомъ мѣстѣ, разумѣется, приходится поставить грандіозный трудъ В. И. Шенрока „Письма Н. В. Гоголя“!

Этотъ трудъ явился какъ-бы первой доброй литературной ласточкой Гоголевскаго юбилея... И, затѣмъ, въ ея хвостѣ, потянулась пестрая вереница самостоятельныхъ изысканій и педагогическихъ компиляцій, книгъ и мелкихъ брошюръ, журнальныхъ статей и газетныхъ замѣтокъ... Стоячее библіографическое озеро точно взбаламутилось и неожиданно выбросило на берегъ всякую всячину, среди которой, въ кучѣ всякаго словеснаго хлама, обнаружились перлы огромной цѣнности — для того, разумѣется, кто страстно любитъ и изучаетъ Гоголя. Можно совершенно потеряться въ этомъ юбилейномъ бумажномъ ворохѣ, въ общемъ представляющемъ обильнѣйшій матеріалъ для литературы о Гоголѣ...

Иные газетные фельетоны, въ данномъ случаѣ, представляли выдающійся, отнюдь не газетный, а чисто библіографическій интересъ... Статьи А. С. Суворина (О болѣзни и смерти Гоголя) и В. И. Горленка (Гоголь и Иностранцы), въ „Нов. Вр.“; беллетриста Авсѣенко въ „Петерб. Газ.“ (О вліяніи на Гоголя славянофильскаго кружка) Дорошевича въ „Русск. Словѣ“ (Трагедія Гоголя) и Ясинскаго въ „Ежемѣсяч. сочин.“ („Тайна Гоголя“)—своего рода цѣнные вклады въ психологическую науку о Гоголѣ. А въ „Моск. Вѣд.“ даже объявился какой-то воронежскій іеромонахъ Михаилъ, давшій нелишенный интереса фельетонъ о Гоголѣ *).

О толстыхъ журналахъ и говорить нечего. Февральскія книги журналовъ за текущій годъ, съ „Историческимъ Вѣстникомъ“ во главѣ, прямо наводнены литературою о Гоголѣ. И въ этомъ библіографическомъ половодьѣ, выплыли на свѣтъ Божій совсѣмъ незнакомыя литературныя имена.

*) Съ этой именно статьи о Гоголѣ началась извѣстность злополучнаго духов. писателя Архимандрита Михаила.

Такъ, въ „Историч. Вѣстн.“ обратили на себя всеобщее вниманіе талантливыя изслѣдованія К. Михайлова и П. Щоголева. Въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась солидная работа Кочубинскаго „Будущимъ біографомъ Гоголя“, а въ „Русской Мысли“ интереснѣйшія научныя соображенія Н. Баженова по поводу болѣзни и смерти Гоголя... Изъ отдѣльныхъ изданій нельзя не отмѣтить фундаментальнаго, хотя и парадоксальнаго труда профессора гельсингфорскаго университета Мандельштама о языкѣ Гоголя („О характерѣ гоголевскаго стиля“). Выпущенныя наслѣдниками доктора Тарасенкова записи покойнаго „Послѣдніе дни жизни Гоголя“, значительно дополненъ по рукописи, а въ брошюрѣ В. Гиляровскаго“ На родинѣ Гоголя“, сообщаются на послѣднихъ страницахъ новые факты о пребываніи Гоголя въ домѣ графа А. П. Толстого. Даже такая незначительная изящная книжечка нѣкоего Aventino, „По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ“ — полна для поклонниковъ Гоголя живого интереса — и т. д., и т. д.

Это обиліе „юбилейнаго матеріала“ въ умѣлыхъ рукахъ окажется благодѣтельнымъ рефлекторомъ для безпристрастнаго освѣщенія личности Гоголя—что по отношенію къ Гоголю пріобрѣтаетъ особенную важность!..

Другое дѣло—Пушкинъ — онъ весь ясенъ, какъ солнечный день, и изученіе его, при всей массѣ труда, соединено съ нѣкоторой, такъ сказать, жизнерадостностью!.. — Гоголь, наоборотъ, —натура сложная, исполненная многаго множества психологическихъ извилинъ и завитковъ, такъ сказать, „пещерная натура» — и изученіе его, шагъ за шагомъ, въ особенности послѣдняго періода его жизни, сопряжено прямо съ страданіемъ... Недаромъ своей загадочной предсмертной болѣзнью, онъ сбилъ съ толка цѣлую ораву докторовъ и

даже болѣзнью какъ бы опередилъ на много лѣтъ самую медицинскую науку... Профессоръ томскаго университета Малиновскій, въ своей прекрасной рѣчи въ торжественномъ засѣданіи томскаго университета, очень вѣрно отмѣтилъ, что эта невыясненность подлиннаго облика Гоголя съ одной стороны, и скудость и односторонность біографическаго матеріала, съ другой, не могли не отразиться косвенно на самомъ чествованіи памяти великаго писателя.

Такимъ образомъ, по отношенію къ растянувшемуся Гоголевскому юбилею вполнѣ примѣнима русская пословица что „нѣтъ худа безъ добра“. Въ разное время, въ продолженіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ, дорогое имя Гоголя повторялось на всѣ лады съ профессорской кафедры, со сцены, на газетныхъ столбцахъ и на обложкахъ толстыхъ журналовъ, пестрѣло настойчиво на прилавкахъ и въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, и это должно было принести свою рекламную пользу, въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

Опытъ Пушкинскаго юбилея показалъ намъ, что признаніе и увѣнчаніе заслугъ русскаго великаго писателя переживаетъ три послѣдовательныхъ фазиса. Первый фазисъ, такъ сказать, „эстетическій“, когда небольшая кучка поклонниковъ писателя, придравшись къ пятидесятилѣтію со дня появленія въ свѣтъ одного изъ выдающихся его произведеній, устраиваетъ скромное чествованіе его памяти къ удивленію и нерѣдко, недоумѣнію большинства остальной публики (такъ это было съ пятидесятилѣтіемъ „Бориса Годунова“ и затѣмъ „Ревизора“). Затѣмъ слѣдуетъ фазисъ „педагогическій“, совпадающій по обыкновенію съ пятидесятилѣтіемъ со дня смерти писателя и безвозмезднымъ правомъ изданія его сочиненій. Удешевленная книга великаго человѣка идетъ въ школу и въ народъ. Это, выражаясь медицинскимъ сло-

гомъ, какъ бы „періодъ всасыванія“. И вотъ, къ столѣтію со дня рожденія писателя, къ чествованію его уже пріобщается народная масса и наступаетъ заключительный, третій фазисъ: „демократическій“..

Будемъ ждать и надѣяться, что недалеко то просвѣщенное время, когда чествованіе русскаго писателя, минуя помянутыя подготовительныя стадіи, сольется въ единый, единодушно-національный праздникъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Пока что, постараемся достойно приготовиться къ послѣднему сроку Гоголевскаго юбилея, т. е. къ столѣтію со дня его рожденія.

Помилуй Богъ, 19 марта 1909 года не за горами!..

Москва, май 1902 г.

Примѣчанія.

I.

Первое представленіе „Женитьбы“ на Александринской сценѣ*).

(*Стран. 3*).

Мнѣ невольно вспоминается по этому поводу разсказъ моего покойнаго дѣда, барона В. К. Клодта, (брата извѣстнаго скульптора), присутствовавшаго на первомъ представленіи Гоголевской „Женитьбы“ въ ложѣ своего родственника, извѣстнаго Н. И. Греча. По его словамъ, послѣ перваго дѣйствія комедіи, въ ложу вошелъ Булгаринъ въ крайне возбужденномъ состояніи и демонстративно громко воскликнулъ:

— Это изъ рукъ вонъ... представлять этакую мерзость публично!.. Тфу!!

И онъ нѣсколько разъ энергически плюнулъ.

Дѣдъ подтверждаетъ, что кромѣ Булгарина и многіе другіе изъ публики плевались при нѣкоторыхъ „реальныхъ“ словечкахъ пьесы. Большинство, привыкшее къ высокопарному языку трагедіи Полевого и Кукольника было прямо шокировано такой рѣзкой натуральностью разговора. Одна молодежь верховъ принимала „Женитьбу“ съ шумной восторженностью, что, конечно, не могло тогда спасти пьесу.

Дѣдъ мой,—въ то время молодой артиллерійскій офицеръ,—былъ великій почитатель Гоголя, и излишне добавлять, какъ все это его тогда смутило и огорчило („Женитьбу“ тогда, какъ извѣстно, дали всего шесть разъ и затѣмъ безцеремонно сняли съ репертуара Императорскихъ театровъ.

---

*) Въ Декабрѣ 1842 г. въ бенефисъ Сосницкаго.

II.

Другъ Гоголя.

(*Стр. 66*) *).

1) Живущій въ настоящее время въ Скиту Оптиной Пустыни, на покоѣ, О. Игуменъ Ѳеодосій, лично знавшій покойнаго о. Порфирія (Петра Александровича Григорова), передалъ о немъ, между прочимъ, нижеслѣдующее (разсказанное ему самимъ о. Порфиріемъ).

1. Въ 1830 году артиллерійская часть, въ которой состоялъ на службѣ офицеромъ Петръ Александровичъ Григоровъ, была расквартирована въ г. Воронежѣ. Военная молодежъ вела шумную, веселую жизнь. Самъ П. А. Григоровъ, (въ то время еще нерелигіозный) вполнѣ отдавался этой жизни. Офицерская молодежь, для веселаго провожденія времени, собиралась часто въ отдѣльномъ помѣщеніи магазина одного Воронежскаго торговца. Однажды въ веселую и гулящую ихъ компанію явился съ хозяиномъ магазина извѣстный въ то время въ г. Воронежѣ юродивый. На общія шутки и насмѣшки надъ юродивымъ, въ которыхъ особенно вольно участвовалъ Григоровъ и отчасти даже обижалъ юродиваго, сей, снявъ съ себя крестъ и, со словами:

*) Выдержки изъ двухъ писемъ ко мнѣ Оптинскаго инока О. Е—а. Письма относятся къ 1901 г.

„самъ скоро будешь монахомъ и защитникомъ монашествующихъ“, — надѣлъ его на Григорова.

Съ возложеніемъ на Григорова юродивымъ креста онъ почувствовалъ какъ бы пробѣжавшую по немъ дрожь, а затѣмъ въ немъ произошла перемѣна душевнаго настроенія — напала тоска, и онъ нѣкоторое послѣдовавшее за симъ время принужденъ оставить былъ служебныя занятія. Въ такомъ его душевномъ состояніи, сочувствующая ему хозяйка дома, для разогнанія тоски, посовѣтовала съѣздить въ г. Задонскъ къ мощамъ, а также побывать у Задонскаго затворника Георгія, который былъ изъ военнаго званія. При дальнѣйшихъ распросахъ Григоровымъ хозяйки о затворникѣ онъ узналъ, что имя и фамилія его — Георгій Машуринъ — напоминаетъ его хорошаго и близкаго товарища по военной службѣ Георгія Александровича Машурина.

Отправившись затѣмъ въ г. Задонскъ и прибывши въ сей городъ онъ распрашивалъ подробно о затворникѣ Георгіѣ и убѣдившись, что затворникъ сей есть дѣйствительно его бывшій товарищъ по службѣ Г. А. Машуринъ, — Григоровъ, несмотря на разсказы, что затворникъ уже нѣсколько лѣтъ никого къ себѣ не принимаетъ, отправился къ нему въ Богородицкій Задонскій монастырь, говоря, что „онъ меня приметъ“.

Прибывъ въ Задонскій монастырь Григоровъ вмѣстѣ съ о. игуменомъ отправился къ кельѣ затворника Георгія, гдѣ только послѣ 3-й вопросительной молитвы о. игумена, изъ глубины кельи услышалъ, гробовымъ голосомъ произнесенное, отвѣтное „Аминь“ о. Георгія.

На заявленіе о. игумена, что о. Георгія желаетъ видѣть бывшій его сослуживецъ П. А. Григоровъ, затворникъ повышеннымъ голосомъ переспросилъ это и, получивъ под-

твержденіе отъ самого Петра Александровича о семъ,—отворилъ свою дверь. Рѣзкая перемѣна во внѣшности затворника,—то что онъ зналъ прежде и что теперь представилось его глазамъ—произвело чрезвычайное впечатлѣніе на Петра Александровича.

О. Георгій, попросивъ прощенія у о. игумена, сказалъ, что онъ желаетъ остаться съ Петромъ Александровичемъ наединѣ, попросилъ, чтобы подали чаю, сахару и самоваръ, чего передъ тѣмъ у затворника нѣсколько лѣтъ не бывало въ кельѣ.

Затворившись въ кельѣ, о. Георгій и Петръ Александровичъ бесѣдовали долго; во время бесѣды Петръ Александровичъ прослезился и просился къ о. Георгію въ келейники. Въ просьбѣ этой о. Георгій—не отказалъ, но совѣтовалъ предварительно испытать себя и отъ мірскаго отвыкать.

Въ скоромъ затѣмъ времени, П. А. Григоровъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ военной службы въ отставку и, получивъ таковую, пріѣхалъ въ Задонскій Богородскій монастырь къ о. Георгію, къ коему и поступилъ келейникомъ. Спустя 4 года, по совѣту о. Георгія, перешелъ въ Оптину Пустынь, гдѣ въ то время уже былъ извѣстный Старецъ Іеросхимонахъ Леонидъ.

---

2) 1851 года Марта 15, въ Четвертокъ, по полуночи, въ половинѣ 4 часа въ началѣ утрени скончался монахъ Порфирій Григоровъ, на 45 году отъ роду, до постриженія имя его было Петръ Александровичъ, изъ отставныхъ Конной Артиллеріи Подпоручикъ. Родомъ происходилъ изъ Елецкихъ столб. Дворянъ, Орловской губерніи; воспитывался въ 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ; находился на службѣ въ 23-й Конно-Батарейной ротѣ съ 1825 г., Апрѣля, а съ 1827 г. Мая 1-го состоялъ Бригаднымъ адъютантомъ при Конно-

Артил. Бригадѣ 2-й Драгунской дивизіи. Въ 1830 году выбылъ въ отставку.

Супружествомъ не обязывался, но убѣдившись въ непостоянности міра суеты, удалился въ Задонскій Богородицкій монастырь подъ руководство въ духовной мон. жизни Затворника Георгія (Георгія Алексѣевича Машурина) въ 1832 г.; а имѣніе свое находившееся въ разныхъ губерніяхъ до 200 душъ подарилъ двумъ роднымъ сестрамъ (Кутузовой и Игнатіевой), нѣкоторыхъ же отпустилъ на волю. (О. Порфирій. съ меньшимъ братомъ и 4 сестрами осиротѣли еще въ малолѣтствѣ и находились подъ опекою дяди). Изъ Задонскаго монастыря, отъ народнаго шума, стекавшагося къ почивающимъ мощамъ Св. Тихона, Отецъ Порфирій съ совѣта затворника поступилъ въ скитъ сей Оптиной пустыни 1834 г., Іюня 1-го подъ руководство старца Іеросхимонаха Льва; а въ 1837 г., по волѣ Калужскаго Архипастыря, изъ скита перешелъ въ обитель. Въ 1836 г. постриженъ въ малый образъ монашества, (Рясофоръ), но отъ постриженія въ мантію отказывался, сознавая себя не приготовленнымъ еще къ понесенію трудовъ по иноческимъ обѣтамъ. Наконецъ рѣшился и постриженъ въ мантію 1850 г., Іюля 25-го въ Скитской Церкви предъ Литургіею о. игуменомъ Моисеемъ и нареченъ Порфиріемъ, отъ Евангелія порученъ старцу Іеромонаху Амвросію, въ Скиту. Съ 1837 г., О. Порфирій занимался собраніемъ рукописей и изданіемъ въ печать, — и при жизни успѣлъ отпечатать: «Письма Задонскаго Затворника Георгія Машурина съ жизнеописаніемъ: Схимонаха Ѳеодора, Старца и настоятеля Санаксарской Обители Ѳеодора Ушакова, Петра Алексѣевича Мичурина, Монаха и Пустынножителя Василиска, и прочія назидательныя для монашествующихъ статьи.

Для этого О. Порфирій отправлялся въ Москву въ 1837, 1838, 1840, 1845 и 1849 годахъ... проживалъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ и Сергіевской Лаврѣ; удостоился личнаго Архипастырскаго Благоволенія Московскаго Митрополита Филарета, Намѣстника Лавры Архимандрита Антонія, Академіи Профессора и Цензора Ѳеодора Александров. Голубинскаго и другихъ многихъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ, такъ же за представленныя въ 2-й Кадетскій Корпусъ (гдѣ онъ воспитывался), изданныхъ имъ книгъ Затворника 10 экземпляровъ, объявлено О. Порфирію Указомъ чрезъ Калужск. Духовн. Консисторію ВЫСОЧАЙШАЯ благодарность (Указъ отъ 20 Марта 1840 г., № 1509—въ Оптину). Заслужилъ уваженіе у многихъ духовныхъ и свѣтскихъ Особъ; щедростію и веселымъ характеромъ умѣлъ привязывать къ себѣ всякаго. Росту О. Порфирій былъ небольшого, волосы темнорусые, брада кратка, благообразенъ. Во всякое время готовъ былъ всякому дѣлать помощь въ нужныхъ дѣлахъ ходатайствомъ или другимъ способомъ. Насталъ Мартъ 1851 г., послѣднее время его жизни. Съ 5-го ч. О. Порфирій почувствовалъ отъ холоднаго питья боль въ горлѣ, но по обыкновенію пренебрегъ, надѣясь на свою крѣпость преодолѣть безъ лѣченія, чрезъ это въ 5-ть дней болѣзнь перешла въ свальную горячку, кашель-катарръ, такъ что Козельскій лѣкарь, близкій другъ О. Порфирія, Иванъ Львовичъ Плетперъ въ послѣдніе 5 дней истощилъ все достоин. искусства своего въ пособіи, но не могъ и послѣ горько плакалъ, не ожидая—чтобъ могла случиться смерть О. Порфирію,—который предчувствовалъ и даже положительно говорилъ, что напрасны старанія Г. Плетнера; „мнѣ должно, говорилъ О. Порфирій, умереть въ этой болѣзни, между 14 и 17 числ.“—и это повторялъ

онъ до смерти своей въ совершенной памяти. 12 числа, по исповѣди, пріобщился Св. Таинъ, 13 особоровался и паки пріобщился Св. Таинъ, прощался искренно со всѣми, 14-го тоже пріобщался и говорилъ, что завтра умретъ (изъ словъ О. Порфирія и нѣкотор, обстоятельствъ замѣчено было, что ему было извѣщеніе въ болѣзни о близкой смерти; но какъ было, не извѣстно), потребовалъ присланную того-жъ 14 ч. отъ Затворника Иларіона изъ Лебедяни рубашку, и надѣлъ на себя. 15 числа—по полуночи въ 3 часу, въ чистой памяти пріобщился Св. Христов. Таинъ, говорилъ свободно, но чувствовалъ сильное изнеможеніе отъ боли, и черезъ нѣсколько минутъ по пріобщеніи Св. Таинъ, во время чтенія отходной тихо скончался; въ 3 часа три-кратные удары въ большой колоколъ возвѣстили братіи о отшествіи Отца Порфирія въ вѣчность.—Никому невѣрилось. 17-го въ Субботу по Литургіи позднѣй о. игуменъ Моисей соборно совершилъ погребеніе тѣла противъ Введенскаго Собора Сѣверной паперти. Такъ Отецъ Порфирій Григоровъ, мало пожилъ, но многое претерпѣлъ на свою долю горестей: въ юности чрезъ лишеніе родителей, въ возрастѣ чрезъ разныя непостоянныя обстоятельства, и послѣ сего уснулъ сномъ непробуднымъ до послѣдней трубы Архангела!..

Вѣчная память!!!...

III.

Бесѣда съ современникомъ о. Матвѣя Константиновскаго.

(Изъ записной книжки).

(Стр. 92).

Странную, очень странную бесѣду имѣлъ я минувшимъ лѣтомъ съ однимъ почтеннымъ пастыремъ церкви въ городѣ Твери!...

Но предварительно долженъ объяснить какимъ образомъ попалъ я къ этому почтенному пастырю...

Дни „Гоголевскаго юбилея“ я проводилъ въ Москвѣ и, среди обильнаго юбилейно-газетнаго вороха, натолкнулся на маленькую мимоходную замѣтку о воспоминаніяхъ протеіерея Ѳ. Образцова объ о. Матвѣѣ, появившихся въ Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Командированный минувшимъ лѣтомъ Министромъ Финансовъ для обозрѣнія народныхъ театровъ, я на обратномъ пути заѣхалъ въ Тверь, розыскалъ драгоцѣнный номеръ Епархіальныхъ Вѣдомостей и, кстати-же, рѣшилъ лично повидать почтеннаго автора воспоминаній—нынѣ настоятеля Покровской церкви въ Твери—протоіерея Ѳедора Ивановича Образцова.

По счастью, почтенный пастырь оказался дома; онъ только что вернулся, какъ мнѣ сказали, изъ засѣданія въ Тверской Консисторіи...

На встрѣчу ко мнѣ выходитъ высокій, сѣдой, еще со-

всѣмъ бодрый старикъ, съ лицомъ строгимъ и нѣсколько утомленнымъ.

— Прошу садиться... — прозноситъ онъ слегка картавя. — Съ кѣмъ имѣю честь?

— Иванъ Леонтьевичъ Щегловъ.

Лицо священника замѣтно багровѣетъ и, сурово насупившись, онъ сразу на меня обрушивается:

— Грѣховодникъ вы, господинъ Щегловъ! Что это вы написали въ „Новомъ Времени“ объ отцѣ Матвѣѣ? Можно-ли такъ??

— Писалъ что зналъ... Матеріаловъ мало, а истину выяснить надо!

— Небось, многое со словъ Оптинскихъ монаховъ написали?

— Отчасти, да.

— Такъ, такъ... — иронически проговорилъ онъ, нервно теребя сѣдую бороду. — Это все о. Е. вамъ наплелъ. Онъ терпѣть не могъ о. Матвѣя... Былъ онъ при отцѣ Матвѣѣ письмоводителемъ по раскольничьимъ дѣламъ... ну, разумѣется, не разъ сильно попадало ему отъ батюшки! Впрочемъ самъ о. Матвѣй, еще при жизни предсказалъ, что многіе его потомъ поносить будутъ... Видѣли ли вы, между прочимъ, приложеніе къ журналу „Новый Путь“—картину художника Рѣпина: „Гоголь и о. Матвѣй“?

— Видѣлъ. (Я, разумѣется, уклонился пояснить о. Ѳедору, что именно моя статья объ „Отцѣ Матвѣѣ“ и послужила чуткому художнику косвеннымъ поводомъ къ созданію извѣстнаго наброска).

— Ну, такъ вотъ о. Матвѣй и эту самую картину предсказалъ!

И на мое понятное изумленіе, волнуясь добавилъ:

— „Бранить меня будутъ послѣ смерти.. охъ, сильно будутъ бранить всякіе людишки!“ не разъ говорилъ онъ мнѣ:—„И простые люди, и образованные, и даже архіереи... И картину на меня напишутъ... Большой художникъ картину напишетъ, мнѣ въ поношеніе... И потомъ еще предсказалъ... (И о. Ѳедоръ Образцовъ уставился на меня пытливымъ, укоризненнымъ взглядомъ). Предсказалъ, что будетъ еще писатель по фамиліи *Щегловъ*... и тоже поносить меня станетъ!!

Признаюсь, я глубоко взволновался при этомъ непредвидѣнномъ откровеніи.

— Такъ и предсказалъ: „Щегловъ“? Быть не можетъ...

Отецъ Ѳедоръ горько усмѣхнулся.

— Значитъ быть можетъ, если предсказалъ... Онъ не разъ повторялъ мнѣ при жизни эту фамилію и она мнѣ крѣпко въ голову засѣла. Да такіе ли еще вещи онъ предсказывалъ... Что и говорить—великій прозорливецъ былъ отецъ Матвѣй!

Произошло тягостное молчаніе.

— Знаете ли вы, напримѣръ,—продолжалъ хмуро о. Ѳедоръ:—что мученическую кончину Императора Александра Второго, онъ при мнѣ предсказалъ еще при самомъ восшествіи на престолъ Царя Освободителя?

Я удвоилъ вниманіе.

— Какъ-то разговорились мы про Царя Батюшку, а отецъ Матвѣй потемнѣлъ и говоритъ мнѣ: „Славное будетъ его царствованіе, а умретъ онъ „въ красныхъ сапогахъ“!.. И на мое недоумѣніе добавилъ еще:—Знаешь ты, какъ по гречески „сила“? —„Динамусъ“ говорю. — „Ну, вотъ эта самая сила и сокрушитъ великаго царя!..“

Наступило еще болѣе тяжелое молчаніе.

— Про себя уже и говорить не стану... Батюшка отецъ Матвѣй, можно сказать, всю мою жизнь мнѣ предсказалъ: и житье въ Торжкѣ, и женитьбу, и протоіерейство у Покрова, все, все... Незапомню на своемъ вѣку другого такого прозорливца!!.

Видя передъ собой такого яраго послѣдователя о. Матвѣя, я невольно смутился духомъ.

— Конечно, очень прискорбно, если я допустилъ какую нибудь невѣрность,—оговорился я:—Что дѣлать, видно безъ ошибокъ не добраться до истины!..

— А вы и не добирайтесь, разъ дѣло идетъ о такой высокой личности! отечески наставительно произнесъ о. Ѳедоръ.—Кстати вы куда теперь направляетесь?

— Сейчасъ въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ...

— А знаете-ли, что я вамъ посовѣтую? Поѣзжайте-ка вы лучше теперь въ городъ Ржевъ, да отслужите панихиду на могилѣ о. Матвѣя...

Противъ послѣдняго предложенія я ничего не нашелся возразить, хотя и подумалъ про себя: что если бы слѣдовать въ жизни совѣту о. Ѳедора... какое великое множество панихидъ пришлось-бы отслужить всякому литературному изслѣдователю и критику?!.

— Вообще, объ отношеніи о. Матвѣя къ Гоголю многое превратно толкуютъ... — задумчиво замѣтилъ о. Ѳедоръ.— Какъ вы, напримѣръ, толкуете послѣднее письмо Гоголя къ отцу Матвѣю... помните послѣднія строки письма, на счетъ „шубы“?

— Отлично помню. Гоголь пишетъ о. Матвѣю, что жалѣетъ что не помѣнялся съ нимъ шубой и добавляетъ: “Ваше лучше-бы меня грѣла!“.

— Ну, вотъ какъ вы эти самыя слова понимаете?

— Разумѣется, аллегорически.

— Анъ, вотъ и не то! Дѣло тутъ о настоящей шубѣ идетъ... мнѣ объ этомъ самъ отецъ Матвѣй разсказывалъ... „Жилъ Гоголь въ Москвѣ одно время въ гостинницѣ и въ превеликомъ стѣсненіи въ холодѣ и голодѣ; и, вдобавокъ, хозяину сильно задолжалъ. А я, говоритъ, какъ разъ къ нему и заѣзжаю. Вижу каковы дѣла и предлагаю ему взять мою теплую шубу: думаю, про себя, пускай разсчитается съ хозяиномъ.— „А вы же батюшка какъ доѣдете до Ржева?“ спрашиваетъ.—Никто какъ Богъ! отвѣчаю (это было любимое, всегдашнее слово о. Матвѣя). Доѣду по милости Божіей... Но Гоголь такъ и не взялъ шубы, не смотря на уговоры.

Я ничего не возражалъ о. Ѳедору. Несомнѣнно, если дѣло и было такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то въ предсмертныхъ строкахъ Гоголь все же выразился глубоко аллегорически, а о. Матвѣй понялъ намекъ узко практически.

Остальная часть бесѣды была почти дословнымъ повтореніемъ воспоминаній о. Ѳедора, изложенныхъ въ статьѣ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ заключеніе бесѣды, о. Ѳедоръ принесъ фотографію о. Матвѣя—снимокъ съ извѣстной масляной картины бывшей на Московской Гоголевской выставкѣ (воспроизведенной нынѣ въ московскомъ альбомѣ Фишера, а также въ одномъ изъ послѣднихъ варіантовъ картины Рѣпина „Гоголь и о. Матвѣй“).

Почтенный пастырь недавно вернувшійся изъ засѣданія консисторіи видимо былъ утомленъ и я поспѣшилъ мирно откланяться.

Не могу сказать, чтобы у меня было особенно весело на душѣ, когда я уѣзжалъ изъ Твери...

Самыя Епархіальныя Вѣдомости я удосужился перелистать лишь въ вагонѣ, на обратномъ пути, и тогда мнѣ сталъ понятенъ недоброжелательный пріемъ, оказанный мнѣ тверскимъ пастыремъ. Часть статьи протоіерея Образцова направлена была... какъ разъ противъ меня и, кромѣ того, по сосѣдству съ ней, пріютилась статья также „противъ меня“ Ржевскаго протоіерея Финикова. Обѣ отповѣди, впрочемъ, ничуть не убѣдительныя, въ особенности вторая статья, иллюстрированная вмѣсто фактическихъ данныхъ текстами священнаго писанія. Но зато въ статьѣ протоіерея Образцова есть очень цѣнныя „историческія“ данныя относительно „второй части“ Мертвыхъ Душъ. Авторъ воспоминаній присутствовалъ при любопытной бесѣдѣ по этому поводу отца Матвѣя съ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ. Привожу наиболѣе характерныя строки:

— „Говорятъ, что вы посовѣтовали Гоголю сжечь 2-й томъ Мертвыхъ Душъ?

— „Неправда и неправда... Гоголь имѣлъ обыкновеніе сожигать свои неудавшіяся произведенія и потомъ снова возстановлять ихъ въ лучшемъ видѣ. Да едва-ли у него былъ готовъ 2-й томъ; по крайней мѣрѣ, я не видалъ его... Дѣло было такъ: Гоголь показалъ мнѣ нѣсколько разрозненныхъ тетрадей съ надписями: „Глава“, какъ обыкновенно писалъ онъ главами. Помню на нѣкоторыхъ было надписано: глава I, II, III, потомъ должно быть 7, а другія безъ означенія; просилъ меня прочитать и высказать свое сужденіе. Я отказывался, говоря, что я не цѣнитель свѣтскихъ произведеній, но онъ настоятельно просилъ, и я взялъ и прочиталъ. Но въ этихъ произведеніяхъ былъ не прежній Гоголь. *Возвращая тетради, я воспротивился опубликованію*

нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ одной или двухъ тетрадяхъ былъ описанъ священникъ. Это былъ живой человѣкъ, котораго всякій узналъ бы, и прибавлены такія черты, которыхъ... во мнѣ нѣтъ; да и къ тому же еще съ католическими оттѣнками, и выходилъ не вполнѣ православный священникъ. Я воспротивился опубликованію этихъ тетрадей, даже просилъ уничтожить. Въ другой изъ тетрадей были наброски... только наброски какого то губернатора, какихъ не бываетъ. Я совѣтовалъ не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмѣютъ за нее даже больше, чѣмъ за переписку съ друзьями!..

— Говорятъ даже, что Гоголь сжегъ свои творенія, потому что считалъ ихъ грѣховными?

— „Едва-ли“,—въ недоумѣніи сказалъ о. Матвѣй,— „едва-ли“... Онъ какъ будто въ первый разъ слышалъ такое предположеніе.—„Гоголь сожегъ, но не всѣ тетради сожегъ, какія были подъ руками, и сожегъ потому, что считалъ ихъ слабыми“...

Въ этихъ немногихъ взволнованныхъ словахъ отца Матвѣя, цѣлыхъ два противорѣчія. Отецъ Матвѣй говоритъ, что онъ „не видалъ“ втораго тома тогда какъ описанный у Гоголя священникъ (прототипъ отца Матвѣя) фигурировалъ именно во „второмъ“ томѣ, до насъ недошедшемъ. И потомъ, во вторыхъ... Отецъ Матвѣй говоритъ, что не совѣтовалъ уничтожать второй части, между тѣмъ какъ, черезъ десять строкъ, говоритъ: „я воспротивился опубликованію этихъ тетрадей даже просилъ уничтожить“...

Но, разумѣется, самое „главное“ недоразумѣніе заключается въ непониманіи отцомъ Матвѣемъ *глубоко христіан-*

ской основы художественнаго творчества Гоголя... „Что-жъ тутъ худого, что я Гоголя сдѣлалъ истиннымъ христіаниномъ?“.. смутно оправдывается отецъ Матвѣй.

„Е. Поселянинъ“, защищающій отца Матвѣя на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ формулируетъ эту мысль болѣе категорически: „Пускай, говоритъ онъ, погибъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя, но зато спасена душа Гоголя!!“ *).

Хороши христоносцы, нечего сказать!!.

Сентябрь, 1903 г.

---

*) „Москов. Вѣдом.“ 27 Фев. 1902 г.

IV.

Прикрытіе „небеснымъ земного“.

(*Стр. 92*).

Характерный обмѣнъ мнѣній по этому поводу произошелъ въ засѣданіи „религіозно-философскаго собранія“ между *преосвященнымъ Сергіемъ* и извѣстнымъ философомъ *Василіемъ Васильевичемъ Розановымъ*.

Преосвященный Сергій... Я не согласенъ, чтобы церкви необходимо было перемѣнять фронтъ, поставить новую задачу и цѣль своей дѣятельности: „раскрытіе правды на землѣ“. Эта цѣль можетъ быть достигнута и при наличныхъ церковныхъ идеалахъ. Когда представители церкви дѣйствительно устремлялись къ небесному, то вмѣстѣ съ тѣмъ достигали и земного. Напримѣръ, Николай Чудотворецъ, Сергій Преподобный! Не здѣсь, слѣдовательно, причина раздѣленія церкви и интеллигенціи. Интеллигенція не довѣряетъ искренности духовенства. Обратимъ вниманіе, напримѣръ, на недавно прошумѣвшую исторію объ отношеніяхъ отца Матвѣя къ Гоголю, какъ эти отношенія изображены въ статьѣ г. Щеглова въ „Новомъ Времени“? Правильно-ли это другой вопросъ... Особенно возмущаетъ автора не набожность отца Матвѣя сама по себѣ, а то, что на устахъ у него были святыя, строгія слова, а подъ ихъ покровомъ онъ добивался отъ Гоголя матеріальныхъ выгодъ. Но не-

искренность о. Матвѣя, если бы она и дѣйствительно была, не можетъ бросать тѣни на самую Церковь. Правильность указаннаго мною положенія подтверждается хотя бы слѣдующимъ крупнѣйшимъ фактомъ. Церковь прямо не возставала противъ рабства, но проповѣдывала истину небеснаго идеала и высшаго достоинства человѣка. Этимъ, а не чѣмъ-либо инымъ она постепенно достигла отмѣны рабства. Я бы прибавилъ, что интеллигенція, если она дѣйствительно хочетъ Христіанства, а не соціализма безъ вѣры и будущей жизни (земное переустройство въ немъ выдвигается на первый планъ и все покрываетъ собою), интеллигенціи нѣтъ причинъ возставать противъ церкви. Христіанство не можетъ отречься отъ неба,—а, не отрекаясь отъ неба, не можетъ поставить во главу своего служенія земное благополучіе—„правду о землѣ“; но, изрекая свое исповѣданіе небеснаго идеала, оно тѣмъ самымъ, конечно, произноситъ судъ и о земномъ.

В. В. Розановъ. Это очень, очень правдоподобно! Но если вникнуть въ каждое положеніе преосвященнаго, то окажется, что они совершенно невѣрны. Монашество отреклось отъ міра, устремилось къ небу, въ міръ не является, а между тѣмъ *міромъ управляетъ*. Это, повидимому, не противно самому принципу монашества, противъ этого не возражаютъ и лучшіе, святые изъ нихъ. *А развѣ это не есть прикрытіе небеснымъ земного?*

(Журналъ „Новый Путь“, Январь 1903 г. „Записки Религіозно-Философскихъ Собраній въ С.-Петербургѣ“).

V.

Къ характеристикѣ о. Матвѣя Константиновскаго *).

(*Стр 97*).

Статья моя „Гоголь и о. Матвѣй Константиновскій“ имѣла въ итогѣ нѣсколько сочувственныхъ откликовъ по моему адресу. При этомъ, послѣ чуткаго письма И. Е. Рѣпина, особенно дорогимъ и существеннымъ явился для меня признательный откликъ сына покойнаго Тертія Ивановича Филипова—Сергѣя Тертіевича. Изъ личной бесѣды съ послѣднимъ подтвердилось одно очень характерное обстоятельство, а именно: что его отецъ, Тертій Ивановичъ, подъ давленіемъ о. Матвѣя, очутился одно время почти въ томъ же положеніи, какъ и Гоголь въ послѣдніе дни, т.-е. былъ наканунѣ неминуемой катастрофы. Тертій Ивановичъ Филипповъ, самъ уроженецъ города Ржева, въ то время молодой чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода, графѣ А. П. Толстомъ, познакомился съ о. Матвѣемъ въ гор. Ржевѣ въ самый годъ кончины Гоголя, т.-е. въ 1852 г. Первоначально увлекся онъ имъ исключительно какъ художникъ, какъ любитель своеобразной народной рѣчи, плѣненный народнымъ складомъ его проповѣдей въ ржевскомъ соборѣ; а затѣмъ, такъ же, какъ и Гоголь,

*) Читано въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ, 6-го марта 1902 г.

постепенно подчинился ему какъ слабохарактерный человѣкъ. И вотъ, слѣдуя неумолимому слову о. Матвѣя, Т. И. не только сталъ поститься акуратно каждую среду и пятницу и строго блюсти великій постъ, но всю первую недѣлю и послѣднюю поста пересталъ совсѣмъ вкушать пищу и, въ концѣ-концовъ, исхудалъ, позеленѣлъ, сталъ почти психически больнымъ человѣкомъ, поглощеннымъ всецѣло суровой обрядовой стороной церковнаго устава. Въ домѣ Филиппова это была своего рода „семейная драма“, тяжело отразившаяся на домашнихъ и особенно сильно возбуждавшая противъ о. Матвѣя жену Т. И. досточтимѣйшую Марью Ивановну, родственницу Погодина. И, Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилась безъ этой благородной женщины блистательная карьера Тертія Ивановича, этого гумманнѣйшаго сановника, оказавшаго, между дѣломъ, столько добра для русской словесности и многихъ ея представителей!.. Еще будучи невѣстой Тертія Ивановича и замѣтивъ губительное одностороннее вліяніе, производимое о. Матвѣемъ на впечатлительную душу своего жениха, она вступила въ негласную, женски-страстную борьбу съ этимъ деспотическимъ вліяніемъ и, въ результатѣ, не безъ упорнаго труда, конечно, вышла счастливой побѣдительницей. Сила гипнотизма ржевскаго пастыря ослабла и Тертій Ивановичъ, къ радости семьи, съ новымъ рвеніемъ предался своей обычной гуманитарной и общественной дѣятельности.

Но по свидѣтельству его сына, Сергѣя Тертіевича, явные слѣды этого вліянія долго еще оставались и, не взирая на многія вѣскія доказательства, рисовавшія о. Матвѣя совершенно въ противоположномъ свѣтѣ, Т. И. никогда ни однимъ словомъ не позволялъ себѣ отозваться о немъ непочтительно. И лишь за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, онъ измѣнилъ

свой взглядъ на ржевскаго пастыря и то благодаря случайно попавшему ему въ руки письму о. Матвѣя, обнаружившему, что означенный пастырь, столько обязанный въ своемъ духовно-судебномъ процессѣ (пресловутое дѣло о главѣ св. Саввы) поддержкѣ Тертія Ивановича, велъ, такъ сказать, двойную игру и былъ главной причиной личной размолвки Тертія Ивановича съ графомъ А. П. Толстымъ, и отсюда косвенной причиной крупныхъ служебныхъ невзгодъ, поставившихъ Тертія Ивановича временно въ весьма критическое матеріальное положеніе. Эту личную размолвку Т. И. Филиппова съ графомъ А. П. Толстымъ, какъ нынѣ выяснилось, подготовило первоначальное разногласіе о. Матвѣя съ Тертіемъ Ивановичемъ по раскольничьимъ дѣламъ. Отецъ Матвѣй, человѣкъ огромнаго, хотя и скрытаго самолюбія и не выносившій противорѣчія, не погнушался даже окольнымъ путемъ тайнаго поклепа на своего бывшаго благодѣтеля.

Два письма Тертія Ивановича, года два назадъ опубликованныя на страницахъ „Душеполезнаго Чтенія“ извѣстнымъ спеціалистомъ по расколу професоромъ Н. И. Субботинымъ, выпукло выставляя съ одной стороны просвѣщенный умъ и сострадательное сердце Тертія Филиппова — съ другой, весьма прозрачно подчеркиваютъ ограниченность и нетерпимость отца Матвѣя Константиновскаго.

Одна изъ московскихъ газетъ, помѣстившая весьма пространную и весьма поверхностную отповѣдь на мою статью, умиляется между прочимъ „безграничнымъ милосердіемъ“ отца Матвѣя *)... Историческіе факты, приведенные въ той же любопытной статьѣ Субботина, гдѣ цитированы письма Филиппова, свидѣтельствуютъ, однако, иное... ибо мореніе

*) «Москов. Вѣдом.» 27-го февр., 1902 г.

голодомъ раскольниковъ и осада полкомъ гусаръ раскольничьей моленной, какъ это произошло въ городѣ Ржевѣ весной 1857 г., едва ли могутъ быть отнесены къ акту христіанскаго милосердія. А вѣдь „душой“ всей этой некрасивой исторіи былъ не кто иной, какъ отецъ Матвѣй! (благоразумно впрочемъ предоставившій въ минуту опасности отправиться съ увѣщаніемъ къ толпѣ раскольниковъ одному ржевскому городничему).

Нѣкоторыя строки въ письменномъ донесеніи Т. И. Филиппова по этому дѣлу графу А. П. Толстому производятъ потрясающее впечатлѣніе: „Положено было морить старообрядцевъ голодомъ, не пропуская никого ни къ нимъ, ни отъ нихъ. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ изъ Твери кн. Вяземскій, начальникъ дивизіоннаго штаба, назначенный главнымъ начальникомъ войскъ въ Ржевѣ (здѣшній ген. Штакельбергъ сказался больнымъ) и самаго города, потому что городъ нашъ объявленъ на военномъ положеніи. Обратились съ просьбою къ кн. Вяземскому, чтобы онъ надѣлъ весь парадъ свой и съѣздилъ поговорить со старобрядцами. А время случилось къ ярмаркѣ; народу на той сторонѣ было безъ конца. На старобрядцахъ не было лица, они стояли синіе и блѣдные; на лицахъ было уныніе самое глубокое, но болѣе трогательное, чѣмъ ожесточенное. Они какъ-то заглядывали въ глаза, ища состраданія. Люди сторонніе не могли воздержаться отъ слезъ... Когда князь Вяземскій поѣхалъ по улицамъ, они пали на колѣни и раздирающимъ голосомъ завопили: „Батюшка помилуй! Заступись за насъ!“..... Получивъ приказаніе привести дѣло къ концу, какъ умѣетъ, до пріѣзда (изъ Петербурга) г-ра Ефимовича, губернаторъ подошелъ къ воротамъ-моленной и велѣлъ войску вломиться во дворъ. Тутъ ротмистръ Муравьевъ съ

вахмистромъ ворвались первые и проложили дорогу другимъ; губернаторъ вошелъ за ними со всѣми властями. Утомленные голодомъ и уменьшенные въ числѣ почти до $^1/_{10}$, старообрядцы не могли и не захотѣли сопротивляться, только сцѣпились другъ съ другомъ за руки. Ихъ растащили и заперли во флигели, въ которыхъ жилъ нѣкогда попъ Василій и его дьячьки"... (Въ томъ же, первомъ письмѣ, Т. И. оговаривается, что несмотря на раздраженіе о. Матвѣя, онъ не скроетъ отъ него: „какъ Вамъ это происшествіе горько и что вы не видите въ немъ торжества православія, какъ видитъ онъ"):

Въ концѣ концовъ, однако, почти всѣ раскольники были выпущены на свободу... „Я видѣлъ, какъ освобождали раскольниковъ,—пишетъ во второмъ своемъ донесеніи Т. И. Филипповъ:—Они разъ двадцать падали въ ноги кн. Вяземскому, кричали „многія лѣта" Царю, крестились... На лицахъ у нихъ я не замѣтилъ ни малѣйшей злорадной примѣси къ чувству радости. Если бы этихъ людей наказать, такъ я ужъ и не знаю что это было бы!..." Въ заключеніе письма, Т. И. опять не можетъ скрыть своей досады на безатактность отца Матвѣя: „о. Матвѣй не огорченъ свободою раскольниковъ и надѣется имѣть успѣхъ въ обращеніи: по крайней мѣрѣ онъ хочетъ сдѣлать имъ предложеніе о переходѣ въ единовѣрческую церковь, на основаніи присланнаго ему указа. Но теперь это будетъ такъ не кстати; я его прошу, чтобы онъ этого не дѣлалъ, потому что выйдетъ изъ этого одинъ смѣхъ*)!.." Вскорѣ впрочемъ, о. Матвѣй скончался: очевидно „снисхожденіе". оказанное его исконнымъ врагамъ раскольникамъ—гуманный откликъ начала царствованія Александра II,—нанесло самолюбію властнаго протоіерея смертельный ударъ

*) „Душеполезное Чтеніе" 1900 г. Апрѣль—май.

Кстати сказать Сергѣй Тертіевичъ, подготовляетъ къ печати любопытнѣйшее изданіе: „Архивъ Тертія Ивановича Филиппова“, въ которомъ, между прочимъ имѣется съ полсотни интимныхъ писемъ „отца Матвѣя“, а также любопытная черновая записка одного духовнаго лица о личности ржевскаго протоіерея.

Намъ удалось пробѣжать нѣкоторыя изъ писемъ и взглянуть въ таинственную записку, принадлежащую повидимому перу тверского архимандрита Леонида (тоже пострадавшаго одно время вслѣдствіе злопамятности о. Матвѣя)... Письма предательсти выдаютъ черты мелочности, тщеславія и явной двойственности въ дѣлахъ житейскихъ о. Матвѣя, т. е. почти тѣ же пороки, въ коихъ ржевскій пастырь столь усердно упрекалъ бѣднаго Гоголя... Записка же даетъ характерную подробность о загадочной исторіи съ мнимо чудотворной главою, обрѣтенной о. Матвѣемъ въ раскольничьемъ скиту и самовольно имъ канонизированной. Такъ напримѣръ, въ донесеніи своемъ въ тверскую консисторію отецъ Матвѣй утверждаетъ, „что у означенной главы сохранились уши, кожа и она издаетъ благовоніе“... Глава была положена въ шкатулку, шкатулка опечатана и отправлена въ тверскую консисторію; члены же консисторіи раскрывъ шкатулку, въ присутствіи отца Матвѣя, нашли одинъ черепъ безъ ушей и тяжкій мертвенный запахъ. На вопросъ членовъ консисторіи: „Чья сія глава“?—о. Матвѣй заносчиво отвѣчалъ: „Это знаетъ лишь Богъ... да я!!.“ (Въ этой фразѣ о. Матвѣй, такъ сказать, во весь ростъ!).

Любопытны въ запискѣ строки, касающіяся Гоголя. Авторъ записки пишетъ: „Гоголь какъ то сказалъ: „Чтобы понять священное писаніе, надо имѣть умъ просвѣщенный и эстически развитую душу“. Когда эти слова передали

отцу Матвѣю, онъ отвѣчалъ: „Да, Гоголь дѣйствительно это говорилъ... покуда не зналъ „Сираха“,—а какъ прочелъ „Сираха“... сразу упалъ“!..

Что дѣлать, и самъ о. Матвѣй тоже, въ свою очередь, упалъ въ нашемъ мнѣніи, когда намъ пришлось перечесть нѣкоторые документы изъ любопытнаго архива Т. И. Филиппова... Двѣ цѣнныя черты со словъ своего покойнаго отца сообщилъ мнѣ Сергѣй Тертіевичъ объ отношеніи о. Матвѣя къ Гоголю. По разсказамъ Т. И. упреки отца Матвѣя дѣйствовали на Гоголя подавляюще, доводили его до слезъ... Но каждый разъ, когда Гоголь въ отчаяніи спрашивалъ: „Что же наконецъ дѣлать?“—о. Матвѣй нѣсколько терялся... и отдѣлывался общими фразами: „Надо соблюдать посты“!, „Исполнять волю Пославшаго“!. и т. п.

— „Равно имѣю полное основаніе полагать“,—утверждалъ Т. И. Филипповъ,—„что изъ сочиненій Гоголя о. Матвѣй ничего не читалъ, кромѣ „Переписки“, присланной ему самимъ авторомъ, а съ произведеніями Пушкина и вовсе знакомъ не былъ“. Это въ значительной степени умѣряетъ эффектную фразу г. Мережевскаго, будто бы сказанную о. Матвѣемъ Гоголю: „Отрекись отъ Пушкина“!.. Это слишкомъ тонко для отца Матвѣя, даже если бы онъ и читалъ Пушкина.

Въ итогѣ, приходится признать, что г. Грѣшищевъ, авторъ извѣстной біографіи-панегирика о. Матвѣя, включившій ржевскаго протоіерея въ завидный кругъ подвижниковъ земли русской, значительно погрѣшилъ противъ истины.

Покойный Николай Савичъ Тихонравовъ, насколько намъ извѣстно, держался куда болѣе рѣзкаго взгляда на личность отца Матвѣя, чѣмъ тотъ, что заключаетъ сущность нашей замѣтки, но смерть помѣшала Н. С. опубликовать обличительные факты по этому поводу, бывшіе въ его рукахъ!..

VI.

Театръ и Духовенство.

(*Стр. 108*).

Настоящій разсказъ вызвалъ на страницахъ „Слова“ (№ 209) интересную статью Н. П. Смоленскаго (Черепина): „Театръ и Духовенство“...

„Разсказъ И. Л. Щеглова,—пишетъ между прочимъ Смоленскій,—даетъ жизненный отвѣтъ на вопросъ, насколько пагубно можетъ вліять, съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, на духовенство посѣщеніе театра.

Историческая жизнь русскаго человѣка прошла почти подъ непрерывнымъ тяжелымъ гнетомъ. Быть можетъ, поэтому рабство вошло въ плоть и кровь русскаго человѣка. Мы по натурѣ рабы, слѣпые рабы обычаевъ, привычки. Мы не хранимъ, не соблюдаемъ сознательно, подобно англичанамъ, традиціи, мы безсильно и безвольно подчиняемся имъ. Не мы управляемъ ими, а онѣ нами. Такъ ведется изстари. Вотъ обычное доказательство законности и цѣлесообразности того или другого явленія жизни. Мы даже обычно не беремъ на себя труда провѣрить, соотвѣтствуетъ ли такое мнѣніе дѣйствительности, выяснить, какъ и почему исторически сложился тотъ или другой взглядъ. Вотъ почему, на ряду съ традиціями, дѣйствительно заслуживающими священнаго къ себѣ отношенія, и даже нерѣдко преимущественно передъ ними, мы поклоняемся призракамъ, почитаемъ идоловъ, какъ боговъ.

Къ числу такихъ идоловъ принадлежитъ и прочно уста-

новившійся взглядъ о недопустимости для духовенства посѣщенія театровъ. Не такъ давно вопросъ становился еще шире ревнителями благочестія, начиная съ извѣстнаго московскаго митрополита Филарета, безапелляціонно заявлялось о грѣховности театра вообще и о недопустимости посѣщенія его для всякаго христіанина. Но по тактическимъ соображеніямъ пришлось перестать говорить объ этомъ: логическимъ выводомъ изъ отрицанія театра являлось отреченіе церкви отъ культуры, цивилизаціи, частью и плодомъ которой онъ является. Кромѣ того, приходилось считаться и съ тѣмъ, что государство признало за театромъ высоко-культурное значеніе, и, особенно послѣдніе 10—15 лѣтъ стало даже усердно заботиться о развитіи дѣла народнаго театра. Однако, представители церкви, проповѣдуя въ угоду свѣтской власти о пользѣ народныхъ театровъ съ прежней, если не съ большей, настойчивостью заявляли, что для духовенства посѣщеніе театра недопустимо. Такой взглядъ привился и обществу. „Это также невозможно, какъ присутствіе священника въ театрѣ!“— стало едва-ли не ходячей фразой, и мы привыкли принимать этотъ взглядъ, какъ нѣчто неприложное, совершенно не подозрѣвая, что для него нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній ни въ христіанскомъ вѣроученіи и нравоученіи, ни въ исторіи церкви и каноническихъ нормахъ. . . . . .

Рѣзкія порицанія театра у нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей и отцовъ древней церкви относятся исключительно къ *языческому* театру и къ христіанскому театру никакого отношенія не имѣютъ. Если они теперь и имѣютъ какое-либо значеніе, то только какъ наглядный показатель бѣдности историческаго и юридическаго знанія у тѣхъ, кто къ нимъ прибѣгаетъ для доказательства непозволительности духовенству посѣщать театръ. То, что являлось вполнѣ естествен-

нымъ и понятнымъ по отношенію къ языческому театру, выродившемуся изъ языческаго культа, пропитанному языческими вѣрованіями и взглядами, часто позволявшему себѣ издѣвательства надъ христіанствомъ, *не можетъ имѣть отношенія къ христіанской драмѣ, выросшей на почвѣ христіанскаго вліянія*".

Очень характерно заключеніе статьи:

„Художники слова поднимаютъ и пытаются разрѣшить вопросы, какими болѣетъ, мучается современное человѣчество, стремящееся въ произведеніяхъ литературы найти разрѣшеніе исканій своего разума и мученій чувства. Эти вопросы—вопросы жизни, и церковь должна отзываться на нихъ, если хочетъ быть истинной руководительницей своихъ членовъ. Но какъ можетъ священникъ говорить о вопросахъ, возбужденныхъ и разрѣшаемыхъ въ поставленной на сценѣ драмѣ, если онъ не смѣетъ ее видѣть? Правда, онъ можетъ прочитать ее, но совершенно вѣрно замѣтилъ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла". И пастырь церкви, желающій сказать или написать по поводу драматическаго произведенія, волнующаго умы и сердца его паствы, заранѣе обрекается или на невозможность вполнѣ правильно, и вѣрно судить о немъ, или на необходимость прибѣгнуть къ хитрости и обману, чтобы его увидѣть.

Слишкомъ большая пропасть утвердилась между интеллегенціей и церковью, въ лицѣ ея представителей духовенства! Эта пропасть не можетъ сузиться до тѣхъ поръ, пока духовенство въ массѣ своей не пріобщится къ культурѣ, одной изъ важнѣйшихъ сторонъ которой являются литература и театръ".

VII.

Обидное недоразумѣніе.

(*Стран. 144*).

Эти бѣглые наброски изъ моего „московскаго дневника“, вызванные чествованіемъ пятидесятилѣтней годовщины со дня кончины Гоголя, я сохранилъ для настоящаго изданія, имѣя главнымъ образомъ въ виду молодое поколѣніе, которому улыбается счастье дожить до столѣтней годовщины.

Имѣя подъ рукой, какъ документъ, живой снимокъ съ картины чествованія памяти Гоголя въ 1902 г. — явится возможность безпристрастно сравнить культурные успѣхи въ оцѣнкѣ великаго человѣка, достигнутые на протяженіи полувѣка.

Къ прискорбію, нынѣшнее чествованіе столѣтней годовщины *дня рожденія* Гоголя начинается съ обиднаго недоразумѣнія, т. е. съ произвольнаго установленія для сего „20 Марта“, а также совсѣмъ случайнаго „26 Апрѣля“, намѣченнаго какъ день открытія памятника Гоголю въ Москвѣ. Такимъ образомъ, чествованіе памяти Гоголя начинается, такъ сказать, съ явнаго небреженія къ этой самой памяти!..

Въ самомъ дѣлѣ, мало понятно почему вдругъ такъ быстро отказались отъ „19 марта“, какъ дня рожденія Гоголя, числа давно обошедшаго всѣ учебники, словари и біографіи

Гоголя и нерушимо укрѣпившаго въ памяти большинства? Неужели только потому, что Сороченскій дьячекъ записалъ день рожденія 20 Марта?? Недоумѣваю: почему предпочтительнѣе вѣрить Сороченскому дьячку, чѣмъ матери Гоголя, родившей своего великаго сына, по ея собственнымъ словамъ, *19 Марта*, а не 20—и нарушать традиціи Гоголевской семьи, болѣе полувѣка, изъ года въ годъ, памятующей день рожденія Н. В. Гоголя именно *19 Марта!*.. Если хотите, даже какъ то обидно пріурочить юбилей Гоголя, вмѣсто „мистическаго“ 19 числа, къ бюрократическому „двадцатому числу“, ибо Гоголь какъ разъ былъ „человѣкомъ безъ двадцатаго числа“ и именно оттого всю жизнь находился въ матеріальныхъ тискахъ, и оттого такъ безвременно подкосило эту самую дорогую жизнь. Право же, чествованіе Гоголя „20 числа“ отдаетъ какой то умышленной бюрократической ироніей и мало вяжется съ главной трагедіей жизни автора „Мертвыхъ душъ“...

Также нѣсколько ироническій оттѣнокъ для памяти Гоголя носитъ приглашеніе „Общества Любителей Россійской Словесности“ представителямъ иностранной литературы на „9 Мая“ по новому стилю, досадно напоминая объ обойденномъ днѣ Ангела Гоголя!.. А какъ бы хорошо было пріурочить открытіе памятника не къ безразличному 26 Апрѣлю, по старому стилю, а какъ разъ къ этому самому *9 Мая стараго стиля*, т. е. трогательно пріурочить открытіе памятника ко дню именинъ Гоголя 9 Мая—день, который самъ Гоголь особенно чтилъ и торжественно праздновалъ въ той самой Москвѣ, которая воздвигаетъ ему памятникъ...

Вспомните, хотя бы разсказъ С. Т. Аксакова объ именинномъ обѣдѣ Гоголя, въ саду у Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ 9 Мая 1840 г.? Обстановка именинъ такъ и просится на

полотно художника, какъ живой снимокъ съ цѣлой литературной эпохи... На этомъ обѣдѣ, кромѣ близкихъ пріятелей и знакомыхъ, включая Сергѣя Тимофеевича Аксакова съ сыномъ Константиномъ, присутствовали И. С. Тургеневъ, князь П. А. Вяземскій, поэтъ Лермонтовъ, романистъ Загоскинъ, Елагина, Хомякова, и многіе друг. Обѣдъ былъ веселый и шумный. Послѣ обѣда Гоголь собственноручно приготовлялъ жженку и сыпалъ остроумными шутками. Въ саду же, въ тѣсномъ кружкѣ, Лермонтовъ впервые читалъ передъ Гоголемъ наизусть и, притомъ съ большимъ увлеченіемъ, отрывокъ изъ „Мцыри“... Спустя девять лѣтъ, Гоголь по прежнему, въ томъ же саду у М. П. Погодина, опять торжественно празднуетъ свои именины въ тѣсномъ кругу друзей и знакомыхъ.

Отчего, казалось-бы, такое историческое событіе, какъ открытіе памятника Гоголю въ Москвѣ не пригнать бы именно *къ 9-му Мая*,—тогда, можно сказать, именины Гоголя отпразднованы были бы въ самомъ широкомъ кругу и обратились бы во „всероссійскіе именины“!!.

Ахъ, какъ мы мало умѣемъ беречь дорогія традиціи и любовно прилаживать историческія рамки!..

P. S. Большинство газетъ поддержало мои соображенія, (напеч. въ „Словѣ“ 4 марта)—причемъ наиболѣе дѣльный и остроумный откликъ появился въ „Новомъ Времени“ отъ 7-го марта подъ заголовкомъ: „19 или 20 марта“ и подписанный юмористическимъ псевдонимомъ „Сосѣдъ рудаго Панька“.

„Позвольте мнѣ, сосѣду покойнаго пасичника Рудаго Панька, вступиться за честь 19 марта. И я со своей старухой, и всѣ наши хуторяне привыкли подавать часточку въ храмъ Божій за Николая Васильевича Гоголя 19 марта,

въ день его рожденія. Намъ обидно прочитать теперь приказъ по газетамъ, будто до сихъ поръ число сіе справлялось ошибочно, въ противность метрическимъ книгамъ, гдѣ значится 20 марта. Правда, въ былое стародавнее казацкое время мало кто зналъ даже годъ своего рожденія, а не то что день. Извѣстное дѣло, предки наши „число не знали, бо календарей не мали“. Такъ они и турецкому султану отписали. Вотъ и дѣдъ Рудый Панько не могъ указать точно, который ему годъ. „Диканьскій-то попъ, отецъ Харлампій, зналъ, когда я родился: да жаль, что уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ его нѣтъ на свѣтѣ“. Такъ писалъ старый пасичникъ въ своихъ „Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки“. На память отца Харлампія онъ полагался, а на запись въ церковныхъ книгахъ и не подумалъ взглянуть, такъ какъ точность дьяка Охримія подлежала, по разнымъ соображеніямъ, большому сомнѣнію.

И сорочинскій батюшка навѣрно точно зналъ день рожденія сына почетнато своего прихожанина Василія Афанасьевича Гоголя, приходилъ съ поздравленіями каждогодно, но и ему невдомекъ было, что дьячокъ занесъ въ книгу не точный день рожденія, а число, когда давали молитву. Не ночью же было бѣжать причту въ панскій дворъ—пошли честь-честью утромъ.

Удивительное дѣло, зачѣмъ понадобилось измѣнять никѣмъ при жизни писателя и его родителей не опороченное 19 марта? Если бы семейная хроника Гоголя была темна и неизвѣстна,—а то вѣдь вся на ладони!... Ну, ужъ и находятся же гробокопатели... Право.

У насъ, близь Диканьки, и на Яновскихъ хуторахъ тоже, среди людей письменныхъ и почтенныхъ, существовало убѣжденіе въ нѣкоторой, такъ сказать, провинціаль-

ности 19 марта. Николай Васильевичъ родился въ тяжелую для отечества эпоху наполеоновскихъ войнъ, а черезъ пять лѣтъ, именно 19 марта 1814 г., русскія войска побѣдоносно вступили въ Парижъ... Такъ вотъ оно что! Дѣло-то, видите сами, не такъ просто, 19-е или какое другое число. Этакъ мѣнять по справкѣ въ торопливой записи церковнаго причетника, можно дойти и до марта 25, когда случилось въ Петербургѣ странное происшествіе («Носъ»), а тамъ докатитесь до самаго поприщенскаго 86-го Мартобря. Вѣдь въ доброе старое время дьяки, „чтобъ имъ на томъ свѣтѣ ѣлись одни только бухонци пшеничные да маковники въ меду“, любили-таки повеселиться...

Знаете что? Не додумались ли каверзу устроить своему бытописателю господа россійскіе чиновники? Долго ли, на основаніи справки за № такимъ-то, опрокинуть всякую очевидность. Число же 20-е для нихъ, понятно всякому, самое разлюбезное!..

Прочиталъ я куму письмо. Онъ задумался.—„Что скажешь?“—спрашиваю.—„По-моему, говоритъ, дабы не подрывать силы метрики, надлежитъ праздновать и 19 и 20 марта!

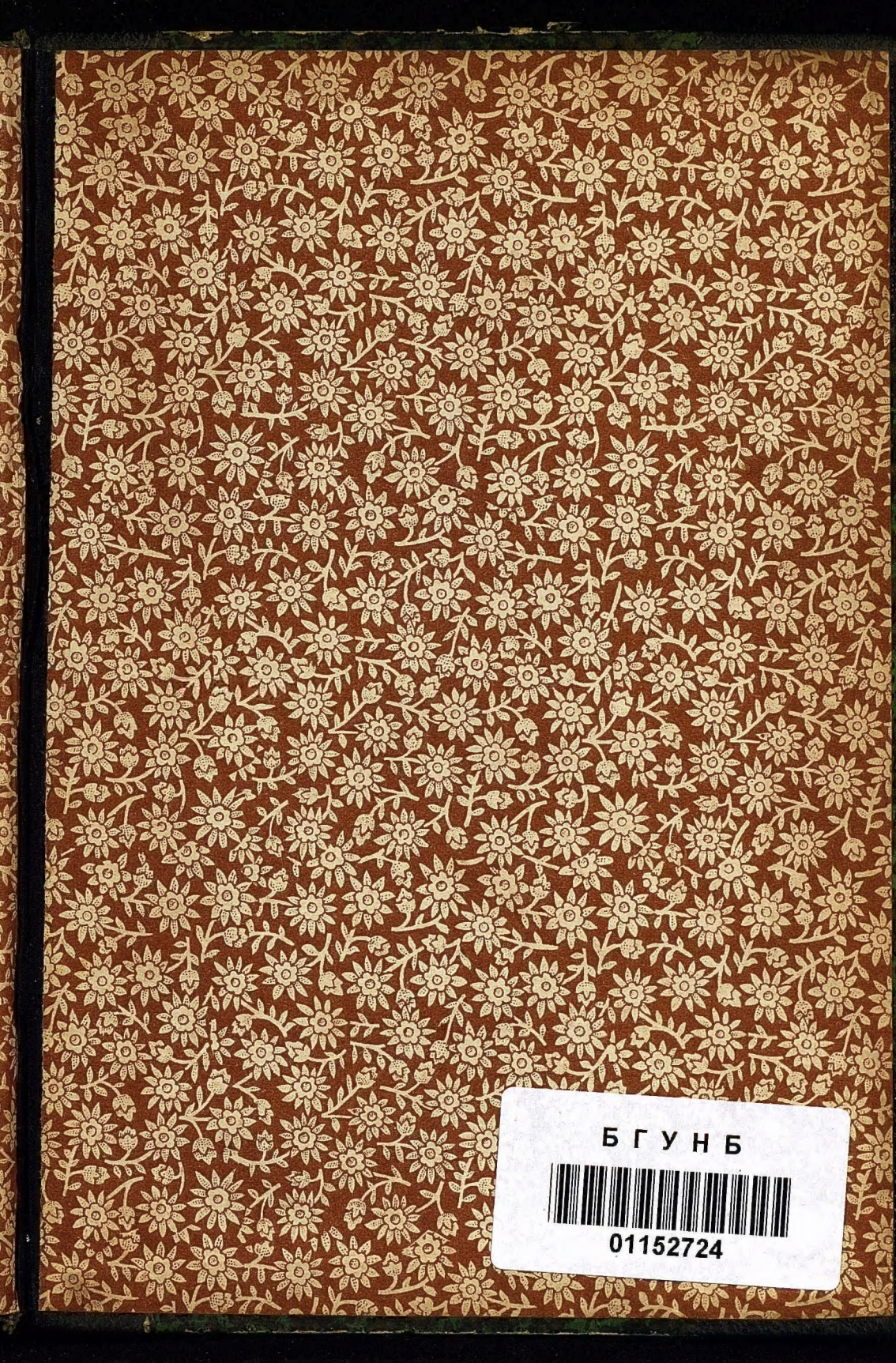
Вотъ куда кумъ загнулъ... Будьте здоровеньки!“

Оглавленіе.

	стр.
Обида непониманія	1
Своеобразность гоголевскаго дара	9
Перлъ созданія	17
Три дня въ гор. Калугѣ	29
Гоголь въ Оптиной пустыни	54
Юморъ и христіанство	67
Гоголь и о. Матвѣй Константиновичъ	78
Полночный Ревизоръ	98
Гоголевскіе дни въ Москвѣ	109
На гоголевской выставкѣ	120
Итоги гоголевскаго юбилея	134
Примѣчанія	145

100 руб

21 МАЙ 1945


БГУНБ
01152724